

ТУЙМЕБАЕВ Ж.

**СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ
АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ
И
АЛТАИСТИКИ**

Туркестан 2006

ТУЙМЕБАЕВ Ж.

**СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ
АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ
И
АЛТАИСТИКИ**

монография

Туркестан
2006

ББК 63.3

Т81

**Международный казахско-турецкий университет имени
Х.А.Ясави**

Редакционная коллегия:

Пралиев С., Бердибай Р., Ергобек К.,
Кучук Ж., Казмагамбетов А., Айменов Ж., Ибраев Ш.

Туймебаев Ж.

Т81 Становление и развитие алтайской теории и алтаистики.
Монография. –Туркестан: МКТУ им. Х.А.Ясави, 2006. –272 с.

ISBN 9965-733-60-0

Алтайский этнолингвокультурологический ареал с древнейших времен является местом взаимодействия не только разных языков, но и разных культурных традиций, религиозных воззрений, хозяйственных укладов. Язычество, шаманизм, буддизм, манихейство, несторианство, ислам, христианство в разное время в той или иной мере существовали на Алтае и оставили яркий след в культуре, искусстве и языке.

В монографии рассматриваются этапы становления и развития алтайской теории и алтаистики со всеми ее противоречиями и перипетиями с первых шагов и до современности. Книга насыщена фактами и исследовательскими трудами зарубежных и российских ученых по проблемам и истории урало-алтайской языковой общности.

Данная монография предназначена для ученых-филологов, историков, студентов, магистрантов, аспирантов и для широкого круга читателей, интересующихся историей народов и языков.

ББК 63.3

Т 0503000000
00(05)-06

© Туймебаев Ж., 2006

ВВЕДЕНИЕ

Проблема казахско-монгольских и, шире, тюркско-монгольских языковых параллелей неразрывно связана со сложной и запутанной проблемой общности алтайских языков. Поэтому, прежде чем вплотную приступить к проблеме казахско-монгольских языковых взаимоотношений на уровне лексики, исследователь должен разобраться во всех перипетиях алтаистической проблематики и четко определиться в отношении постулируемого генетического родства тюркских, монгольских тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков.

История алтаистики насыщена различными концепциями pro et contra генетического родства так называемых «алтайских» языков: высказываются различные точки зрения, касающиеся значительного объема общих лексических, грамматических и других строевых элементов в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языках, традиционно объединяемых в алтайскую общность, – одними исследователями они объясняются генетическими связями этих языков между собой, другими – одновременными взаимозаимствованиями и типологическим их сходством. Для того, чтобы разобраться во всем этом клубке противоречий, естественно, необходимо подробно ознакомиться с историей развития алтаистики в целом и сложившихся внутри нее различных направлений, чтобы установить, в чем заключается истинная причина крайне противоречивых взглядов на природу материальной общности так называемых «алтайских» языков. Поэтому свое исследование мы решили предварить кратким очерком истории развития алтаистики как самостоятельной лингвистической дисциплины.

Посколькú тюркско-монгольские лексические схождения в течение длительного времени изучались в русле урало-алтайской и алтайской теорий, тема данной работы требует довольно подробного обзора истории становления и развития урало-алтайской и алтайской гипотез в языкознании. Это тем

более актуально, что классическая алтайская теория прежде всего зиждется на тюркско-чувашско-монгольских языковых схождениях, благодаря которым традиционная алтаистика придает чувашскому языку статус переходного или связующего звена между стандартными тюркскими и монгольскими языками.

Экскурс в историю алтаистики обусловлен также и тем обстоятельством, что огромная специальная литература по проблемам алтаистики написана в основном на иностранных языках и отечественному читателю практически недоступна. Даже изданная в бывшем Советском Союзе относительно небогатая литература по данной проблематике из-за ее небольшого тиража практически мало знакома даже лингвистам. Несмотря на то, что большинство алтайских языков, на которых говорят многочисленные народы, распространено, главным образом, на территории СНГ, о них, как особой языковой семье, а также об их составе и отношении друг к другу до сих пор мало знают не только широкие массы, но и представители смежных с языкознанием наук.

Современная алтаистика включает в себе огромный комплекс научных знаний – лингвистических, филологических, исторических, этнологических, археологических, культурологических, искусствоведческих, философских и т.д. Углубленное изучение подобных проблем позволит лучше раскрыть этнические и языковые процессы, происходившие в пределах алтайского ареала и сыгравшие огромную роль в истории Евразийского геополитического пространства.

Алтайский этнолингвокультурологический ареал с древнейших времен является местом взаимодействия не только разных языков, но и разных культурных традиций, религиозных воззрений, хозяйственных укладов. Язычество, шаманизм, буддизм, манихейство, несторианство, ислам, христианство в разное время в той или иной мере существовали на его территории и оставили яркий след в культуре, искусстве, в языках.

Естественное следствие соприкосновения разных культур в алтайском геополитическом пространстве – необычайное разнообразие систем и видов письма – иероглифическое, «квадратное», руническое, буквенное: согдийское, уйгурское, манихейское, сирийско-несторианское, брахми, арабское и др.

Тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, с одной стороны, палеоазиатские, енисейские, самодийские, индоевропейские (иранские, тохарские, санскрит и др.), тибетский, китайский, корейский и многие другие – с другой, через непосредственные соприкосновения или благодаря интенсивным культурным связям их носителей, неоднократно вступали в активные контакты, приводившие к взаимопроникновению лексических и морфологических элементов и к формированию общих структурных черт.

Проблема алтайской общности, в которую традиционно объединяются тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, а также, с некоторыми оговорками, корейский и японский языки, до настоящего времени остается в языкознании неразрешенной. Все специалисты, занимающиеся компаративным исследованием языков, входящих в состав алтайской семьи, признают эту общность и само название этой общности, но отношение отдельных групп языков между собой внутри этой общности понимается и определяется различными исследователями по-разному.

Некоторые лингвисты считают, что все группы языков, входящие в алтайскую семью, являются искони генетически родственными, другие же утверждают, что материальная близость между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками определилась позже и объясняется не общим их происхождением, а тем, что было приобретено в результате многовековых тесных взаимоотношений между ними и сложной многократной взаимной интерференцией, сказавшейся на всех строевых уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Алтайская и, шире, урало-алтайская теории и сравнительно-историческое изучение традиционно объединяе-

мых в эти семьи языков имеют длительную историю и обширную специальную литературу. Еще в XVIII столетии некоторыми учеными были отмечены общие типологические и генетические черты урало-алтайских языков и была сформулирована теория их генетического родства.

Из историографических и библиографических работ, в которых в некоторой степени отражены и соответствующие воззрения на алтайскую теорию, особо следует отметить работы Й. Бенцинга (Benzing, 1953), Д. Шинора (Sinor, 1963), Н. Поппе (Poppe, 1955; 1960; 1965), А. Дилячара (Dilâçar, 1964), Д.М. Насилова (Насилов, 1975; 1977 а, б; 1978 а, б, в; 1979), Н.А. Баскакова (Баскаков, 1981) и др. авторов. В этих обзорных по своему характеру трудах опубликованы достаточно полные и ценные сведения, позволяющие проследить историю развития алтаистики в целом. В них также содержатся важные сведения о специальной научной литературе с соответствующими аннотациями, дающими краткие сведения о содержании каждого исследования.

Сравнительно-историческое изучение тюркских и монгольских языков, традиционно объединяемых вместе с тунгусо-маньчжурскими и некоторыми другими (в частности с корейским и японским) языками в обширную алтайскую семью, имеет уже довольно длительную историю и уходит к началу далекого XVIII века. До формирования классической алтаистики в начале XX века эта наука прошла сложный и противоречивый путь становления. На этом долгом пути можно выделить несколько взаимосвязанных направлений и этапов. Это и медленное, постепенное накопление и освоение эмпирического материала по многим языкам обширной алтайской семьи, и весьма неопределенные теоретические позиции первых исследователей алтайских языков, и первоначально априорная манифестация генетического родства алтайских и, шире, урало-алтайских языков, и своеобразие использования разработанного на материале главным образом индоевропейских языков сравнительно-исторического метода применительно к алтайским языкам, и

разделение некогда единой урало-алтаистики на две самостоятельные отрасли – уралистику (финно-угроведение) и собственно алтаистику, и становление алтаистики как самостоятельной отрасли гуманитарных (прежде всего лингвистических) дисциплин, и кризис ортодоксальной алтаистики в середине прошлого века, и развитие неоалтаистики с ее теорией заимствований, которую применительно к алтайским языкам более правомерно было бы назвать «теорией языкового союза», и т.д., и т.п.

Длительный этап от первого знакомства просвещенной Европы с новыми восточными языками и появления в специальной литературе первых отрывочных сведений об отдельных алтайских языках и диалектах до разработки первых сравнительно-исторических работ и становления классической алтаистики в первой четверти XX века, очевидно, следует назвать **этапом накопления и предварительного научного осмысления фактического лингвистического материала**. На протяжении этого длительного, сложного и полного противоречиями этапа происходило постепенное накопление сведений по живым тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, открытие и расшифровка древних письменных памятников, составление словарей и грамматик по многим алтайским языкам и диалектам. Параллельно с этим осуществлялись первые, во многом еще интуитивные, попытки сближения языков, установления их взаимосвязей на основе чисто внешних сравнений, провозглашалась гипотеза первоначального генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, уральских (финно-угорских), а также ряда других древних и живых языков Евразии. Поэтому период со времени появления в первой половине XIX века пионерных опытов В. Шотта, А. Боллера, М.А. Кастрена и др. по научному доказательству предполагаемых родственных взаимоотношений между отдельными группами алтайских языков и до сформирования на рубеже XIX-XX вв. ортодоксальной алтайской теории можно назвать **периодом**

научного осмысления эмпирического лингвистического материала и манифестации алтайской (шире – урало-алтайской) гипотезы.

В становлении алтаистики, как самостоятельной отрасли компаративной лингвистики, огромную роль сыграла процветавшая на протяжении почти всего XIX и начала XX века гипотеза о предполагаемом генетическом родстве алтайских и уральских языков. Однако в связи с накоплением фактического лингвистического материала и под давлением значительных успехов, достигнутых сравнительно-исторической финно-угристикой, урало-алтайская гипотеза пришла в упадок и к середине XX века практически сошла со страниц лингвистической литературы. В связи со значительным вкладом, внесенным урало-алтаистикой в развитие собственно алтаистики, есть основание выделить в истории алтаистики самостоятельный период – **период становления, расцвета и упадка урало-алтайской теории.**

Окончательное формирование классической алтаистики произошло с того момента, когда она обособилась от урало-алтайского языкознания в самостоятельное научное направление. Произошло это на рубеже XIX-XX вв., когда в языкознании сложились благоприятные условия для бурного развития сравнительно-исторических исследований по алтайским языкам.

Становление классической или ортодоксальной алтаистики ознаменовано появлением ряда основополагающих работ Г.Й. Рамстедта, Б.Я. Владимирцова, Е.Д. Поливанова и Н.Н. Поппе. Кульминационной точкой в развитии ортодоксальной алтаистики явилось появление сводных сравнительно-исторических грамматик алтайских языков Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1952; 1957) и Н.Н. Поппе (Poppe, 1960). **Период традиционной алтаистики**, то затухая временами, то возгораясь вновь, продолжается вплоть до наших дней. Вершиной классического направления в алтаистике следует считать появившийся в 2003 году трехтомный этимологический словарь алтайских языков,

составленный коллективом авторов под руководством С.А. Старостина (Starostin, Dybo, Mudrak, 2003. Т. 1-3).

Параллельно ортодоксальному направлению в алтаистике развивалось и скептическое отношение к гипотезе изначального генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, начало которому было положено известными работами В. Котвича. В середине XX века, после появления трудов Дж. Клоусона (Clouston, 1959; 1960; 1962 и др.), скептическое отношение к ортодоксальной алтайской теории все больше возрастает и наступает **кризис классической алтаистики**. Общие строевые элементы, выявленные традиционной алтаистикой в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, неоалтаистами обоснованно объясняются тесными историческими контактами носителей этих языков. Опираясь на расхождения в базовой лексике и грамматике тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, неоалтаисты считают невозможными их сравнительно-исторические исследования. Таким образом во второй половине XX века на повестку дня встала задача установления характера лексических и грамматических взаимосвязей между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими – с другой. На смену теории изначального генетического родства алтайских языков во второй половине прошлого века приходит теория заимствований. Следовательно, вторая половина XX века представляет собой новый период в развитии компаративной алтаистики. Несмотря на то, что вплоть до наших дней оба направления – ортодоксальное и неоалтаистическое – продолжают существовать параллельно, этот период прежде всего определяется кризисом классической алтайской теории. Этот период можно определить как **период становления неоалтаистики**.

Современный период развития алтаистики характеризуется также стремлением некоторых исследователей, называющих себя «умеренными алтаистами», объединить

идеи ортодоксальных алтаистов и антиалтаистов. «Умеренные алтаисты» полагают, что даже после снятия всех заимствований могут остаться такие соответствия, которые являются более ранними, чем древнейшие заимствования. Иными словами, неолтаисты не отрицают в принципе идею возможного генетического родства алтайских языков, но склонны относить это предполагаемое родство к более ранним временам, чем это постулировалось ортодоксальной алтаистикой. В этом, пожалуй, заключена сущность современной алтаистики.

ПЕРИОД НАКОПЛЕНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Интерес к так называемым алтайским языкам в просвещенных научных кругах зародился очень давно. Первоначально он определялся преимущественно практическими целями, и прежде всего необходимостью общения с носителями этих языков. Одним из наиболее ранних плодов меркантильного интереса к восточным языкам является крупнейший памятник кыпчакского (половецкого) языка «Codex Cumanicus» – латинско-персидско-кыпчакский словарь, созданный еще в конце XIII века. В просвещенной Европе уже в XVII веке появляются первые печатные грамматики турецкого (И. Мегизер, 1612), монгольского (М. Тевено, 1672), маньчжурского (П. Верби и М. Тевено, после 1680 г.) языков, с которыми прежде всего пришлось столкнуться европейцам при установлении дипломатических и торговых контактов с Востоком. С XVII века начинается первое знакомство и с другими языками алтайской общности – калмыцким, якутским, чувашским, тунгусским и др., хотя отдельные сведения об этих языках и их носителях проникали в европейскую литературу и ранее.

В 1692 году в Амстердаме появилась замечательная книга голландца Николаса Витсена (1641-1717) «Северная и Восточная Тартария» (Witsen, 1692; 2-е изд., 1705; 3-е изд., 1785). Здесь впервые были опубликованы сведения о тюркских (якутском, татарском), монгольских (калмыцком, бурятском), тунгусских (эвенкийском, эвенском), а также некоторых финно-угорских и палеоазиатских языках России. Н. Витсен в 1664-1665 гг. в качестве члена голландского посольства жил в Москве и там собрал записи отдельных слов, небольшие вокабулярии, переводы молитвы «Отче наш» и другие материалы по языкам народов Российской империи. Позднее, уже будучи в Голландии, он пополнял свои коллекции материалами, полученными от российских корреспондентов.

Книга Н. Витсена познакомила тогдашний ученый мир с новыми народами и языками, а также «показала важность и необходимость собирания нового материала по многочисленным языкам народностей Севера и Востока» (Насилов, 1978, 93).

Заметный вклад в сбор, систематизацию и изучение целого ряда языков урало-алтайской общности внес немецкий ученый-энциклопедист XVII века Г.В. Лейбниц (1646-1716). Резко выступив против весьма популярной в то время априорной гипотезы моногенетического происхождения всех языков из древнееврейского (вспомним просуществовавшее до XX века подразделение языков Старого света на семитские, хамитские и яфетические), Г.В. Лейбниц, естественно, осознавал необходимость выяснения родственных отношений между языками на основе серьезных сравнительных исследований по многим языкам.

Вместе с тем наивные диалектические догадки привели ученого-философа к пониманию важности изучения истории языков и связи истории языков с историей народов. Отсюда выкристаллизовалась убежденность Г.В. Лейбница в том, что с помощью языка можно познать и историю народа (Томсен, 1938, 44-45; Насилов, 1978, 94). В этом отношении немецкий

философ намного превосходит взгляды даже современных лингвистов и историков. Не секрет, что многие наши лингвисты-синхронисты и историки не уделяют должного внимания показаниям сравнительно-исторического языкознания даже при исследовании кардинальных проблем этно- и лингвогенеза. Между тем только интегральное сравнительное изучение лингвистических источников может привести к научно-обоснованным результатам. «И так как языки вообще являются самыми древними памятниками народов, возникшими до письменности и искусств, то они лучше всего свидетельствуют об их происхождении, родстве и переселениях. Вот почему правильно понятые этимологии были бы крайне интересны и важны, надо только сопоставлять языки нескольких народов и не делать слишком больших скачков от одного народа к другому, очень отдаленному, не имея для этого надежных оснований... Я желал бы, чтобы ученые поработали также над узьским, бискайским, славянским, финским, турецким, персидским, армянским, грузинским и другими языками, чтобы лучше установить гармонию между ними, которая, как я только сказал, окажется особенно полезной при объяснении происхождения народов» (Лейбниц, 1936, 248-249). Эти прозорливые высказывания Г.В. Лейбница особенно важны для изучения истории младописьменных языков, каковым является и казахский, которые не имеют древних нарративных исторических источников.

Г.В. Лейбниц мечтал о том времени, когда «будут записаны все языки вселенной и составлены будут словари их и грамматики и будет произведено сравнение всех языков...» (Лейбниц, 1936, 296). С высоты XXI в. можем подчеркнуть, что словари и грамматики большинства языков мира уже составлены и специалисты давно уже исследуют языковые семьи и более крупные общности – языковые союзы – в сравнительно-историческом аспекте. Огромны успехи сравнительно-исторического изучения индоевропейских (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. Ч. 1-2), финно-угорских

(уральских), тюркских (СИГТЯ, 1984-2005. Вып. 1-5; ЭСТЯ, 1974-2003. Вып. 1-7) и др. языков, развивается компаративное изучение так называемой борейской или ностратической макросемьи языков (Иллич-Свитыч, 1971-1984; 2003). Велики достижения и в области изучения алтайских языков, однако алтаистика как таковая с самого начала пошла по ложному пути – по пути накопления материала для доказательства априорно манифестированного еще в XVIII веке тезиса о предполагаемом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также уральских и некоторых других языковых семей. При этом на существенные различия между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, наиболее ярко проявляющиеся в пределах так называемой базовой лексики, вплоть до середины XX века никто существенного внимания не обращал; все внимание исследователей было сосредоточено на выявлении как можно большего числа соответствий.

Однако для доказательства родства указанных языковых семей в XVIII веке не имелось достаточного эмпирического материала. Усилия заинтересованных специалистов в этот период, естественно, были направлены на сбор и систематизацию фактического материала по многим языкам Старого света.

Г.В. Лейбниц, ознакомившись с трудом Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария», крайне заинтересовался малоизвестными в то время языками народов России. Около двадцати лет он вел переписку с Н. Витсеном, стремясь получить новые сведения о языках народов Северной Азии как от самого Н. Витсена, так и через его российских корреспондентов. Г.В. Лейбниц настойчиво добивался получения «образчиков всех языков, употребляющихся в России». В 1712 году Г.В. Лейбниц добивается зачисления на русскую службу, переезжает в Россию, и уже на месте постоянно обращается к русскому правительству, самому Петру I и его сподвижникам с рекомендациями собирать сведения о языках народов Российской империи. Именно с

подачи Г.В. Лейбница зародилась идея о создании столь популярных в XVIII веке «Словарей всех языков и наречий».

Чтобы получить достаточно объективные сведения о малоизвестных в то время языках, Г.В. Лейбниц рекомендовал составлять подстрочные переводы на разные языки одного и того же текста, а также составлять «списки обыкновенных, самых употребительных слов». В качестве такого текста-теста Г.В. Лейбниц предложил использовать христианскую молитву «Отче наш». Свой выбор он мотивировал стремлением нести «свет религии темным народам». Эта идея была подхвачена многими сподвижниками Г.В. Лейбница и, видимо, не без поддержки правительства, заинтересованного в то время в распространении христианства среди «язычествующих» народов. Огромным влиянием идей Г.В. Лейбница объясняется тот факт, что ряд появившихся в XVIII веке в России рукописных и печатных словарей сравнительного типа составлялись преимущественно по переводам «Отче наш» и относительно небольшим списком слов. Таким образом, Г.В. Лейбниц своей активной деятельностью возбудил интерес к языкам многонациональной России и фактически определил программу собирания лингвистического материала у малых народностей Востока. Своими лингвистическими занятиями он многое сделал для утверждения взгляда через язык прояснить историю народа (Насилов, 1978, 94-95).

Для истории алтаистики определенный интерес представляет предпринятый Г.В. Лейбницем опыт классификации «туземных» языков России. По этому вопросу он писал: «Я до сих пор знаю в Скифии только 3 очень распространенных языка: 1) сарматский, на котором говорят русские, словаки, поляки, богемцы (т.е. чехи. – Ж.Т.); 2) татарский, на котором говорят турки, калмыки, монголы; 3) финский употребляется лапонцами (=саамы. – Ж.Т.), финляндцами, венгерцами... Я не знаю, куда отнести... язык самоедов, сибиряков, мордвы, черкесов и черемисов...» (Из письма к Убриху, 1708 г., цит. по: Насилов, 1978, 95).

Как видим, несмотря на весьма скудные сведения, Г.В. Лейбниц неплохо для своего времени ориентировался в языках Евразии. Чтобы правильно понять взгляды Г.В. Лейбница на алтайские языки, необходимо разобраться в терминологии того времени. Под термином «татарский» в XVIII в. объединялись тюркские, монгольские и другие «восточные» языки. Г.В. Лейбниц здесь под собирательным названием «татарские» объединяет тюркские (турецкий и тюркские) и монгольские (калмыцкий и монгольский) языки и, следовательно, содержание этого термина здесь вплотную приближается к содержанию современного термина «алтайские». Надо полагать, что термин «турки» Г.В. Лейбницем употреблен в расширительном значении «тюрки» (так как в XVIII веке турки назывались «османцами» или, на европейский манер, «оттоманцами»). Таким образом, фразу Г.В. Лейбница «татарский», на котором говорят турки, калмыки, монголы» в современной терминологии следует трактовать примерно так: «алтайский, на котором говорят тюрки (т.е. тюркские народности), калмыки, монголы». Кстати, Г.В. Лейбниц одним из первых познакомился с известным памятником кыпчакского языка «Codex Cumanicus», который он верно определил как «образчик языка куман», относящегося к «татарским», то есть алтайским (Grönbech, 1942). Хотя предпринятая Г.В. Лейбницем классификация языков из-за скудости эмпирического материала была далеко не полной и точной, но она строилась на основе фактических языковых сопоставлений и представляла значительный шаг в языкознании того времени (Насилов, 1978, 95).

Практическому осуществлению лингвистических устремлений Г.В. Лейбница способствовал начавшийся в петровское время процесс освоения Севера и Востока России. Петр I прекрасно понимал, что будущее России в силу ее геополитического положения неразрывно связано с Востоком и что изучение народов Востока и их языков является одной из приоритетных задач российской науки. Со времен Петра I

начинают организовываться разнообразные масштабные научные экспедиции по изучению России. Одним из первых крупных мероприятий такого плана является многолетняя экспедиция Д.Г. Мессершмидта (1685-1735) по изучению Сибири, предпринятая им по поручению Петра I в 1720-1727 гг. Экспедиция была снаряжена в основном для изучения «царства животного, растительного и минерального», но благодаря своим энциклопедическим знаниям и интересам, Д.Г. Мессершмидт значительно расширил круг поставленных задач и в результате доставил в Санкт-Петербург обширнейшие материалы по истории, археологии, этнографии и языкам многих народов Сибири. Что касается языков алтайской общности, то в его экспедиционных материалах содержатся обширные записи по якутскому, чулымско-тюркскому (кюэрикскому), барабинскому, калмыцкому, бурятскому, монгольскому, эвенскому, эвенкийскому и другим языкам. Наряду с ними, значительное место занимают также материалы по ряду уральских и палеоазиатских языков. В настоящее время материалы, собранные Д.Г. Мессершмидтом, представляют собой незаменимый, а часто и единственный источник сведений о состоянии данных языков в первой четверти XVIII века.

Д.Г. Мессершмидт получил хорошее для своего времени университетское образование в Йене и Галле, рано увлекся изучением классических языков, а царившая тогда в Галлее атмосфера повышенного интереса к Востоку и восточным языкам, видимо, оказала влияние и на формирование филологических интересов будущего ученого-энциклопедиста.

Надо заметить, что к сбору лингвистического материала Д.Г. Мессершмидт подходил весьма основательно. Записи слов он вел, по-видимому, по заранее заготовленному плану, по возможности перепроверял свои прежние записи, при последующей обработке материалов нередко сопоставлял записи, проведенные в разные годы и в разных местах, стремился в своих записях по возможности точнее отразить

произношение каждого слова, каждого звука, попутно обращал особое внимание на формы грамматических категорий и т.д.

К сожалению, обширные лингвистические материалы, собранные Д.Г. Мессершмидтом в Сибири, не были в свое время ни полностью опубликованы, ни должным образом использованы. Вместе с тем они и сейчас заслуживают серьезного исследования, так как представляют собой уникальный источник по многим языкам Сибири, в том числе, прежде всего, по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским.

У Д.Г. Мессершмидта сложились свои представления об историко-генетических взаимоотношениях между знакомыми ему языками и сложилась своя классификационная схема. «Всего в древности он насчитывал четыре основных класса (или группы) народов: 1) древних гуннов и скифов; 2) арабов, сарматов и скифов; 3) азиатских обских скифов; 4) восточных или северо-восточных скифов. К первому классу он относил остяков, вотяков, черемисов, вагуличей и кондаров, самоедов. Ко второму – татар, башкир и якутов, а к третьему – калмыков, монголов, тунгусов, «мансуров» (т.е. маньчжуров. – Ж.Т.), «тангутов» (т.е. тибетцев, которые приписаны сюда, очевидно, потому, что они «в отношении религии общи с калмыками и монголами». – Ж.Т.). Наконец, к четвертому – камчадалов, ламутов, коряков, юкагиров. Следует заметить, что ... Д.Г. Мессершмидт искал свидетельства о племенах Сибири у древних авторов, например, их изображения у Плиния» (Мирзоев, 1963, 17; Новлянская, 1970, 173, 177-178; Насилов, 1978, 97-98). Из этой систематизации становится понятным, что Д.Г. Мессершмидт тюркские и монгольские языки относил к разным классификационным группам и, вместе с тем, объединял последние с тунгусо-маньчжурскими.

Одним из пионеров и основателей урало-алтайской гипотезы часто считается шведский офицер Ф.И. Табберт-Страленберг – полтавский пленник Петра I (см., например, Баскаков, 1981, 29-30). Находясь долгое время в Сибири и

изучая быт и языки местного населения, Ф.И. Страленберг на основании собранного им в России фактического материала дал первую классификацию уральских и алтайских языков (Strahlenberg, 1730). Классификация Ф.И. Страленбергом алтайских и – шире – урало-алтайских народов, а также соответствующих языков явилась весомым вкладом в науку и в дальнейшем подвергалась незначительным уточнениям, преимущественно за счет более точной атрибуции самих народов и расширения, по мере их изучения, их числа в каждой группе (Подробнее о вкладе Ф.И. Страленберга в изучение алтайских языков см.: Насилов, 1978, 98-104).

Для изучения тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии в лингвистическом отношении важное значение имел труд Ф.И. Страленберга, носивший по обычаю того времени пространное название: «Северная и Восточная части Европы и Азии, поскольку таковые охватывают все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию, представленные в историко-географическом описании древнего и нового времени, и со многими другими неизвестными сведениями и с никогда еще неиздававшейся «Tabula Polyglotta» 32 различных языков татарских народов, с калмыцким словарем, и особенно с большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и разными другими гравюрами на меди, касающимися азиатско-скифских древностей. Собрано и составлено Филиппом Иоганном фон Страленбергом во время пребывания в России в качестве шведского военнопленного на основании личных тщательных расспросов и дозволенных ему далеких путешествий. Стокгольм. В издании автора. 1730» (Strahlenberg, 1870).

Труд Ф.И. Страленберга был встречен в Европе с живейшим интересом, ибо Россия после победоносного завершения Северной войны привлекала к себе всеобщее внимание. В 1738 году книга Ф.И. Страленберга «Северная и Восточная части Европы и Азии...» вышла в английском переводе в Лондоне; в 1757 году она была издана в

Амстердаме в переводе на французский язык; в 1780 году появился ее испанский перевод (Новлянская, 1966, 86-87, 91).

По распоряжению В.Н. Татищева книга Ф.И. Страленберга сокращенно была переведена на русский язык в Самаре еще в 1738 году (Кононов, 1972, 49). С тех пор она переводилась по частям и целиком несколько раз (Новлянская, 1966, 88-90), но полное издание было осуществлено лишь в 1985-1986 годах (Страленберг, 1985, 220 с.; 1986. С. 219-446).

Ф.И. Страленберг установил, что Восточная Европа и Северная Азия населены не только «татарами», как предполагали в то время в Западной Европе, но и многими другими народами, которые он разделил на шесть классов. В приложении к своему труду Ф.И. Страленберг привел таблицу: «Северо-восточные народы, обычно [известные под названием] татары. Гармония языков, или Образец некоторых чисел и слов, которые [употребляют] народы – соплеменники татар и гунно-скифов, обитающих в северо-восточной части Европы и Азии, [и] из которых (т.е. из чисел и слов. – Ж.Т.) устанавливается, что при иных исторических обстоятельствах можно было бы увидеть, как таковые между собой или с другими западными народами смешивались; но места их обитания, однако, можно найти на недавно изданной карте» (т.е. на карте «Новое географическое описание Великой Татарии...»). На титульном листе и в IV отделе книги (Strahlenberg, 1730, 55-72) этот раздел назван «Tabula Polyglotta»). Здесь приведены слова из 32 языков, которые Ф.И. Страленберг по числу народов разделил на шесть классов.

«I. Обско-венгерские и финские народы, составляющие единый диалект... в древности их прародителями были гунны или унны. Языки: венгерский, финский, вогульский, мордовский, черемисский, пермяцкий, вотяцкий, остяцкий.

II. С тремя ниженазванными народами тюрки, крымские, узбекские, башкирские, киргизские (сюда относятся и казахи. – Ж.Т.) и туркменские татары составляют единый диалект;

[эти три народа суть следующие:] (1) Сибирско-мусульманские татары, [обитающие] в городах Тобольске, Тюмене, Таре; (2) Якуты; (3) Чуваши.

III. Нижеследующие шесть народов, которые живут друг от друга на расстоянии нескольких сотен миль, имеют, по-видимому, один диалект и принадлежат к самоедскому (по временной терминологии – самодийская группа языков. – Ж.Т.) классу: (1). Самоеды (архангельские, печорские); (2) Остяки (сибирские, обские, нарымские); (3). Остяки (чулымские, томские); (4). Самоеды-тавгийцы (обитающие на берегах Ледовитого океана, между Енисеем и Леной); (5). Самоеды – мангазейские (обитающие от г. Туруханска до Енисея и до Ледовитого океана); (6). Канцы или котовцы (обитающие на р. Кан).

IV-V. [Здесь объединены группы народов и их языков:] (А). Три народа, не состоящие под единым управлением, часть которых состоит в родстве по религиозным верованиям, другая – по принадлежности к древней общности: (1). Калмыки (они и монголы имеют общую религию и общий диалект); (2). Маньчжуры (или китайские татары...); (3). Тангуты (т.е. тибетцы. – Ж.Т.) принадлежат Далай-Ламе, в отношении религии общи с калмыками и монголами. (Б). Семь народов, хотя и имеющие различие по языку, состоят под русским управлением в Сибирской губернии; тунгусы, хотя и имеют в языке три разновидности, имеют почти один диалект; последние четыре [народа] имеют в языке мало общего: (1). Камасинцы; (2). Аринцы; (3). Тунгусы конные; (4). Тунгусы оленные; (5). Тунгусы собачьи; (6). Коряки (северовосточной Камчатки); (7). Курилы (юго-восточная Камчатка).

VI. Пять народов, обитающих между Черным и Каспийским морями; они совершенно различные по языкам, однако некоторые из них [по языку] близки к крымско-татарскому: (1). Авары или акары; (2). Кумыки, иначе кайтаки; (3). Кубачинцы; (4). Черкесы, иначе Гюрчи (грузино)-черкесы; (5). Куралы» (Булич, 1904, 202).

Обстоятельному объяснению приведенной таблицы посвящен IV отдел сочинения Ф.И. Страленберга «О «Tabula Polyglotta» и ее полезности при изучении древней истории» (Strahlenberg, 1730, 55-72).

Ф.И. Страленберг первый установил типологическое сходство названных в таблице языков. Его подразделение этих языков и народов на шесть классов является первым опытом классификации уральских (финно-угорских, самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков, на основании которой позднее возникла теория урало-алтайской языковой общности.

Несмотря на многочисленные фактические неточности и ряд не совсем корректных моментов, классификация Ф.И. Страленберга сыграла известную роль в истории востоковедения хотя бы в том, что заложила определенную основу для зарождения урало-алтайской теории. Классификация Ф.И. Страленбергом алтайских (resp. урало-алтайских) и др. языков явилась весомым вкладом в лингвистическую науку того времени.

Ф.И. Страленберга часто считают чуть ли не зачинателем алтаистики, который первым «доказал» родство алтайских языков, «установил» типологическое сходство алтайских и финно-угорских языков, а его работа оценивается как исходный пункт последующих алтаистических (и, шире, урало-алтаистических) исследований (Баскаков, 1981, 29-30). Такая оценка является излишней модернизацией подхода Ф.И. Страленберга к описываемым им фактам.

В работе Ф.И. Страленберга отсутствует самый главный «алтаистический» постулат – указание на родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. И уже поэтому его нельзя считать первым алтаистом, если, конечно, под этим не понимать любого, кто вообще упоминает т.н. алтайские народы и языки. Ф.И. Страленберг не был языковедом (даже в понимании того времени), и в его работе не содержится какие-либо законченные лингвистические концепции.

Алтаистика возникает как отрасль языкознания лишь тогда, когда на соответствующем материале строится лингвистическая теория, как таковая, оперирующая набором соответствующих лингвистических понятий на основе определенных лингвистических методов, т.е. алтаистика является продуктом определенного уровня развития теоретического языкознания, сравнительно-исторического метода в нем (Насилов, 1978, 103-104).

Изучение тюркских и других народов алтайской общности и пополнение сведений об их языках особенно активизируется с организацией ряда крупных научных экспедиций в восточные районы России, особенно после создания в 1724 году Академии наук в Санкт-Петербурге. С этого времени становится правилом поручать различным «академическим» экспедициям попутное собрание лингвистического материала по малоизученным народам Российской империи. Идея о привлечении лингвистических данных для решения этногенетических проблем в этот период наиболее последовательно реализовывалась в работах Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера.

Последняя четверть XVIII века ознаменовалась также появлением уникального в своем роде лексикона «Сравнительные словари всех языков и наречий» (СПб., 1787), где 285 слов были представлены в переводах среди прочих и на 149 языков «азиатских». Словарные материалы, собранные тщанием прежде всего Г.Л.Х. Бакмейстера и других энтузиастов этого дела, были при поддержке Екатерины II обработаны ученым-энциклопедистом того времени П.С. Палласом (1741-1811). Из алтайских языков в словаре были представлены 20 тюркских языков и диалектов, из тунгусо-маньчжурских – семь диалектов эвенкийского языка, два эвенского, маньчжурский, из монгольских – собственно монгольский, калмыцкий и бурятский языки.

В 1790-1791 годах было осуществлено второе издание этого словаря под названием «Сравнительный словарь всех

языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» с небольшими исправлениями и дополнениями.

Таким образом, к концу XVIII века был накоплен и стал достоянием науки некоторый, преимущественно лексический, материал по алтайским языкам, причем наибольший объем эмпирического материала принадлежал тюркским языкам. В XVIII веке, помимо имевшихся и новых грамматик турецкого языка начинают появляться и первые грамматики других тюркских языков – чувашского (1769), татарского (1778, 1801). На втором месте по изученности стояли монгольские языки, из них калмыцкий был представлен даже рядом печатных вокабуляриев (Булич, 1904, 190-232, 365-520; Насилов, 1978, 90-108). Из тунгусо-маньчжурских языков лишь маньчжурский язык был наиболее известен со стороны лексической и, отчасти, грамматической, другие же языки (в основном эвенкийский и эвенский) были известны через небольшие списки слов (подробнее см.: Булич, 190-232, 365-520).

Лингвистические исследования XVIII века, проводившиеся большей частью в России, составили (пусть пока еще очень слабую) фактологическую базу, на основании которой в XIX веке вполне успешно стало развиваться сравнительно-историческое языкознание, в том числе и алтаистика как его отрасль.

Но в XVIII веке еще не сложилось осознание того, «что надежным путеводителем через многообразие языков для нахождения их родства и для прослеживания их исторического развития может служить не сходство отдельных слов... но прежде всего одна только исчерпывающая разработка всего языкового строя, всей грамматической структуры. Осознание этого принципа в конце XVIII и к началу XIX в. витало, так сказать, в воздухе, и признание его исходило с разных сторон, независимо друг от друга» (Томсен, 1938, 50-51).

Образцом того, что знало в самом начале XIX века западноевропейское языкознание об алтайских языках, может

служить обобщающий четырехтомный труд И.Х. Аделунга (1732-1806) «Митридат, или всеобщее языкознание» (Adelung, 1806-1817, т. I-IV). Здесь в классе многосложных языков в разделе о Северной и Средней Азии выделены: 1) тюрко-татарские народы и языки (18 языков и диалектов) – на основе материалов Н. Витсена, П.С. Палласа, П.И. Рычкова, И.И. Георги, Ф.Ф. Беллинсгаузена и др. и грамматик турецкого языка (24 названия); 2) монгольские народы и языки (монголы в собственном значении, или халха, ортосы, тумюты, калмыки, буряты) – на основе отдельных списков слов; 3) маньчжурские народы и языки (собственно маньчжуры, тагуры, или да-уры по Селенге и у Байкала, тунгусы ламуты – у них около восьми диалектов, прочие племена: по Амуру – гиляки, язык которых неизвестен, на Сахалине – орочи); 4) корейцы (Adelung, 1806, т. 1, 449-513). По мнению И.Х. Аделунга, тюркские, монгольские и маньчжурские народы по языку, а частью и внешнею очень отличны друг от друга, поэтому «их не без величайшего принуждения можно производить один от другого» (Adelung, 1806, т. 1, 451).

Таким оставался объем эмпирического материала по алтайским языкам, подвергаясь лишь незначительным дополнениям, почти до середины XIX века, когда в изучении алтайских языков произошел значительный качественный и количественный скачок, ознаменовавшийся появлением трудов О.Н. Бётлингга, М.А. Казембека, М.А. Кастрена, Я.И. Шмидта, А.А. Бобровникова, Н.И. Золотницкого и др.

Но это относится уже к иному этапу в развитии науки о языке – этапу зарождения и становления сравнительно-исторического метода в лингвистике.

После появления в свет основополагающих работ Р. Раска, Фр. Боппа, Я. Грима, А.Х. Востокова и их последователей, которые принесли в науку новое понимание путей и задач сравнительно-исторического исследования языков индоевропейской семьи, обозначились возможности в компаративном изучении языков и других классификацион-

ных групп, в том числе и алтайской общности (Дельбрюк, 1904; Томсен, 1938, 51-87, 117-135). Теперь уже в обобщающих работах по различным языкам и языковым семьям все большее внимание уделяется вопросам их родственных связей между собой, аргументированию объединения того или иного языка именно с данной группой или семьей языков, а также углубленному изучению истории их грамматического строя и лексики.

Таким образом, становление и развитие алтаистики органически связано с прогрессом всей лингвистической науки, и в первую очередь с успехами сравнительно-исторического языкознания, ставшего основой подлинно исторического изучения языков, проникновения в их далекое прошлое и научно аргументированного доказательства их родственных связей на основе конкретной методики.

Осознанное применение методов и приемов, разработанных компаративной индоевропеистикой к алтайскому материалу поставило перед исследователями тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков задачу правомерности их объединения в алтайскую семью. Именно с этого момента и можно говорить о возникновении традиционной алтаистики как самостоятельной отрасли сравнительно-исторического языкознания. Поэтому вполне правомерно считать, что до первой четверти XIX века, то есть до становления и распространения сравнительно-исторического метода в языкознании, алтаистики как самостоятельной науки и не существовало. Следовательно, имевшие место в XVII и XVIII веках высказывания отдельных ученых о возможных родственных связях между отдельными группами алтайских языков более правомерно расценивать как интуитивные «донаучные» построения.

ПЕРИОД МАНИФЕСТАЦИИ (УРАЛО-)АЛТАЙСКОЙ ГИПОТЕЗЫ

К началу XIX века был накоплен и стал известен науке некоторый, преимущественно лексический, материал по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. Исследования XVIII века составили ту фактологическую базу, опираясь на которую в XIX веке успешно развивалось сравнительно-историческое языкознание в целом и, следовательно, алтаистика как частная его отрасль.

В начале XIX века, таким образом, была провозглашена идея генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также уральских (финно-угорских) языков. В дальнейшем предпринимались многочисленные попытки расширить границы урало-алтайской общности за счет палеоазиатских и многих других иносистемных языков.

Алтаистика как самостоятельная отрасль сравнительно-исторического языкознания возникла в первой половине XIX века. В начале века она как бы еще находилась на распутье: одни ученые были склонны объяснять относительную материальную близость тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков типологическим сходством и взаимными контактами, другие – изначальным родством. Бурное развитие сравнительно-исторического метода в языкознании, однако, предопределило победу сторонников генетического родства алтайских языков.

В числе основоположников алтаистической точки зрения на материальные схождения между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками специалисты обычно называют Р. Раска (1787-1832), выделившего целый ряд языков Урала и Сибири в так называемую скифскую группу, а также Ф.И. Страленберга и Ж.П. Абель-Ремюза (1788-1832), объединявших приблизительно те же языки в отдельную группу под наименованием «татарских» (т.е. тюркских. – Ж.Т.) (подробнее об этом см.: Насилов, 1978, 90-108; Щербак, 1959, 51; Donner, 1901, 129; Deny, 1924, 185-186).

Особое место в формировании взглядов на природу общности алтайских языков занимает появившийся в 1820 году в Париже труд французского ориенталиста Ж.П. Абель-Ремюза «Исследования о татарских языках...» (Abel-Rémusat, 1820). В качестве обобщающего термина для тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также тибетского и некоторых других восточных языков он избрал форму «тартарские языки», а не «татарские», как было принято в то время. Ж.П. Абель-Ремюза в своем основном труде стремился обобщить известные ему в то время исторические и лингвистические материалы по восточно-тюркскому или уйгурскому, монгольскому, маньчжурскому и тибетскому языкам, а также сопоставить между собой и с другими восточными письменностями системы письма уйгуров, монголов, маньчжуров, а также тибетцев, Ж.П. Абель-Ремюза пришел к выводу, что для первых трех графических систем исходной являлась сирийская письменность, занесенная в Центральную Азию несторианскими миссионерами.

Труд Ж.П. Абель-Ремюза является не чисто лингвистическим, значительное место в нем уделяется истории письменностей и самих названных народов. Он состоит из семи глав, в которых последовательно рассматриваются следующие вопросы: «Тартары вообще и происхождение их различных наименований»; «Сиротартарский алфавит»; «Некоторые письменности, употреблявшиеся ранее у тартар»; «К орфографии, грамматике и этимологии маньчжурского языка»; «О языке монгольском и его диалектах»; «Восточные тюрки, называемые обыкновенно уйгурами» (имеются в виду древние уйгуры, так как Ж.П. Абель-Ремюза пользовался древнеуйгурскими памятниками «Бахтияр-наме» и «Мирадж-наме», хранящимися в Париже); «Язык тибетцев» (Abel-Rémusat, 1820. Т. 1).

Обращаясь к вопросам родственных взаимоотношений между восточными тюрками, монголами и маньчжурами, Ж.П. Абель-Ремюза исходил из того, что наиболее верным признаком родства языков является общность корней и слов,

обозначающих самые важные и необходимые понятия (степени родства, продукты питания, явления природы и т.п.), то есть то, что современные алтаисты называют базовой лексикой.

Поскольку такие слова в рассматриваемых языках почти не совпадают, а сравнение их грамматики указывает на некоторое сходство, то Ж.П. Абель-Ремюза приходит к заключению, что все их родство состоит в аналогии грамматических признаков, то есть является родством «логическим» (в плане логики построения грамматических форм). На основании этого ученый установил некоторые общие признаки анализируемых языков: агглютинация, стабильность корня, последовательность присоединения морфем, особенности спряжения глагола, место сказуемого в предложении, порядок взаиморасположения определяемого и определения и т.п. Это было одним из первых указаний на типологическую близость алтайских языков.

Не прошли мимо внимания Ж.П. Абель-Ремюза и общие слова, присущие восточно-тюркскому, монгольскому и маньчжурскому языкам. Он тонко подметил, что общие слова обозначают вторичные понятия, связанные с торговлей, культурой, религией и т.п., что, по мнению ученого, свидетельствует об их переходе из одного языка в другой в результате разносторонних контактов (войны, политические связи, торговые отношения, религия и т.п.) и еще раз опровергает мнение о действительном родстве восточно-тюркского, монгольского, маньчжурского и тибетского языков (Abel-Rémusat, 1820, I-LI, 394-398 и др.).

Специальная методика сопоставительного изучения языков в работе Ж.П. Абель-Ремюза не использовалась, но тем не менее ученый пришел к верным выводам: рассмотренные языки объединяют, прежде всего, типологическое сходство и определенный пласт заимствованных друг у друга слов (Подробнее см.: Насилов, 1977, 78-79).

В 1823 году в Париже появился обобщающий труд немецкого востоковеда Г.Ю. Клапрота (1783-1835) «Много-

язычная Азия» (Klaproth, 1823; 2-е изд. – 1831), в котором он продолжил традиции «Митридата» И.Хр. Аделунга. Однако труд Г.Ю. Клапрота выгодно отличается от справочника И.Хр. Аделунга по качеству использованного эмпирического материала по восточным языкам. В сопоставительных таблицах, приложенных к своей книге, он приводит сравнение каждого языка с самыми различными азиатскими и неазиатскими языками, а также и с родственными языками для подтверждения ближайшего родства.

Г.Ю. Клапрот считал, что тунгусские, монгольские и тюркские диалекты показывают удивительную связь между собой. Например, все монгольские диалекты имеют много общего и в корнях слов, и в грамматическом строе с языками тюркскими и тунгусскими, из чего можно сделать вывод о том, что эти три народа, с давних времен находившиеся в тесном контакте друг с другом, могли смешаться между собой (Klaproth, 1823, 273, 295).

Как видим, эти провидческие высказывания Г.Ю. Клапрота во многом совпадают с концепцией современной алтаистики (подробнее см.: Sacy, 1839, 375-40; Насилов, 1977, 77-78).

Спустя сто с лишним лет после выхода в свет известного труда Ф.И. Страленберга вопрос о предполагаемом родстве урало-алтайских и некоторых других доиндоевропейских народов Европы и Азии вновь был поднят датским лингвистом Р. Раском (Rask, 1834a), который под названием «скифские языки» объединил так называемые «татарские» языки Ф.И. Страленберга с языками народов, населяющих Гренландию, Северную Америку, Северную часть Азии и Европы, а также Кавказ, причем к «скифским» народам Р. Раск причислял еще и неиндоевропейское население Испании и Галлии. Таким образом под «скифскими» языками у Р. Раска объединяются не только уральские (финно-угорские, самодийские) и алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские) языки, но и языки гренландцев, палеоазиатов,

горцев Кавказа и субстратные языки Западной Европы (Rask, 1834a).

В своем «Трактате о финском языковом классе», написанном в период его пребывания в Санкт-Петербурге, Р. Раск финно-угорские языки вместе с чувашским, кавказскими и некоторыми другими по традиции относил к классу «скифских» языков (Rask, 1834, 1-46). В другой работе «Разыскания о связи древнескандинавского или исландского языка с языками азиатскими», ученый обратился также к турецкому и маньчжурскому языкам (Rask, 1834, 153-187). Р. Раск предполагал, что на основе общих черт грамматического строя – агглютинативного характера языка – можно объединить ряд языков Азии (Насилов, 1977, 77).

Впервые термин «алтайские» был употреблен в середине XIX века В. Шоттом (Schott, 1849, 1) и М.А. Кастреном (Castrén, 1857, 14, 18), исходившими из предположения, что прародиной многих типологически близких языков северо-восточной части Европы и Сибири был Алтай.

М.А. Кастрен и В. Шотт были вместе с тем первыми исследователями, взявшими на себя задачу научно обосновать родство алтайских языков, к которым они относили языки финнов, тюрков, самоедов, монголов и тунгусов, то есть языки, объединенные впоследствии в большую урало-алтайскую семью (Щербак, 1959, 51).

Интенсивное сравнительно-историческое изучение алтайских языков начинается во второй четверти XIX века в рамках урало-алтайской теории, которая в различных ее вариантах получила признание у многих исследователей уральских и алтайских языков: В. Шота (Schott, 1836; 1849), А. Боллера (Boller, 1858); А. Алквиста (Ahlquist, 1861); Г. Винклера (Winkler, 1884; 1885); В. Банга (Bang, 1890) и др.

Одним из первых ученых, выступивших как сторонник родства уральских и алтайских языков, был профессор Берлинского университета В. Шотт (1802-1889). В своей книге «Опыт изучения татарских языков» он приводит общие для урало-алтайских языков лексические и грамматические

соответствия, дает более точную их классификацию. В отличие от своих предшественников, В. Шотт урало-алтайские языки разделил на четыре группы: 1) уральскую, 2) тюркскую, 3) монгольскую и 4) тунгусскую (Schott, 1836). Эта классификация в принципе сохранилась до настоящего времени.

Немецкий ориенталист В. Шотт в общей сложности более чем полвека занимался алтайскими языками. Первой его работой в области сравнительно-исторического изучения урало-алтайских языков является «Опыт исследования татарских языков» (Schott, 1836). К «татарским» языкам он относил, согласно установившейся в то время традиции, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, которые ныне принято объединять под названием «алтайские». Сам же В. Шотт их называл «центральноазиатскими» (Hochasiatiachen). Из тунгусо-маньчжурских языков в то время ему были более известны сведения по маньчжурским языкам. В данной работе В. Шотт пытается глубже проникнуть в суть материальной близости «центральноазиатских» языков и обращает свое внимание прежде всего на грамматические формы, которые, по его убеждению, лучше всего должны свидетельствовать о genuинности данных языков.

Следует особо отметить, что В. Шотт уже в то время различал «духовное родство языков», которое французский ученый Ж.П. Абель-Ремюза в своей рассмотренной выше работе называл «аналогическим» или «логическим» (под этими терминами понимается типологическое сходство языков) и генетическое родство (по его терминологии – *leiblich verwandschaft, Blutsverwandschaft*), когда языки имеют общий лексический материал и общие грамматические формы, «благодаря чему предстают как дивергирующие ветви одного корня» (Насилов, 1977, 81).

На кардинальный для алтаистики (и, шире, урало-алтаистики) вопрос: относится ли близость «татарских» (то есть алтайских) языков к типу «*Blutsverwandschaft*», В. Шотт

отвечает положительно, поскольку сравнение корней (именно корней слов!) и ряда грамматических форм показывает их значительное сходство по языкам (Schott, 1836).

Уже в работе «Опыт исследования татарских языков» В. Шотт, возражая высказываниям Ж.П. Абель-Ремюза, писал, что несовпадение слов, выражающих самые необходимые понятия, еще не свидетельствует об отсутствии близкого родства между алтайскими языками, так как и в родственных языках некоторые термины родства, названия частей тела, явлений природы, наименования продуктов питания и т.п. могут обозначаться разными словами. Например, В. Шотт приводил примеры из индоевропейских и семитских языков – слова со значениями «сын», «дочь», «сестра», «жена», «небо», «земля», «солнце», «голова», «рот», «камень», «дерево» и т.д. (Schott, 1836, 2-12), которые в современной лингвистике принято называть базовыми. Поэтому В. Шотт, учитывая динамику значений и подвижность фонетического оформления слов, рекомендует сопоставлять не понятия и их обозначения, а искать в сопоставляемых языках соответствия во всем их лексическом составе, обращая особое внимание на корни слов (Schott, 1836, 2-21).

В. Шотт обратил внимание и на заимствованные слова и подчеркивал необходимость комплексного изучения истории конкретного слова в каждом языке. При этом он указывал, что если совокупность форм слова и его значений проявляет себя закономерно в одном языке, а в другом выглядит изолированным и представляет собой исключение, то оно скорее всего заимствовано из первого. Однако, отмечал В. Шотт, и в подобных случаях следует учитывать, что и при наличии общего корня в двух сравниваемых языках, в один из них может быть заимствована какая-либо производная форма данного корня. Для подтверждения этого положения В. Шотт приводит общее для тюркских и монгольских языков слово *elči* «посол» (ср.: общетюрк. *elči*, каз. *elši* «посол», «посланник» и ср.-монг. *elči* «посол», х.-монг. *elč* «нарочный», «гонец», «курьер»). При этом он отмечает, что в монгольском

языке можно выделить общий для обоих языков корень **el* ~ **elē* «племенной союз» (ср., например, п.-монг. *ilege-*, х.-монг. *ilgē-*, бур. *el'ge-* «посылать», «направлять»).

В. Шотт, в отличие от многих своих предшественников, подробно изучал конкретные особенности алтайских языков. Так, например, на уровне фонетики он широко рассматривал фонетические чередования согласных звуков между основными группами алтайских языков, и одним из первых установил фонетическое соответствие тюрк. *j-l* ~ монг., маньчж. *n-* (тюрк. *jedi* «семь» ~ маньчж. *nadan*; тюрк. *eñ* «очень» ~ монг. *nen(g)*; тюрк. *jaš* «год» ~ монг. *nasun*; тюрк. *jaz* «весна», «лето» ~ монг. *nar(an)* «солнце»; тюрк. *japraq* «лист» ~ монг. *nawč* и т.д.).

В. Шотт внимательно рассматривал межгрупповые соответствия сонантов в алтайских языках, установил закономерности чередования звуков внутри языков, исследовал поведение заднеязычных шумных *q-k* в разных классификационных группах алтайских языков.

В работе «Опыт исследования татарских языков» В. Шотт посвятил специальный раздел изучению корня слова и производным словам. Здесь автор особо останавливается на сложном вопросе «установления морфологической границы между корнем и его деривативными распространителями или даже присоединенными к нему другими корнями» (Насилов, 1977, 82). По мнению В. Шотта, из серии производных можно выделить некоторые примитивные, или простые корни, но трудно, а подчас и невозможно доказать обоснованность такого морфологического членения слова, тем более, что в алтайских языках наблюдается синкретизм глагольных и именных частей речи.

На уровне морфологии В. Шотт рассматривал также формы выражения множественности, падежных отношений их форм по лицам и числам, числительные и т.д. Особо следует отметить, что В. Шотт выделял общеалтайский показатель множественного числа *-*r*, который, по его мнению, позднее в разных языках дал рефлексy -*z/-s* ~ -*t/-d* ~ -*k*.

В. Шотт считал, что отдельные группы алтайских языков находятся в более отдаленных родственных узлах, нежели известные в то время «индогерманские» (то есть индоевропейские в современной терминологии) языки, и это не дает возможности последовательно выводить формы одних языков из форм других языков (например, тюркские из монгольских и наоборот). Вместе с тем В. Шотт не исключает возможности, что тюркские, монгольские и тунгусские языки в исторической ретроспективе были близки к некоему давно исчезнувшему центральноазиатскому праязыку, который он называл «hochasiatische Ursprache»). Следовательно, В. Шотт был одним из первых ориенталистов, кто манифестировал идею генетического родства алтайских языков и категорически возражал против предположения, что родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков могло возникнуть в результате длительных контактов между ними. По этому поводу он писал: «Совершенно невозможно, чтобы данные обстоятельства (то есть длительные исторические контакты. – Ж.Т.) обусловили родство языков, которые до этого были неродственными» (Schott, 1836, 20).

Даже такой беглый обзор показывает, что В. Шотт уже в первой своей работе алтаистического направления затронул целый ряд важнейших теоретических проблем и на их основе приводил конкретные примеры межъязыковых сопоставлений.

В 1847 году В. Шотт опубликовал работу, посвященную происхождению финской национальности (Schott, 1847). Глубоко изучив финно-угорские языки, В. Шотт пришел к выводу, что алтайскую общность следует расширить за счет родственной семьи финно-угорских языков. Он пишет, что при изучении «взаимных отношений тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков речь должна идти не о простой аналогии, которая видна даже поверхностному наблюдателю, и еще менее об обычных заимствованиях, но о действительном родстве звуковой системы, корней и грамматических форм... Финские языки должны быть названы идеалом урало-алтайских языков» (Schott, 1847, 463-464).

Основные положения и представления об урало-алтайской языковой общности были изложены в специальной работе В. Шотта «Об алтайской или финно-татарской семье языков» (Schott, 1847, 281-427; отд. оттиск: Schott, 1849; см. также Schott, 1851, 433-445). В данной работе впервые широко употребляются термины «алтайские языки», «алтайская семья языков», под которыми автор подразумевает урало-алтайские языки и урало-алтайскую языковую общность.

Данная работа носит в целом фонетический характер и ее можно было бы назвать первым опытом сравнительной фонетики урало-алтайских языков. Значительное внимание во вводной части работы было уделено общей характеристике «финских» (то есть финно-угорских) и «татарских» (то есть «алтайских») языков, причем объем используемого материала по конкретным языкам и число самих языков всецело зависел от состояния изученности этих языков в то время. В. Шотт, естественно, не располагал сведениями по многим тогда еще практически не изученным тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским и самодийским языкам.

В этой работе В. Шотт лексику урало-алтайских языков широко сопоставляет со словами тибетского, китайского, японского, а также ряда индоевропейских языков. Подобного рода дальние сопоставления занимают значительное место во всех сравнительно-исторических исследованиях В. Шота по урало-алтайским языкам (см., например: Schott, 1851, 199-208; 1879, 801 и др.). Весьма показательно, что корейский язык В. Шотт считал совершенно изолированным и нигде не связывал его с другими алтайскими языками.

В разделе «Родство финно-татарских корней с учетом звуковых превращений» В. Шотт устанавливает ряд межъязыковых и внутриязыковых звуковых соответствий и чередований в корнях слов, общих для всех сравниваемых урало-алтайских языков, или только для некоторых из них (подробнее см.: Насилов, 1977, 83-84).

Значительная часть впервые предпринятых В. Шоттом межалтайских сближений выдержала испытание временем и,

естественно, в модифицированных, расширенных и уточненных вариантах встречаются в алтаистических исследованиях вплоть до самого последнего времени; другая, не менее значительная часть, не выдерживает филологической критики и представляет только определенный исторический интерес.

Заслуживает внимания серия из пяти статей, объединенных В. Шоттом под общим названием «Алтайские штудии». Статьи эти публиковались в течение 12 лет в трудах Берлинской академии, членом которой В. Шотт являлся с 1841 года (Schott, 1859 (1860); 1861; 1866 (1867); 1869 (1870); 1871 (1872)). В статьях этой серии ученый рассматривает некоторые грамматические формы, в том числе – падежные аффиксы, разряды местоимений, формы притяжательности, личные аффиксы спряжения, формы диминутива и т.д. В. Шотт сопоставляет их по всем доступным ему в то время урало-алтайским языкам, но основное место отводит корневым сопоставлениям в пределах определенных семантических групп слов. Он пытается выделить звуковые комплексы, которые во всех сравниваемых языках несут определенное единое стержневое значение. Однако надо подчеркнуть, что в работах В. Шотта наблюдается увлечение автора излишним разложением корневых элементов слова (подробнее см.: Насилов, 1977, 84-86).

Поэтому работы В. Шотта часто подвергались критике в последующие периоды развития сравнительно-исторического языкознания. Так, например, О. Бётлинг довольно резко писал о методике его корневого анализа слов: «Я считаю совершенно превратным путем исследования, когда, подобно г. Шотту..., берутся за сравнение финско-татарских (то есть урало-алтайских. – Ж.Т.) корней, не исследовав строго даже одной фамилии этого племени; когда отдельное слово, взятое из какого-либо члена одной фамилии, сличают со словом также из отдельного члена другой, не догадываясь, как мало может доказывать приобретенное таким образом сходство слов...; когда в словах, сходных между собой, различие

некоторых звуков не заботятся объяснить определенными законами, действующими в целой фамилии, или в отдельном члене, но во всякой фамилии и в каждом члене считают легко возможным и совершенно естественным всякое видоизменение звука, в каком бы языке оно ни встречалось; когда не находят ни малейшего затруднения выводить из сравниваемых слов корни... и корни эти сравнивают не только в области урало-алтайских языков, но даже с китайским, тибетским и индогерманскими, и объявляют себя принужденными заключать об общем их происхождении; когда, наконец, берут для сравнения языки известные из скудных и неудовлетворительных реестров слов» (Бётлинг, 1853, 423-424). О. Бётлинг предлагал тщательно исследовать каждый из языков по отдельности, а затем уже на основе этого предпринимать исторические сопоставления для восстановления «первобытных форм, корней и грамматических окончаний».

Несмотря на все издержки, обусловленные прежде всего скудостью эмпирического материала, а также слабостью теоретической базы сравнительно-исторического языкознания на начальных этапах его развития, труды В. Шотта были значительным шагом вперед в области компаративного изучения урало-алтайских и алтайских языков. Они получили широкую известность в научных кругах и использовались лингвистами смежных специальностей, авторами общетеоретических трудов по языкознанию, а также этнографами и историками при классификации народов и племен.

Если урало-алтайская гипотеза изначально базировалась на некоторых общих, можно сказать, типологических признаках изучаемых языков, то В. Шотт с самого начала строил свои выводы на основании лексических соответствий с учетом морфологического строя уральских и алтайских языков. Ограничив круг своих исследований «чуждскими» и «татарскими» по его терминологии, то есть уральскими и алтайскими языками, В. Шотт, как и А.М. Кастрен, редко обращается к другим языкам. В. Шотт впервые установил

столь характерные для алтайской семьи соответствия $r \sim z$ и $l \sim \tilde{s}$, установил место чувашского языка в этой семье, которого, с некоторыми оговорками, придерживаются до сих пор (Schott, 1840; 1876).

Почти одновременно с В. Шоттом эстонский языковед Ф.Е. Видеман выпустил большой труд под названием «О древней территории чудских народов и их языковом родстве с народами Центральной Азии», где он попытался доказать родство финно-угорских («чудских» по его терминологии) народов в языковом отношении с алтайскими народами Центральной Азии. Кроме того в этом труде Ф. Видеман указал на ряд сходных и общих грамматических и фонетических признаков, отличающих урало-алтайские языки от индоевропейских (Wiedermann, 1838).

К середине XIX века сравнительно-историческое языкознание добилось значительных успехов: были выработаны принципы компаративного изучения языков и уже существовало индоевропейское сравнительное языкознание. В это время появляются выдающиеся лингвистические работы В. Гумбольдта, оставившие значительный след в развитии алтаистики, а также фундаментальные работы финского ученого М.А. Кастрена в области урало-алтайского языкознания. Во время своих путешествий по восточным районам России он собрал огромный материал по уральским и алтайским языкам и на этой основе изложил свою точку зрения на родство уральских и алтайских языков в ряде работ, вошедших в его знаменитую книгу «Северные путешествия и исследования», вышедшую на шведском и немецком языках (Castren, 1845; 1849), а также в целом ряде других исследований (см. библиографию).

М.А. Кастрен впервые подробно разработал урало-алтайскую теорию, разделил эту этноязыковую общность на уральскую (в составе финно-угорских и самодийских языков) и алтайскую (в составе тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков) группы.

Сравнительно-историческое языкознание признает доказательствами родства языков материальное тождество корневых и аффиксальных морфем с учетом, конечно, возможных звуковых переходов, подтверждаемых регулярностью соответствий. С этой точки зрения первыми действительно сравнительно-историческими исследованиями по алтайским языкам следует признать работы видного ученого XIX века М.А. Кастрена (Castrén, 1857; 1862 и др.).

Являются ли эти соответствия столь существенными, что дадут языковедам право причислять названные языки к одной и той же семье, – пишет М.А. Кастрен, проявляя осторожность, – это вопрос, ответ на который должен быть предоставлен будущему» (Castrén, 1862, 152).

Урало-алтайскую теорию поддерживал также видный русский ученый О. Бётлинг (Böhtling, 1851), положивший первый камень в фундамент сравнительной грамматики тюркских языков (Бётлинг, 1889). Отмечая более отдаленную близость между урало-алтайскими языками, чем между индоевропейскими, О. Бётлинг все же замечает известные соответствия между финно-угорскими, самодийскими и тюркскими языками.

Развитие алтаистики как компаративной дисциплины с самого начала шло в двух направлениях: с одной стороны, предпринимались попытки расширить границы предполагаемой алтайской (и, шире, урало-алтайской) общности путем сопоставления отдельных ее представителей с другими индосистемными языками (корейским, японским, палеоазиатскими, юкагирским, чукотским (лауроветланским), эскимосским и т.д., вплоть до шумерского и языков американских индейцев; с другой стороны, одновременно с возникновением урало-алтайской гипотезы высказывались и серьезные сомнения относительно ее научной достоверности. Постепенно, в связи с накоплением нового материала и под давлением более углубленных изучений т.н. урало-алтайских языков, эти сомнения возрастали.

Начиная со второй половины XIX века определение состава алтайской (resp. урало-алтайской) семьи шло как по линии уточнения родственных связей между теми языками Евразии, о которых в свое время писали В. Шотт, М.А. Кастрен и другие, а также и в направлении поисков других возможных представителей данной общности. В связи с этим предпринимались попытки объединить в урало-алтайскую семью некоторые кавказские языки, дравидские (точнее сказать – «все особенности грамматической структуры, которыми дравидские языки отличаются от санскрита») (Caldwell, 1913; Bouda, 1953, 173), японский (Winkler, 1916; Ramstedt, 1924; Pröhle, 1916-1917), затем енисейские (кетский, котский, аринский, ассанский) языки (Каргер, 1934, 223-224), палеоазиатские, в частности, юкагирский (Collinder, 1941; Angere, 1956; Buda, 1940), чукотский (лауроветланский) (Ankeria, 1941), эскимосский (Bergaland, 1959; Sauvageot, 1924), американские (Hommel, 1884; 1915; 1926) и т.д., и т.п. Еще современниками М.А. Кастрена были предприняты попытки расширить круг урало-алтайских языков японским (Böhtling, 1851), повторявшиеся впоследствии (Winkler, 1909; Pröhle, 1916-1917), но особого успеха они тогда не имели. Вместе с тем, также предпринимались неоднократные попытки расширить границы предполагаемой урало-алтайской общности путем сопоставления отдельных ее представителей с другими, более удаленными иносистемными языками. Так, например, предполагалось наличие родства между алтайскими (тюркскими и монгольскими) языками, с одной стороны, и шумерским, с другой (Hommel, 1926, 21-22). Е.Д. Поливанов и Г.Й. Рамstedт несколько расширили рамки алтайской общности, включив в ее состав корейский и японский языки (Поливанов, 1924; 1927; Ramstedt, 1924; 1928; 1933а; 1949; 1951; 1954). Однако принадлежность корейского и японского языков к алтайской общности до сих пор находится под вопросом, хотя эта теория имеет своих активных сторонников (Старостин, 1991). Но на пути доказательства принадлежности

корейского и японского языков к алтайской общности встает одно весьма существенное препятствие: не прекращается научная полемика о существовании алтайской семьи как генетической общности языков. Действительно, если тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки не связаны между собой генетически, то вопрос о причастности корейского и японского языков к алтайской общности автоматически снимается.

Давно высказанное предположение о принадлежности японского языка к алтайской семье (Winkler, 1894; 1909; Pröhle, 1916-1917; 1943), несмотря на довольно многочисленные исследования в этом направлении (библиографию по этой проблеме см.: Rander, 1951, 1952; Старостин, 1991, 150-155), все еще не может считаться доказанным с достаточной строгостью и убедительностью. Значительный интерес в этом направлении алтаистики представляют исследования японского алтаиста С. Мураямы (Murayama, 1958, 1962, 1963, 1966, 1968, 1975, 1976 и др.; более подробную библиографию см. Старостин, 1991, 151, 154).

Из советских исследователей этой проблемой вплотную занимался Н.А. Сыромятников (Сыромятников, 1967, 1971, 1972, 1975), который подчеркивал, что «при решении вопроса об урало-алтайской языковой общности нельзя игнорировать богатый японский материал. Японскую лексику целесообразно использовать и для отличения истари общих слов между отдельными семьями от поздних заимствований» (Сыромятников, 1967, 130). Вопросы японско-тюркских языковых связей в свете алтайской теории были подняты также казахским лингвистом Э.Г. Азербаетым (Азербает, 1974, 1975, 1982а, б; Әзірбаев, 1975а, б), защитившим на эту тему кандидатскую диссертацию.

Ряд исследователей считал возможным в группу уральских языков включить некоторые палеоазиатские языки, например, юкагирский (Angere, 1956; Buda, 1940; Collinder,

1940), чукотский (лауроветланский) (Ankeria, 1941) и даже язык эскимосов (Bergaland, 1959; Sauvageot, 1924) и др.

Некоторые исследователи на основе сравнения лексики, морфологии и синтаксиса алтайских языков с языками определенных индейских племен Америки выявили значительные сходства между ними. Так, например, Б. Феррарио, проанализировав язык индейцев кечуа сравнительно с тюркскими, обнаружил между ними поразительную близость на уровнях лексики и грамматики (Ferrario, 1938). Теме возможных тюркско-американских языковых связей посвящена также одна из работ Г. Дюмезиля. Он, в частности, высказался о гомогенности числительных от одного до шести включительно в тюркских языках и языке кечуа, а также привел список значительного числа схожих по звучанию и значению слов из этих языков (Dumézil, 1954, 1955). С. Викандер писал об обнаружении им нескольких сотен сходных по звучанию и значению слов между тюркскими языками и языком майя, параллели которым обнаруживаются также в монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языках Центральной Азии и дальнего Востока. В конечном итоге он пришел к заключению, что в далеком прошлом язык майя входил в алтайскую общность (Wicander, 1967, 1970-1971).

Многие языки сближались с урало-алтайскими путем сопоставления их с какой-либо определенной ветвью этих языков. Так, например, предполагалось наличие родства между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и шумерским, с другой (Hommel, 1926, 21-22), между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками и корейским (Ramstedt, 1935, 86-89; 1939, 20-21).

В научной литературе встречаются высказывания о возможных древнейших родственных связях между урало-алтайскими и индоевропейскими языками. При этом одни ученые допускают родство только между уральскими и индоевропейскими языками (Collinder, 1934; 1946; 1954; Anderson, 1879; Ramstedt, 1933; 1935), другие, правда, с

некоторым сомнением, пишут о возможных родственных связях алтайских языков с индоевропейскими (Felden, 1919, 1920; Jensen, 1935; Sinor, 1952). Наконец, существует также урало-тюркская теория, констатирующая родство уральских языков с тюркскими (Németh, 1928).

В одной из последних работ Ю. Немет, приводя ряды лексических совпадений между уральскими и тюркскими языками, сформулировал свое отношение к этой проблеме следующим образом: «в отношении уральско-тюркского языкового родства мы располагаем такими явными доказательствами. Решающими здесь (кроме гармонии гласных и общих синтаксических элементов) являются приведенные выше лексические совпадения. Не совсем так обстоит дело с вопросом родства уральско-тюркских языков с монгольско-тунгусским. Здесь в настоящее время отсутствует основное доказательство – совпадение в исконном словаре. Я считаю, что родство указанных языков является весьма вероятным, но не очевидным. Причина, по которой не удается обнаружить исконные лексические соответствия, заключается, видимо, в том, что вследствие доисторических процессов, до сих пор остающихся совершенно неизвестными, монгольские и в особенности маньчжурские языки хронологически и географически обособлены от других языков» (Немет, 1963).

Некоторые исследователи ставили тунгусо-маньчжурские языки в более тесную связь с финно-угорскими и самодийскими языками, рассматривая маньчжурский язык как связующее звено между последними и японским языком. Сторонник такой позиции немецкий востоковед Г. Винклер разделял урало-алтайскую общность на две неравные группы: 1) тюркско-монгольскую и 2) финно-угро-самодийско-тунгусо-маньчжурско-японскую (Winkler, 1885; 1894; 1909; 1921; 1924), но эта точка зрения никем поддержана не была.

Таким образом, к середине XX века границы алтайской (resp. урало-алтайской) языковой общности по сути оказались раздвинутыми от Скандинавии на северо-западе до Японских островов на юго-востоке и от Малой Азии на юго-западе до

Чукотского полуострова на северо-востоке. Следует, однако, заметить, что не всегда в основе стремлений расширить границы алтайского языкового мира лежали чисто научные мотивы и соображения.

В исследованиях, связанных с праалтайской языковой общностью и ее связями с внешним миром, существенный прогресс был достигнут, пожалуй, лишь в установлении (по всей видимости, довольно позднего) влияния древнекитайского языка на алтайский языковой мир, главным образом на тюрков (Schmidt, 1898). В связи с этими данными была сформулирована теория восточной (центральноазиатской) локализации алтайской прародины (Schmidt, 1898, 1928; Ramstedt, 1935).

С другой стороны, уже в начале прошлого века венгерский ученый Б. Мункачи обратил внимание на связи праалтайского языка с переднеазиатскими районами (Munkacsí, 1904); древние лексические заимствования из этих областей, проникавшие в весьма отдаленные времена в отдельные алтайские языки, рассматриваются в работах Х. Шёлда (Sköld, 1926), К.Г. Менгеса (Menges, 1953) и др.

На первых этапах развития урало-алтайской теории большинство ученых, занимавшихся проблемами генетических взаимоотношений между уральскими и алтайскими языками, выступали убежденными сторонниками родства этих языков не только внутри каждой отдельной группы, но и уральских (финно-угорских, самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков между собой. Однако впоследствии, в связи с накоплением репрезентативного эмпирического материала и усовершенствованием методологии сравнительно-исторических исследований, мнения специалистов все более расходились. В настоящее время в большей мере доказанным считается родство языков лишь внутри уральской общности.

Лингвисты не могли сразу же отречься от прежних методов анализа и сузить круг исследуемых языков до разумного на данном этапе развития алтаистики количества.

Поэтому в работах алтаистов этого периода сплошь и рядом встречаются отклонения в сторону финно-угорских и многих других иносистемных языков.

Развитие сравнительно-исторического изучения языков различных семей всегда сопровождалось стремлением расширить круг родственных языков, протянуть связующие нити от одной семьи языков к другой в целях доказательства их генетического родства в отдаленном прошлом (подробнее см.: Хелимский, 1984, 31-48).

Объясняется это прежде всего тем обстоятельством, что в XIX веке особым вниманием языковедов пользовался процесс дивергенции (дифференциации), когда в ходе исторического развития некоторые диалекты языка превращаются в самостоятельные родственные языки. На этой основе Ф. Боппу, Р. Раску и другим удалось выработать, а впоследствии целым поколениям языковедов усовершенствовать специальный лингвистический метод для ретроспективного исследования истории родственных языков, возникших в процессе дивергенции. Этот метод, получивший название сравнительно-исторического, был подхвачен и исследователями урало-алтайских языков.

Вместе с тем языковедам XIX века, в частности А. Шлейхеру, Г. Паулю, Г. Фон дер Габеленцу и другим, было хорошо известно, что в историческом развитии языков наряду с дивергенцией действует и противоположный ему процесс конвергенции, или смешения языков, однако, за неимением точных методов для его изучения, они мало занимались этим процессом. Но какова бы ни была причина, приходится признать, что историзм XIX века в языкознании был неполным, односторонним: учитывалось только то, что развитие родственных языков было связано с дивергенцией общего исходного материала, а конвергентное развитие оставалось вне поля зрения исследователей (Подробнее об этом см.: Шарадзенидзе, 1983, 69-79).

Одним из камней преткновения алтаистов традиционного направления является именно стремление по возможности

расширить круг предположительно родственных языков, хотя логика подсказывает, что хотя бы на первых порах исследователям необходимо было ограничиться выяснением отношений каких-нибудь двух языковых групп, скажем, тюркской и монгольской, или же монгольской и тунгусо-маньчжурской. Однако алтаисты XIX века взяли на себя практически невыполнимую в то время задачу – выяснить взаимоотношения всех алтайских (resp. урало-алтайских и даже шире) языков, задачу, которая трудно поддается однозначному решению и в настоящее время, хотя современная алтаистическая наука обладает необходимой для этого куда более полной фактологической и фактографической базой.

Что касается конкретных языковых признаков, которые использовались раньше и используются теперь для подтверждения постулируемого родства урало-алтайских или алтайских языков, то следует заметить, что в этом отношении нет единства в среде специалистов. Однако большинство из них объединяющими признаками урало-алтайских языков считают следующие.

В области фонетики: 1) гармонию гласных, или сингармонизм; 2) общие закономерности ассимиляции согласных; 3) устойчивость звонких согласных в основе слова; 4) наличие одного согласного в начале слова или исключение стечения согласных в начале (а также часто и в конце) слова; 5) наличие сингармонических параллелизмов с дифференцированным лексическим значением; 6) главное ударение в словосочетаниях на определение.

В области морфологии: 1) подавляющее преимущество агглютинации аффиксов в словообразовании и словоизменении; 2) наличие послелогов вместо предлогов; 3) отсутствие артиклей; 4) отсутствие категории грамматического рода; 5) наличие категории принадлежности; 6) конструкции с исходным падежом при образовании сравнительной степени; 7) притяжательная конструкция, замещающая конструкцию с глаголом «иметь» в других языках; 8) притяжательное

склонение; 9) присоединение к именам в единственном и множественном числе одних и тех же аффиксов; 10) обилие аффиксов образования глагольных форм; 11) наличие агглютинативной частицы вопроса; 12) передача идеи множественного лица формой единственного числа; 13) генетическая связь личных местоимений с указательными; 14) многообразие функций неопределенного, или основного, падежа.

В области синтаксиса: 1) позиция определяющих и дополняющих членов синтагмы перед определяемыми и дополняемыми; 2) отсутствие согласования в числе при определяемом числительном; 3) оформление вопросительных конструкций вопросительной частицей; 4) замещение придаточных предложений масдарными, причастными и деепричастными оборотами; 5) логическое выделение объекта оформленным винительным падежом; 6) употребление имен существительных со значением материала в качестве определения без морфологического оформления; 7) неизменяемость числительных и прилагательных, выступающих в функции определений.

Однако следует заметить, что все эти и другие признаки, общие для большинства урало-алтайских языков, скорее всего свидетельствуют лишь о типологическом сходстве финно-угорских, самодийских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и иных языков (Баскаков, 1981, 30-31) и явно недостаточны и не релевантны для доказательства их предполагаемого генетического родства.

Некоторые сторонники урало-алтайской гипотезы, например, Ю. Немет (Nemeth, 1973), Б. Коллиндер (Collinder, 1947; 1948), М. Рясänen (Räsänen, 1965; 1968) и другие, приводят около 300 общих лексических сопоставлений из уральских и алтайских языков, но они при ближайшем знакомстве оказываются случайными совпадениями, а в лучшем случае, древними заимствованиями. Таким образом урало-алтаистика постепенно распадается на две самостоятельные дисциплины – уралистику и алтаистику.

КРИЗИС УРАЛО-АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ

Идея о предполагаемом генетическом родстве так называемых алтайских языков сформировалась в рамках урало-алтайской гипотезы, согласно которой постулировалось возможное изначальное родство уральских (финно-угорских и самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков.

Типологическое сходство и определенная материальная близость между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, самодийскими и некоторыми другими языками было замечено уже в начале XVIII века первыми исследователями, познакомившимися с отдельными представителями этих языковых семей. На основе выявленных между этими группами языков ряда материальных и, большей частью, типологических сходжений, к середине XIX века сформировалась урало-алтайская гипотеза, из которой вскоре выделилась самостоятельная научная дисциплина, получившая название алтайской теории, или алтаистики.

В середине XIX века алтайская теория была неразрывно связана с урало-алтайской, причем большее внимание уделялось установлению связей между уральскими (финно-угорскими и самодийскими) и алтайскими (тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и некоторыми другими) языками, чем доказательству родственных отношений внутри этих двух семей языков. Проблема родства языков внутри алтайской семьи в то время считалась, можно сказать, решенной: для целого поколения ученых типологические сходжения между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками представлялись решающими и достаточными для рассуждений о генетических связях между ними (см. работы В. Шотта, Ж.П. Абель-Ремюза, Г.Ю. Клапрота, М.А. Кастрена, А. Боллера и др.).

В связи с бурным развитием сравнительно-исторического языкознания и усовершенствованием критериев для установления и доказательства родственных отношений

между языками и языковыми семьями, некоторые ученые еще в XIX веке стали выступать с критическими замечаниями в адрес сторонников установления генетических связей между широким кругом языков, в том числе урало-алтайских и даже алтайских. В этих критических высказываниях речь в основном шла об использовании в урало-алтаистических штудиях приемов и методов сравнительно-исторического изучения языков. В XIX веке компаративное изучение финно-угорских языков, по сравнению с алтайскими, ушло значительно вперед. Сравнительно-историческая алтаистика вплоть до конца XIX века топталась на месте. Тем не менее, в области изучения алтайских языков в середине и второй половине XIX века были и определенные позитивные сдвиги: шло накопление эмпирического материала и вовлечение в научный оборот новых фактологических данных, было выявлено немало полезных типологических параллелей. И, наконец, вовлечение алтайских языков в русло сравнительно-исторических исследований все же давало позитивные результаты.

Урало-алтайская гипотеза была основана в основном на типологически схожих признаках, общих для сравниваемых и сближаемых языков. Показательной в этом отношении является одна из ранних работ эстонского ученого Ф.И. Видемана (1805-1887) (Wiedermann, 1838, 16 с.). Сравнивая грамматический строй «чудских» (то есть тюркских), монгольских и маньчжурского языков, академик Ф.И. Видеман обнаружил «древнее и глубокое родство» между этими языками, имеющими, как тогда казалось, присущие только им особенности, отличные от других, прежде всего индоевропейских языков Европы. Таких основных черт, общих для финно-угорских и алтайских языков, Ф.И. Видеман устанавливал пятнадцать: гармония гласных, отсутствие грамматической категории рода, постпозиция аффиксов и служебных слов, единообразие склонения имен и спряжения глаголов, наличие категории притяжательности и т.д. то есть то, что современной

лингвистикой квалифицируется как типологическое сходство. Таким образом труды Ф.И. Видемана характеризуют специфику первых этапов становления урало-алтаистики (о научной деятельности и лингвистических позициях Ф.И. Видемана подробнее см.: Бубрих, 1928, 100-104; Насилов, 1975, 56-58; 1977, 80).

Показательны в этом отношении также труды Г. Кельгрена (Чельгрена), в частности его работа «Основные черты финского языка в связи с урало-алтайской языковой общностью» (Kellgren, 1847), в котором он сравнивает «внутренние закономерности» финского языка с венгерским, тюркскими, монгольскими и маньчжурскими языками, стремясь при этом выявить следы «древнего родства» этих языков. Надо заметить, что Г. Кельгрэн был весьма эрудированным специалистом в области урало-алтайских языков: он хорошо знал и широко использовал материалы Ж.П. Абель-Ремюза, монгольскую грамматику Я. Шмидта, алтаистические работы В. Шотта и т.д. Общими для сравниваемых языков Г. Кельгрэн считает: на уровне фонетики – гармонию звуков, их длительность, ритмику слогов; на уровне морфологии – склонение имен существительных, способы образования некоторых форм прилагательных, местоимений и глаголов, выражение множественности и сами показатели плюралиса и т.д. Г. Кельгрэн считает, что распад урало-алтайской общности произошел очень давно, еще в ту эпоху, когда грамматика была еще слабо развита и бедна формами (Kellgren, 1847). Как видим, Г. Кельгрэн основной упор делает также на типологические сходные моменты.

Одновременно с возникновением урало-алтайской гипотезы возникли и сомнения относительно ее истинности и научной достоверности. Постепенно, в связи с накоплением нового материала и под давлением новых, более углубленных компаративных исследований урало-алтайских языков, эти сомнения возрастали, число сторонников урало-алтайской гипотезы все уменьшалось, тогда как ряды противников

непрерывно росли. Сомнения в возможности установления строгих соответствий и доказательства родственных связей между разными группами урало-алтайских языков так или иначе высказывались почти всеми сторонниками алтайской теории.

Весьма показательной в этом отношении является динамика точки зрения финского ученого М.А. Кастрена (1813-1852), которого обычно считают одним из основоположников урало-алтайской гипотезы. Во время своих этнолингвистических экспедиций по Сибири в 1842-1844 и 1845-1849 годах М.А. Кастрен собрал богатейший материал по финно-угорским, самодийским, тюркским, монгольским, тунгусским и палеоазиатским языкам. Он на первых порах весьма сочувственно относился к идее родства уральских и алтайских языков, особенно в связи с локализацией им прародины финских народов на Алтае, и писал: «Финские языки более или менее сродни с языками всех народов, живущих на Алтайских горах, или оттуда вышедших. Наш (то есть финский. – Ж.Т.) язык подходит ближе всего к самоедскому и тюркскому, но, вместе с тем, обнаруживает и решительное сродство с языками монгольскими и тунгусскими. Из этого сродства языков можно вывести положительное заключение, что финны некогда жили на Алтае» (Кастрен, 1860, 437).

Исходя из этого М.А. Кастрен объединял финно-угорские, самодийские, тюркские и тунгусо-маньчжурские языки термином «алтайские» (Castrén, 1857, 14; 1862, 152-153), вкладывая в него скорее всего географический, чем генеалогический смысл. Вместе с тем к идее генетического родства урало-алтайских языков он относился очень осторожно: «...здесь я приду в соприкосновение с монголами или татарами, которые особенно интересны, потому что мне страшно хочется доказать сходство между их языком и финским, а равно и самоедским. А что это родство действительно существует, в этом не может быть никакого

сомнения, но чтобы доказать его вполне удовлетворительно, разумеется, нужны труд и время» (Кастрен, 1860, 274).

Как лингвист, обладающий обширными познаниями в области разностороннего языкового материала по конкретным урало-алтайским языкам, М.А. Кастрен весьма скрупулезно относится к обработке репрезентативного эмпирического материала. Касаясь проблемы истинных взаимоотношений между финскими и алтайскими языками, он замечает, что «...расширение исследований невозможно до тех пор, пока промежуточные языки (то есть тюркские и тунгусские. – Ж.Т.) не будут подробно исследованы в грамматическом и лексическом отношении. А мы до сих пор не знаем еще даже ни характера, ни законов и коренного финского языка (т.е. прафинского. – Ж.Т.); как же тут сравнивать этот X с монгольским Z-ом» (Кастрен, 1860, 291).

Давно подмечено, что в вопросе о степени родства между урало-алтайскими языками М.А. Кастрен в целом опирался на свою интуицию, «но интуиция у него, как у всех крупных мыслителей, являлась отнюдь не априорно, а в результате долгой упорной работы над собранным материалом». Лингвистические взгляды М.А. Кастрена на родственные отношения урало-алтайских языков, очевидно, сложились на основе большого типологического сходства этих языков, но, как адепт сравнительно-исторического метода, он сам же подчеркивает: «общие грамматические соответствия никак нельзя рассматривать как результат внутреннего родства языков» (Castrén, 1857, 96). Отсюда вытекают его выводы о генетических связях между урало-алтайскими языками: «...Между всеми этими языками, и особенно между финскими, самоедскими и тюркскими – имеются многочисленные и формальные, и материальные соответствия... Так ли значительны эти соответствия, чтобы дать основание языковедам возводить указанные языки к одному общему корню (Stamm), – вот вопрос, ответить на который дело будущего» (Castrén, 1862, 152). К сожалению, ранняя смерть

помешала ему заняться детальным изучением реальных взаимоотношений между урало-алтайскими языками.

В последней четверти XIX века, когда в языкознании укрепляются идеи младограмматиков и начинают применяться более корректные научные методы, требующие доказательств genuинности языков в форме звуковых законов, фонетических, морфологических и семантических соответствий и т.д., уверенность в наличии родства между уральскими и алтайскими языками пошатнулась. Некоторые исследователи засомневались даже в родстве языков внутри алтайской семьи. Между тем взаимное родство языков уральской семьи – финно-угорских и самодийских – стало считаться вполне доказанным и неоспоримым фактом (Рясянен, 1955, 15-16).

Если в середине XIX века родство урало-алтайских и алтайских языков обычно принималось как данное, то к концу века зарождаются и крепнут антагонистические тенденции. На повестку дня все настойчивее выступает задача доказательства схождения между сближаемыми языками через их генетические отношения.

Эстонский языковед Н. Андерсон, например, пишет: «Я вовсе не протестую против возможности близко сопоставить все урало-алтайские языки, я добавляю даже, что многое говорит за данную гипотезу, но, несмотря на все это, я убежден, что целиком вопрос об этом родстве следует пока рассматривать как открытый. По крайней мере... ни в коем случае непозволительно смешивать возможность с действительностью» (Anderson, 1891, 12).

Сравнительно-историческое изучение языков урало-алтайской общности еще до полного развития теории их предполагаемого родства получило одновременно с позитивным также и скептическое направление, которое характеризуется исследованиями критического характера и накоплением репрезентативного эмпирического материала, показывающего научную несостоятельность родства между собой сначала уральских и алтайских языков, а затем оспаривающих гипотезу генетического родства языковых

групп, объединяемых в эти большие семьи, т.е. финских, угорских и самодийских, с одной стороны, и тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также корейского и японского – с другой. Тем не менее, и подобные исследования скептического характера несомненно имели важное значение в изучении уральских и алтайских языков и выяснении подлинных отношений каждой из их групп между собой.

Серьезные сомнения относительно генетического родства между уральскими и алтайскими языками высказывает основоположник классической алтаистики Г.Й. Рамстедт (Ramstedt, 1935, 91). Явно сочувствующий алтайской гипотезе А. Соважо не решается считать установленным происхождение от общего предка даже тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (Sauvageot, 1930, XXX). Д. Синор высказывает предположение о том, что родственными уральским, или финно-угорским, языкам из алтайских могут быть только тюркские (Sinor, 1948, 68-69) и т.д. Итоги продолжительным исследованиям в области выявления возможных родственных отношений между урало-алтайскими языками приводятся в работе Т. Себеока (Sebeok, 1950, 135-136).

Алтаистика XIX века в методическом отношении значительно отставала от уралистики и топталась на месте. «Между тем, как исследования в области уральской ветви вот уже десятилетия ведутся научными методами, – пишет по этому поводу Д. Немет, – в литературе по алтайским языкам едва ли найдется нечто, научно приемлемое. Даже не установлено, действительно ли родственны между собой алтайские языки или их сходство восходит к взаимным заимствованиям. Вряд ли нужно доказывать, что урало-алтайские связи не объяснены совершенно» (Németh, 1917, 7; Немет, 1963, 126-127).

Таким образом, к концу XIX века на место урало-алтайской теории пришли развившиеся на ее базе вполне самостоятельные научные теории – уральская и алтайская. Хотя некоторые исследователи, как, например, Ю. Немет

(Németh, 1928-1930), Б. Коллиндер (Collinder, 1947, 1948). М. Рясänen (Räsänen, 1953, 1955; Рясänen, 1968) и др. и в XX веке приводили около 300 общих лексических сопоставлений из уральских и алтайских языков, однако было установлено, что большинство этих соответствий объясняется либо древними взаимозаимствованиями или общими заимствованиями из других иносистемных языков, либо очень древним и отдаленным родством этих языков, а также представляют собой так называемые случайные совпадения. Под давлением накапливаемых наукой все новых и новых фактов и вследствие прогрессивного развития теоретической базы компаративистики в области сравнительно-исторического изучения других языков, в первую очередь – индоевропейских и финно-угорских, исследователи алтайских языков постепенно отходили от идеи первоначального генетического родства уральских и алтайских языков: сначала финноугроведы, а затем и алтаисты отвернулись от поверхностных, только на первый взгляд кажущихся родственными, сопоставлений.

Кризис гипотезы о предполагаемом урало-алтайском родстве приводит к разделению так называемых «урало-алтайских языков» на две группы: уральскую (или финно-угорскую) и алтайскую. При этом, с одной стороны усиливается тенденция сблизить уральские языки с индоевропейскими (Collinder, 1954), с другой стороны намечается стремление уточнить состав и обосновать генетическое родство самих алтайских языков.

Основными подразделениями алтайской общности новая алтаистическая традиция называет тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, иногда сюда же относят японский и корейский языки (Ramstedt, 1948, 15; Ramstedt, 1953; Старостин, 1991; EDAL, 2003 и др.).

Несмотря на скептицизм значительного количества исследователей, проблема общности урало-алтайских языков существует и в современной лингвистике, потому как продолжают выходить и в настоящее время труды,

посвященные изучению не только урало-алтайской, но и более широкой ностратической общности, в которую в качестве генетически родственных объединяются такие большие языковые семьи, как индоевропейская, уральская, дравидийская, алтайская, картвельская, семитохамитская, а в последнее время к ностратическим причисляются и некоторые другие языковые семьи (Хелимский, 1984, 31-48).

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРТОДОКСАЛЬНОЙ АЛТАИСТИКИ

Сравнительно-историческое изучение собственно алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков начинается с того момента, когда алтаистика обособилась от урало-алтайского языкознания в самостоятельную научную дисциплину. Время это наступило в связи с пышным расцветом сравнительного финноугроведения, давшего компаративистике такие громкие имена, как Й. Буденц, А. Алквист, В. Банг, О. Доннер, А. Боллер, Б. Коллиндер и ряд других, в результате деятельности которых финноугроведение приблизилось по уровню своего развития к индоевропеистике и в короткий срок уралистика и алтаистика оказались на весьма отдаленных ступенях развития.

На повестку дня встала неотложная задача – детальное изучение взаимоотношений алтайских языков между собой и установление строгих фонетических законов и соответствий. Задача эта на начальном этапе развития алтаистики оказалась весьма трудной, так как из всех трех основных языковых групп алтайской общности только по тюркским языкам был собран более-менее удовлетворяющий потребности исследователей лингвистический материал; монголистика ограничивалась знанием письменно-монгольского языка, а по живым языкам в распоряжении специалистов не было почти никакого материала, не говоря уже о тунгусо-маньчжурских

языках, материал которых вообще был почти недоступен исследователям.

Поэтому в XIX веке в России основное внимание востоковеды уделяли изучению конкретных языков и письменных памятников, а специальные алтаистические исследования практически не проводились; алтаистические проблемы затрагивались лишь в самых общих чертах, а сравнительное изучение урало-алтайских языков почти никого не интересовало. Отечественные тюркологи признавали принадлежность тюркских и монгольских языков к алтайской (или урало-алтайской) семье, но самой проблемой почти не занимались, хотя в практической работе часто и охотно привлекали для сопоставления материалы этих языков. Показательны в этом отношении лекции Н.И. Ильминского, прочитанные студентам восточного разряда Казанского университета. Во «Вступительном чтении в курс турецко-татарского языка» он указывает, что «турецко-татарские» (то есть тюркские) языки «относятся к семейству урало-алтайскому, заключающему, кроме них, языки маньчжурские, монгольские, финские, ... но давно урало-алтайская семья разделилась на многие отрасли и широко раскинулась...» (Ильминский, 1861, 3). Ближайшей задачей тюркологии он считал монографическое описание отдельных тюркских наречий, основательную обработку фактического материала, на основе чего можно приступить к сопоставлениям и классификациям» (Ильминский, 1861, 20-21). Между тем в этот период идет интенсивное накопление и изучение эмпирического материала, особенно по тюркским и монгольским языкам. В этом отношении особенно велик вклад в тюркологию В.В. Радлова (Подробнее см.: Насилов, 1978, 96-102).

На рубеже XIX-XX вв. сложились благоприятные условия для бурного развития алтаистических исследований. Условия эти были созданы в результате целого ряда исследований эпохального значения, в числе которых прежде всего следует назвать открытие и расшифровку тюркских рунических

памятников, открытие уйгурской письменности, создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (О.Н. Бётлинг, В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов), открытие и описание доселе неизвестных языков и диалектов и т.д. Необходимо отметить также небывалый прогресс в области теории сравнительно-исторических исследований, особенно на материале финно-угорских и индоевропейских языков. Все это способствовало прогрессу сравнительно-исторического изучения алтайских языков. Забегая несколько вперед, следует подчеркнуть, что постулированная Г.Й. Рамstedтом алтайская теория была окончательно сформулирована его последователем Н. Поппе (Porre, 1960, 1965 и др.), имевшим к алтаистическим сопоставлениям более строгий критический подход. Таким образом, в результате многолетней и кропотливой работы Г.Й. Рамstedта и Н. Поппе, а также их многочисленных последователей, к середине прошлого века сравнительно-историческая алтаистика достигла кульминационной точки в своем развитии.

Сравнительно-исторические исследования по алтайским языкам довольно полно представлены и общими трудами, среди которых видное место занимают труды одного из крупнейших представителей урало-алтайского языкознания Г. Винклера (Winkler, 1884; 1885; 1921; 1924), общие сведения об алтайских языках и их отношении к другим языкам даны в работе французского тюрколога Ж. Дени «Тюркские, монгольские и тунгусские языки» (Dény, 1952), но наиболее полными и охватывающими все аспекты и уровни алтайских языков в сравнительно-исторических исследованиях являются основополагающие труды Г.Й. Рамstedта (Ramstedt, 1952; 1957; Рамstedт, 1957), В.Л. Котвича (Kotwicz, 1953; Котвич, 1962) и Н.Н. Поппе (Porre, 1960; 1965; Поппе, 1924-1925).

Большой вклад в компаративное изучение тюркских, монгольских, а также тунгусо-мальжурских языков внес Б.Я. Владимирцов, который в своей классической монографии «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» приводит сотни интереснейших

тюркско-монгольских лексических параллелей (в том числе и из казахского языка) и разрабатывает кардинальные вопросы развития фонетической системы алтайских языков (Владимирцов, 1929). Уже одна из первых работ Б.Я. Владимирцова по сути была посвящена алтаистической проблематике (Владимирцов, 1910-1911), а точнее – тюркским заимствованиям в монгольских языках.

В самом начале своей алтаистической деятельности Б.Я. Владимирцов проявляет несколько настороженное отношение к проблеме родства алтайских языков и некоторым положениям Г.Й. Рамстедта, считая их «чрезвычайно остроумными», но нуждающимися в дальнейших исследованиях. Относительно монгольских лексических заимствований в тюркских языках Б.Я. Владимирцов отмечает, что они относительно немногочисленны и спорадичны. В рамках темы нашей работы особо показательны следующие высказывания ученого:

«Роль турецких (=тюркских. – Ж.Т.) элементов в монгольском языковом мире, насколько они выясняются для нас, велика: турецкие (=тюркские. – Ж.Т.) элементы живут в монгольском языке на правах родственных и давно уже не ощущаются как элементы чуждые. Но, разумеется волна турецких заимствований должна была произвести большой переворот в монгольском, как в большинстве языков, принимающих значительные иноязычные элементы» (Владимирцов, 1911, 180).

«Пока остается открытым вопрос о монгольском праязыке и об отношении его к пратурецкому (=пратюркскому. – Ж.Т.). Но, я думаю, – пишет далее Б.Я. Владимирцов, – уже теперь возможно поставить вопрос, не является ли монгольский язык – языком смешанным, вроде языка например якутского, в котором тоже значительную роль играют турецкие (=тюркские. – Ж.Т.) элементы. Действительно, монгольский язык представляет много примеров своего смешанного происхождения. В то время как турецкие (=тюркские. – Ж.Т.) наречия являются образцом языкового консерватизма в

области фонетической, морфологической и семасиологической, в монгольском языковом мире за гораздо меньший срок происходят значительнейшие видоизменения. происходят изменения фонетические – изменение вокализма, появление новых звуков, уничтожение определенных звуковых комплексов, изменения морфологические – уничтожаются старые и образуются новые ряды, и, наконец, изменения семасиологические, тоже наблюдаемые в тех или других живых диалектах. Очень может быть, что причиной этого является смешение, заимствование из турецкого (=тюркского. – Ж.Т.). Турецкие (=тюркские. – Ж.Т.) элементы морфологического состава которых монголами, их принявшими, не сознавался, легче подвергались изменениям и воздействиям всевозможных факторов и в свою очередь действовали на другие элементы (=уровни. – Ж.Т.) языка» (Владимирцов, 1911, 181).

Особое внимание Б.Я. Владимирцов уделял фонетической стороне алтайской проблемы. Так, например, соответствию монгольского *i* тюркскому *a* первого слога была посвящена специальная статья, написанная в соавторстве с Н.Н. Поппе (Владимирцов, Поппе, 1924, 33-35).

Прозорливый тюрколог и монголист еще в начале прошлого века во многом разобрался во всех перипетиях чрезвычайно сложного и многопланового вопроса об истинных взаимоотношениях между тюркскими и монгольскими языками. Б.Я. Владимирцов прекрасно осознавал всю масштабность и многоплановость многовековых тюркских влияний на монгольские языки. К сожалению, тогда еще никто не задумывался над возможностью заимствования монголами прототюркских форм с ротацизмом и ламбдацизмом из языка огузобулгарского типа. Проблема монголо-чувашизма была подхвачена Г.Й. Рамstedтом и положена в основу постулированной им алтайской теории. Теория родства алтайских языков оказалась более привлекательной и вскоре нашла многочисленных сторонников, к числу которых

позднее примкнул и Б.Я. Владимирцов. Тем не менее, следует особо оговорить, что Б.Я. Владимирцов, пожалуй, первым в алтаистике положил начало обсуждению возможностей выделения тюркских заимствований в монгольских языках и, наоборот, монголизмов в тюркских. Касаясь проблемы монгольских заимствований в тюркских языках, он пишет:

«Совершенно иная картина представляется, если обратиться к заимствованиям из монгольского в турецком языке (=тюркских языках. — Ж.Т.). Заимствования эти менее значительны и спорадичны.

В старых уйгурских памятниках не открывается никаких следов монгольских влияний. В орхонских памятниках указывается на *m* в слове *mapkam* (ср. *tarqan*. — Ж.Т.), как на монгольское заимствование; на сомнительность такого толкования указал уже проф. П.М. Мелиоранский (Памятник в честь Кюль-тегина, с. 80). В уйгурских документах эпохи монголов (—XIII-XIV вв. — Ж.Т.), а также в письменных памятниках других турок (=тюрков. — Ж.Т.) встречаются изредка монгольские слова, преимущественно административные термины... В письменном джагатайском и османском языке открывается довольно много монгольских слов — преимущественно монгольских военных терминов: при чем иногда к туркам (=тюркам. — Ж.Т.) возвращаются, как это случается и в других языках, их собственные слова, позаимствованные монголами в более раннюю эпоху...» (Владимирцов, 1911, 183).

Итак, изучив тюрко-монгольские языковые взаимоотношения, Б.Я. Владимирцов пришел к заключению о том, что тюркские языки до эпохи возвышения Чингисхана в течение длительного времени оказывали мощное воздействие на монгольский язык, и только начиная с эпохи Чингисхана монгольский язык начал свое воздействие на тюркские языки, которое в отдельных контактных регионах продолжалось и в последующие времена: «в современных живых диалектах тех турок (тюркских народов. — Ж.Т.), которые живут или жили по соседству с монголами, напр., у киргизов (=казахов. — Ж.Т.),

теленгитов, алтайцев, урянхайцев (=тувинцев. – Ж.Т.) и др., встречаются отдельные заимствованные монгольские слова. вероятно более нового времени» (Владимирцов, 1911, 184). Надо заметить, что Б.Я. Владимирцов одним из первых алтаистов в своих сравнительно-исторических исследованиях широко пользовался лексическим материалом казахского языка и отметил наличие в нем значительного пласта монгольских заимствований. При этом он верно подметил, что монгольские лексические элементы в казахском языке начинают складываться в золотоордынскую эпоху и пополняются в более поздние времена.

К монгольско-тюркским языковым взаимоотношениям Б.Я. Владимирцов не раз возвращается в своих более поздних работах. Многочисленные прозорливые высказывания по алтаистическим проблемам можно найти на страницах многих его монголоведческих работ (Владимирцов, 1919, 1923, 1924, 1925 б, в, г; 1927, 1929 б, в, г; 1930, 1934, 1935). Если в 1911 году Б.Я. Владимирцов говорил об алтайской семье языков в несколько сдержанных тонах, то в 1929 году он высказывается об этом более определенно и решительно. Теперь он пишет, что монгольские языки принадлежат к алтайской семье языков и, как показывают ряды соответствий, находятся в ближайшем родстве с тюркскими языками, вместе с которыми они представляют разные формы эволюции одного общего языка – обще-монголо-тюркского, в свою очередь восходящего к алтайскому языку, по его мнению. восходит общетунгусский, давший начало формированию современных тунгусо-маньчжурских языков.

Свою схему развития алтайских языков Б.Я. Владимирцов не считал окончательной. «Если будет установлено, – писал он по этому поводу, – что есть еще язык и языки, происходящие от алтайского, т.е. являющиеся новой формой его развития, то такой язык или языки должны будут занять место в алтайской семье; если же когда-нибудь удастся установить систему соответствий между алтайской или другой какой-нибудь группой языков, то возникает новая сравнительная

грамматика, как бы надстроенная над сравнительной грамматикой алтайской группы» (Владимирцов, 1929, 45).

По мнению Б.Я. Владимирцова, «на родственную связь между монгольским, тюркским и тунгусским указывают системы сходных соответствий как в области фонетики, так и в области морфологии, синтаксиса и лексики, но особенно показательны в этом отношении детали, частности морфологии этих языков» (Владимирцов, 1929, 46).

В своей «Сравнительной грамматике монгольского письменного языка и халхасского наречия» (Владимирцов, 1929) Б.Я. Владимирцов показал образец использования материалов из различных письменных памятников прошлого и сравнительных данных других живых алтайских языков, прежде всего тюркских, при реконструкции тех или иных праформ. В результате вполне обоснованных тюркско-монгольских и монгольско-тунгусо-маньчжурских лексических сближений Б.Я. Владимирцов к концу 20-х годов прошлого века пришел к убеждению о генетическом родстве алтайских языков.

Исторический подход в научном методе Б.Я. Владимирцова занимал доминирующее положение. Главная его заслуга в монгольском и алтайском языкознании состоит в исследовании путей развития монгольских языков, проблем их сравнительно-исторического и исторического изучения. В фундаментальном труде «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия» (Владимирцов, 1929) были даны классификация монгольских наречий и говоров, периодизация истории развития старописьменного языка, обзор его главных памятников, высказаны предположения о происхождении монгольских наречий и говоров и определено место монгольского языка в алтайской семье языков.

Звуки и фонетические явления старописьменного монгольского языка сопоставляются в ней не только с данными халхасского наречия, но и с показаниями различных письменных памятников средневековой эпохи, а также и с

фактами тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Поскольку старописьменный язык является важным источником для воссоздания древней стадии развития монгольских языков, изучению орфографических особенностей этого языка уделялось особенно большое внимание. По отношению к современным монгольским языкам и диалектам формы, зафиксированные в старописьменном монгольском языке, более архаичны и наиболее последовательно отражают звучание соответствующих слов в древних тюркских языках. Именно поэтому Б.Я. Владимирцову удалось выяснить огромное число до сих пор не выявленных тюркско-монгольских лексических сходжений, большая часть которых имеет прямое продолжение в современном казахском языке. Б.Я. Владимирцову удалось установить целый ряд достаточно сложных и на первый взгляд незаметных или скрытых фонетических соответствий между письменным монгольским языком и современными монгольскими наречиями (прежде всего с халхаским), а также между монгольскими и тюркскими языками. Благодаря установленным Б.Я. Владимирцовым строгим закономерностям тюркско-монгольских фонетических соответствий, мы теперь можем безошибочно выявить достоверные лексические сходжения между этими языковыми группами и сепарировать их от случайных совпадений. Более того, сформулированные Б.Я. Владимирцовым закономерности тюркско-монгольских фонетических корреляций позволяют подчас безошибочно дифференцировать различные диахронические пласты тюркских лексических заимствований от разновременных монголизмов в тюркских языках, в том числе и в казахском.

К сожалению, Б.Я. Владимирцов не успел завершить свой капитальный труд по сравнительно-исторической грамматике монгольских языков. По исторической морфологии он оставил лишь несколько небольших статей, в частности «Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке» (Владимирцов, 1921); «Следы грамматического рода в

монгольском языке» (Владимирцов, 1925в, 31-34) и некоторые другие.

В дальнейшем учениками и последователями Б.Я. Владимирцова были сделаны многочисленные наблюдения и предложены новые оригинальные этимологии в области лексики и морфологии монгольских языков, которые увидели свет в виде отдельных статей, общих грамматических трудов, а также в работах, посвященных языку письменных памятников (Поппе, 1927; Бертагаев, 1974а, б, в; Козин, 1939, 1946; Орловская, 1958, 1984; Санжеев, 1953, 1963, 1956, 1960, 1962; Цыдендамбаев, 1972, 1979 и т.д.).

В двадцатых годах прошлого века появляются первые работы Н.Н. Поппе, посвященные изучению консонантизма алтайских языков (Поппе, 1924; 1925), исследование по истории урало-алтайской гипотезы (Поппе, 1926б), взаимоотношению чувашского языка с другими урало-алтайскими языками (Поппе, 1924-1925; 1925в; 1927в), ряд работ по монголистике и т.д., которые стали бесценным вкладом в строительство классической алтаистики.

Одним из первых советских лингвистов, признававшим генетическое родство не только алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков между собой, но и корейского языка с алтайскими, был Е.Д. Поливанов. Изложивший свою точку зрения на эту проблему еще в 1927 году (Поливанов, 1927, 1195-1204; см. также: Поливанов, 1928; 1968).

Кульминационной точкой развития сравнительно-исторической алтаистики явилась публикация двух сравнительных грамматик: Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1952; 1957; Рамстедт, 1957) и Н.Н. Поппе (Poppe, 1960). Обобщая собственные многолетние изыскания, а также излагая в довольно полной и систематической форме многочисленные факты, добытые усилиями других специалистов, в своих сравнительных грамматиках Г.Й. Рамстедт (Ramstedt, 1952; 1957; Рамстедт, 1957) и Н.Н. Поппе (Poppe, 1960; 1965)

подвели итог тому, что было сделано за все время существования сравнительно-исторической алтаистики.

Самой существенной новой особенностью алтайской теории Рамстедта – Поппе (что принято также называть «алтайской гипотезой») является то, что в основу реконструкции праалтайского языка были положены чувашско-монгольские языковые соответствия. Таким образом чувашский язык стал как бы главным связующим звеном между стандартными языками. Главным аргументом при этом были определенные фонетические закономерности, общие для чувашского и монгольского языков, в частности – так называемый алтайский ротацизм и ламбдацизм.

Поскольку проблема ротицизма и ламбдацизма является краеугольным камнем ортодоксальной алтайской теории, есть резон остановиться на ней подробнее.

Чрезвычайно важной для разработки исторической фонетики тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и установления на этой основе истинных (родственных или неродственных) взаимоотношений между ними является работа венгерского исследователя З. Гомбоца «К исторической фонетике алтайских языков», опубликованная на венгерском (Gombocz, 1905a, 241-242) и немецком (Gombocz, 1912-1913, 1-37) языках. В этой работе, отчасти опираясь на установленные Г.Й. Рамстедтом алтайские сближения, отчасти на результаты своих изысканий, З. Гомбоц установил целый ряд тюркско-монгольских лексических параллелей, главным образом в качестве примеров соответствий $r \sim z$ и $l \sim \check{s}$ в монгольских и тюркских языках.

Первая часть работы, таким образом, посвящена так называемому закону алтайского ротацизма и ламбдацизма. Проанализировав 30 примеров с ротацизмом и 21 пример с ламбдацизмом в алтайских языках, З. Гомбоц приходит к такому заключению: первоначальному алтайскому z в турецком и чагатайском соответствует z , уйгурском и алтайском – s , z , в карагасском и якутском – s , в чувашском – r , в монгольском и тунгусо-маньчжурском – r ,

первоначальный алтайский ζ в турецком, чагатайском, казанско-татарском, уйгурском и алтайском отражается как ζ , в киргизском (=казахском. – Ж.Т.) – как s , z , в якутском как z , в чувашском, монгольском и тунгусо-маньчжурском – как l .

Вторая часть работы посвящена изучению корреляций звука $*d$ в отдельных группах алтайских языков в анлаутной и инлаутной позициях. По наблюдениям З. Гомбоца, анлаутный алтайский $*d$ - в большинстве тюркских языков отражается в виде j -, в чувашском – в виде ζ -, в якутском – в виде s -, а в монгольском и тунгусо-маньчжурских языках сохраняется в виде d -. В инлаутной позиции алтайский $*d$ - соответствует древнетюркскому $-d$ -, койбальскому $-t$ -, шорскому $-z$ -, чувашскому $-r$ -, которому в большинстве тюркских языков соответствует $-y$ -, а в монгольских языках $-d$ - сохраняется; ср.: уйг. *adaq* 'нога', шор., койб. *azaq*, остальные тюрк. языки *ayaq*, як. *atax*, чув. *ura* «нога» (Gombocz, 1905, 241-282; 1912-1913, 1-37).

Эти работы З. Гомбоца являются первыми глубокими исследованиями проблемы ротацизма и ламбдацизма в тюркских языках, выполненными на алтаистическом уровне. Всесторонне изучив доступный ему тогда эмпирический материал тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в совокупности с показаниями древних булгаро-чувашских заимствований в венгерском языке, З. Гомбоц пришел к заключению о первичности z и ζ в тюркских и, шире, алтайских языках. На основе анализа 30 слов с ротацизмом и 21 слова с ламбдацизмом, он установил, что первоначальному $*z$, сохранившемуся в большинстве тюркских языков, в чувашском, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских языках соответствует вторичный r -, точно также сохранившемуся в большинстве тюркских языков первоначальному ζ в чувашском, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках соответствует вторичный l . З. Гомбоц совершенно справедливо полагал, что путем тщательного изучения случаев проявления ротацизма и ламбдацизма в алтайских языках можно будет установить истинные

взаимоотношения между этими языками. При этом З. Гомбоц был склонен считать, что слова с ротацизмом и ламбдацизмом проникали в монгольские и тунгусо-маньчжурские языки из некоего древнего тюркского диалекта болгарского типа, как, например, это было установлено для ранних тюркских заимствований венгерского языка (Gombocz, 1905, 241-284; 1912-1913, 1-37; 1912).

Впоследствии эта стройная и глубоко аргументированная теория З. Гомбоца была пересмотрена Г.Й. Рамstedтом и ей была противопоставлена альтернативная теория зетацизма и сигматизма, постулирующая первичность *r* и *l* в алтайских языках перед соответствующими общетюркскими (за исключением чувашского) *z* и *š*. Благодаря непрерывным усилиям его последователей, выдвинутая Г.Й. Рамstedтом теория тюркского зетацизма и сигматизма вскоре получила очень широкое распространение в кругах алтаистов, хотя всегда находились и оппоненты в лице авторитетных представителей компаративистики. Тем не менее, позднее и сам З. Гомбоц склонился к теории Г.Й. Рамstedта.

При исследовании тюркско-монгольских лексических параллелей нельзя пройти также мимо основательной монографии З. Гомбоца «Булгаро-тюркские заимствования в венгерском языке» (Gombocz, 1912), имеющей исключительное значение как для уралистики, так и для алтаистики. На основании тщательного историко-этимологического изучения репрезентативного эмпирического материала, З. Гомбоц пришел к заключению, что тюркские элементы венгерского языка являются заимствованиями трех разных периодов: в первую хронологическую группу объединяются древние тюркские заимствования, во вторую – кумано-печенежские, а в третью – османо-турецкие (во многих случаях через южнославянское посредство).

Обращаясь непосредственно к проблеме определения конкретного источника древних тюркских заимствований венгерского языка, З. Гомбоц отвергает ничем не подтвержденное предположение Б. Мункачи о проникновении

этого пласта лексики в венгерский язык из «монголо-гуннского» языка через древнечувашское посредство. После скрупулезного анализа приведенных Б. Мункачи примеров, З. Гомбоц приходит к заключению, что непосредственным источником древних болгарских заимствований венгерского языка следует признать только язык древних болгар. Для нашей темы особенно важно заключение З. Гомбоца о том, что причина чрезвычайной близости древнеболгарских и монгольских соответствий попавших в венгерский язык древних тюркских слов объясняется древнейшими болгаро-тюркско-монгольскими языковыми взаимосвязями (Gombocz, 1912, 29-34).

Идеи З. Гомбоца во многом предопределили самобытное развитие алтаистики в Венгрии. Выявление в венгерском языке нескольких диахронических пластов тюркских лексических заимствований постоянно обращало взоры венгерских языковедов на сторону алтайской теории, но при этом богатый опыт, полученный при сравнительно-историческом изучении древнеболгарских и более поздних тюркских заимствований, подсказывал им, что материальные схождения тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, скорее всего, имеют не генетический, а приобретенный характер. Во всяком случае, в венгерском языкознании идеи конвергентного происхождения общих материальных единиц так называемых алтайских языков всегда возобладали над идеей дивергентного происхождения основных языковых групп, объединяемых в алтайскую семью. Показательным в этом отношении является эволюция взглядов Ю. Немета, который еще в 1912 году высказал свое скептическое отношение к теории тюркско-монгольского языкового родства (Németh, 1912, 549 и след.). Однако благодаря непрерывным усилиям последователей Г.И. Рамstedта в начале XX века алтайская теория получила очень широкое распространение и Ю. Немет встал на ее сторону, но при этом все же пытался примирить теорию генетического родства тюркских и монгольских языков с

теорией заимствований. Так, в истории взаимоотношений монгольских, чувашского и тюркских языков он намечает четыре периода: 1) период первобытного родства; 2) период чувашско-монгольских взаимных влияний; 3) период татарско-монгольских (чит. тюркско-монгольских. – Ж.Т.) взаимных влияний; 4) период якутских заимствований из монгольского языка. При этом кардинальные для алтайского языка звуковые соответствия: общетюрк. z и ζ ~ чув. r и l – монг. l и r , то есть проявление ротацизма и ламбацизма в чувашском и монгольском языках, Ю. Немет рассматривает как результат взаимовлияния этих языков в течение второго периода (Németh, 1916-1917).

Вопреки взглядам своих предшественников (см., например, Gombocz, 1905, 1912-1913), Г.Й. Рамстедт полагал, что чувашский и монгольские языки сохранили с праязыкового состояния т.н. «ротацизм» и «ламбацизм», т.е. звуки r и l в определенных позициях, а все остальные тюркские языки преобразовали их соответственно в z и ζ (т.е. тюркский «зетацизм» и «сигматизм»). По мнению Н. Поппе, исторический предок чувашского языка в очень раннюю эпоху отпочковался от общего предка тюркских языков и, благодаря этому, сохранил некоторые свои архаические черты, а в их числе, прежде всего, «ротацизм» и «ламбацизм», в неизменном виде, а в общем предке остальных тюркских языков на каком-то древнем этапе их развития (по всей видимости, еще до распада пратюркской общности) развивались процессы зетацизма (т.е. историческое развитие $r > z$) и сигматизма (т.е. историческое развитие $l > \zeta$) в определенных позициях. Итак, выясняется, что ортодоксальная алтаистика в основном зиждется на так называемом «алтайском» ротацизме и ламбацизме, т.е. на следующих двух рядах межъязыковых звукосоответствий: 1) тюрк. z ~ чув. r ~ монг. r ~ тунг.-маньчж. r и 2) тюрк. ζ ~ чув. l ~ монг. l ($l\bar{c}$) ~ тунг.-маньчж. l ($l\bar{c}$).

В общем развитии алтаистики так сложилось, что тюркологи в данной области науки заняли выжидательную

позицию и почти совсем не занимались сравнительно-историческими изысканиями. Исследователи тунгусо-маньчжурских языков вплоть до второй половины прошлого века также практически не занимались проблемами компаративной алтаистики. Таким образом, вся тяжесть труда по исследованию языковых взаимоотношений в рамках трех классификационных групп алтайских языков пала на плечи монголоведов, которые с самого начала своей научной деятельности приняли положение, что все три алтайские языковые группы – тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская – связаны между собой тесными узами родства, что существующие в них общие элементы являются результатом именно этих связей и только в незначительной степени обязаны своим происхождением соседству и взаимовлияниям, которые относятся к более позднему периоду, что, наконец, больше всего архаических черт сохранил монгольский язык (Котвич, 1962, 348-349). Поскольку такие крупнейшие монголоеды, как Б.Я. Владимирцов, Г.Й. Рамstedт, Н.Н. Поппе, являлись в то же время алтаистами, в монголоведении уделялось большое внимание раскрытию взаимоотношений монгольских языков с тюркскими, а также тунгусо-маньчжурскими и другими алтайскими языками.

Становление традиционной алтаистики как вполне оформившейся научной дисциплины по праву связывается с именем выдающегося финского ученого-востоковеда Г.Й. Рамstedта (1873-1950). Научную деятельность он начинал как монголист, но постепенно его интересы охватывают вопросы сравнительно-исторического изучения алтайских языков в целом. Историческое изучение монгольских языков практически начинается с выхода в свет работ Г.Й. Рамstedта об отношении ургинского говора к письменному монгольскому языку (Ramstedt, 1902; Рамstedт, 1908) и о языке моголов Афганистана (Ramstedt, 1905). Его докторская диссертация «О спряжении в халха-монгольском языке» (1903) стала первой ласточкой в области сравнительной

морфологии монгольского и тюркских языков с привлечением тунгусского материала. С 1906 года Г.Й. Рамstedт в Хельсинкском университете читает курсы морфологии тюрко-монгольских языков и др.

Алтаистические работы Г.Й. Рамstedта начались в первых годах прошлого века капитальными трудами, посвященными халха-монгольскому (Ramstedt, 1903b), монгольскому (Ramstedt, 1905a) и калмыцкому (Ramstedt, 1919) языкам. Однако большинство последующих исследований Г.Й. Рамstedта по своему материалу далеко выходят за пределы монгольского языкознания и носят ярко выраженный алтаистический характер. Отрицая генетические связи алтайских языков с уральскими, Г.Й. Рамstedт вместе с тем расширяет рамки алтайской общности за счет восточных языков, в первую очередь корейского и древнеяпонского. Хотя современный японский язык подвержен значительным историческим воздействиям различного рода субстратных и адстратных языков, ряд ученых до сих пор склоняется к тому, чтобы считать основу древнеяпонского языка алтайской (Старостин, 1991; EDAL, 2003; Сыромятников, 1970; 1971; 1975; Miller, 1971; Street, 1978; 1981 и др.). Существует и другая теория о происхождении японского языка, согласно которой он представляется как смешанный алтайско-малайско-полинезийский язык (Murayama, 1968; 1976; Matsumoto, 1928).

Сравнительно-исторические исследования Г.Й. Рамstedта в объеме всех алтайских языков начались не сразу. В первых своих исследованиях он опирается главным образом на эмпирический материал монгольских и тюркских языков, а материал тунгусо-маньчжурских языков использует в меньшей степени. Из посвященных тюркско-монгольским языковым взаимоотношениям ранних работ Г.Й. Рамstedта наиболее интересными с алтаистической точки зрения являются исследования, посвященные числительным (Ramstedt, 1905), глагольным словообразовательным аффиксам (Ramstedt, 1912) и исследования фонетико-

грамматического характера (Ramstedt, 1914, 1915). В связи с формированием алтаистической теории интересы Г.И. Рамстедта постепенно переключались сначала на древние и современные тюркские (Рамстедт, 1914; Ramstedt, 1913; 1922; 1946), а затем на корейский (Ramstedt, 1942) языки, которые изучались им в сравнении с другими алтайскими языками.

Только в последние годы своей научной деятельности Г.И. Рамстедт приступил к синтетическим работам по компаративно-контрастивному изучению схожих материальных единиц всех языковых групп, составляющих алтайскую общность. Начав эту работу с изучения частных вопросов фонетики и грамматики (Ramstedt, 1912; 1916; 1919; 1924; 1932; 1933а; 1947), он пришел к своим фундаментальным исследованиям, представляющим собой синтез всех его ранних работ и изысканий других алтаистов.

К основополагающим обобщающим трудам Г.И. Рамстедта в области сравнительно-исторической лексикологии алтайских языков относятся его классические работы «Калмыцкий словарь» (Ramstedt, 1935с; 1976) и «Исследования по корейской этимологии» (Ramstedt, 1949; 1953), а в области сравнительной грамматики – «Введение в алтайское языкознание» (Ramstedt, 1952; 1957; Рамстедт, 1957). «Калмыцкий словарь» Г.И. Рамстедта, выдержавший два издания (1935, 1976), по материалу, привлеченному автором из различных алтайских языков, по существу представляет собой сравнительно-исторический словарь алтайских языков.

Обширное двухтомное исследование Г.И. Рамстедта, скромно названное «Введением к алтайское языкознание», охватывает основные вопросы фонетики и морфологии всех основных групп алтайских языков и представляет собой первый опыт законченной сравнительно-исторической фонетики и грамматики алтайских языков. В этой обобщающей работе автор предпринял попытку установления основных процессов фонетического и морфологического

развития тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также корейского и, отчасти, японского языков, и представил опыт реконструкции фонетической и морфологической структуры общего для них алтайского праязыка.

Успех первых работ Г.Й. Рамстедта в области сравнительного изучения тюркских и монгольских языков обусловлен тем обстоятельством, что к его изысканиям была подготовлена необходимая почва. К этому времени относятся наиболее крупные достижения в тюркологии: блестящая расшифровка орхоно-енисейских памятников В. Томсеном (Thomsen, 1894; 1896; Томсен, 1894) и В.В. Радловым дала исследователям богатейший материал по древним тюркским языкам: открытия уйгурской письменности – все это способствовало бурному развитию исторической тюркологии. К этому времени существовала сравнительная фонетика тюркских языков В.В. Радлова (Radloff, 1882), появилась историческая фонетика тюркских языков (Grönbech, 1902).

С самого начала своих алтаистических изысканий Г.Й. Рамстедту удалось установить ряд чрезвычайно важных фонетических законов тюркских и монгольских языков. Так например, оказалось, что монгольский язык в отношении соответствий тюркским звукам *z* и *ḡ* занимает совершенно такое же положение, как чувашский, в котором, как было установлено еще В. Шоттом и другими исследователями, этим звукам соответствуют *r* и *l* (Ramstedt, 1903, 97). Как и его предшественники, которым этот закон был известен большей частью по чувашскому языку, Г.Й. Рамстедт первоначально придерживался мнения, что монгольско-чувашские *r* и *l* являются развитием более древних *z* и *ḡ*, сохранившихся в тюркских языках (Ramstedt, 1907, 18; Рамстедт, 1908, 553). Однако впоследствии, усомнившись в правомерности такого объяснения, он предложил противоположную версию. согласно которой тюркские *z* и *ḡ* являются развитием более древних *r* и *l*, сохранившихся в монгольском и чувашском языках (Ramstedt, 1922-1923, 29). Работа «К вопросу о месте чувашского языка», таким образом, стала принципиально

важной вехой в становлении алтайской теории, да и взглядов самого Г.И. Рамштедта на взаимоотношения между алтайскими языками. С этой работы Г.И. Рамштедт приступил вплотную к решению вопроса об отношении, с одной стороны, монгольских языков к тюркским, а с другой стороны, чувашского к обоим. В первых своих компаративных студиях Г.И. Рамштедт определенного мнения о характере взаимных отношений монгольского и тюркского языков не высказывает и допускает, что значительная близость монгольских языков к тюркским может быть результатом массовых заимствований (Ramstedt, 1903, VII; 1907, 1). Впоследствии, когда был установлен ряд сложных фонетических законов тюркско-монгольских соответствий и были выявлены общие элементы морфологии этих языков, Г.И. Рамштедт уже определенно высказывается в пользу гипотезы о родстве тюркских и монгольских языков. В его последующих работах, вплоть до самых последних, говорится уже об алтайском языке (Ramstedt, 1916-1920; 1922-1923, 34). Кстати, практически во всех алтаистических работах Г.И. Рамштедта широко используется лексический материал казахского языка. Г.И. Рамштедт в течение всей своей научной деятельности пополнял свои материалы по тюркско-монгольским соответствиям и расширял круг исследуемых языков главным образом привлечением фактов тунгусо-маньчжурских и корейского языков. Долголетний итоговый труд его увидел свет уже после смерти автора (Ramstedt, 1928; 1935; 1939; 1942; 1949; 1951; 1952; 1953; 1954; 1957).

Исследованиям Г.И. Рамштедта придается большое значение в традиционной алтаистике. Так, например, финский языковед Б. Коллиндер после появления в свет сравнительной грамматики алтайских языков Г.И. Рамштедта писал: «Есть или были недавно алтаисты, которые не считали, что алтайские языки имеют общее происхождение. После появления Алтайской морфологии Г.И. Рамштедта это отрицательное отношение может быть названо скорее скептическим, чем критическим» (Kollinder, 1955, 2).

Для самого Г.Й. Рамстедта, всю свою жизнь посвятившего обоснованию и развитию алтайской теории, вопрос о природе материальной и типологической общности тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков представлялся настолько ясным, что он отказался от всякой полемики с теми, кто отрицал родство языков алтайской семьи и необходимость дальнейшего развития компаративной алтаистики.

Г.Й. Рамстедт разработал конкретные проблемы алтаистики: создал сравнительную грамматику алтайских языков (Ramstedt, 1952, 1957; Рамстедт, 1957), дополнил алтайскую семью корейским языком (Ramstedt, 1928, 1939, 1949-1953, 1954). Концепция о родстве корейского языка с алтайскими была высказана в свое время Е.Д. Поливановым (Поливанов, 1927), но до сих пор не получила должного признания даже в кругах традиционных алтаистов и поэтому продолжает оставаться рабочей гипотезой. Дело в том, что многие лексические сопоставления, приводимые Г.Й. Рамстедтом в его «Исследованиях по корейской этимологии» (Ramstedt, 1949-1953) в подтверждение тезиса о генетическом родстве корейского языка с алтайскими, при ближайшем знакомстве оказались несостоятельными. Только в самое последнее время, благодаря усилиям С.А. Старостина и его коллег, корейский языковой материал наряду с японским занял достойное место в алтаистических исследованиях (Старостин, 1991; Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, т. 1-3).

Исследования Г.Й. Рамстедта в области тюркско-монгольских языковых взаимоотношений были направлены в основном на реконструкцию общего для тюркских и монгольских языков праязыка. Наиболее значительный след в алтаистике оставили исследования Г.Й. Рамстедта об алтайском глухом лабиальном *-p (Ramstedt, 1916-1920), выводы которой впоследствии получили название «закона Рамстедта-Пельйо (Pelliot, 1925, 193-263), многочисленные статьи, посвященные сравнительно-историческому изучению

монгольских, чувашского и других тюркских языков (см. библиографию).

Так, например, фрагменты реконструкции праалтайской именной парадигмы разбросаны по страницам многих изданий, и до сих пор нет собрания их в одну обобщающую работу. Из исследований такого рода можно назвать статьи В. Банга (Bang, 1895), А. Салонена (по материалам лекций Г.Й. Рамстедта) (Salonen, 1937) и в особенности Н.Н. Поппе (Poppe, 1952, 1954). Исследованию морфологической структуры предполагаемого алтайского праязыка посвящены многие специальные статьи классических представителей традиционной алтаистики – Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1912, 1913, 1914-1916, 1935, 1945, 1946, 1950, 1951 и др.), Н. Поппе (Poppe, 1923-1927, 1952, 1964, 1972, 1973, 1977 и др.), В. Банга (Bang, 1895, 1898, 1916-1917, 1918 и др.), М. Рясänen (Räsänen, 1957) и их многочисленных последователей. В области реконструкции глагольной морфологии проделана, можно сказать, лишь предварительная работа. Заслуживают в этом плане внимания исследования Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1903), отчасти В.Л. Котвича (Kotwicz, 1953), Н.Н. Поппе (Poppe, 1955), М. Рясänen (Räsänen, 1957).

Однако надо подчеркнуть, что и обобщающие работы основоположников традиционной алтаистики (Ramstedt, 1952, 1957; Poppe, 1960; Рамстедт, 1957) в сущности, являются лишь более или менее полными сводами инвентаря строевых элементов, общих для двух (тюркских и монгольских) и, реже, трех (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) или более (с присовокуплением материалов корейского и японского) языков, причем восстанавливаемых не всегда достаточно строго и убедительно так называемых праалтайских строевых элементов, и не дают реконструкций фонетической, морфологической, грамматической, синтаксической и лексической систем праязыка как таковых.

Традиционная алтаистика внесла огромный вклад в дело сравнительно-исторического и этимологического изучения лексики тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских

языков. Наиболее значимыми этимологическими разработками в этом плане, несмотря на многочисленные недочеты и ошибочные сближения, являются классические работы Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1935; 1949-1953, 1954). Трудно переоценить работы М. Рясянена, посвященные компаративному (Räsänen, 1949, 1957; Рясянен, 1955) и этимологическому изучению лексики тюркских языков (Räsänen, 1967, 1971). В своих «Материалах» он приводит более 200 общих для тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также финно-угорских языков лексических параллелей, количество которых во много раз возросло в его этимологическом словаре (Räsänen, 1969). В ставших классическими монографиях Н.Н. Поппе (Poppe, 1955, 1958, 1960, 1965, 1994), а также в его многочисленных журнальных статьях находятся компаративно-этимологические разработки сотен общих для алтайских языков слов, получивших более корректное и глубокое объяснение, чем это было представлено в работах его предшественников.

Тем не менее, практически все лексические сближения, установленные представителями традиционного направления алтаистики требуют самого тщательного критического пересмотра и верификации, так как во многих случаях являются недостаточно корректными. Так, например, по приблизительным подсчетам Г. Дёрфера, в известном «Калмыцком словаре» Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1935) число ненадежных или просто ошибочных сближений достигает 90% (Doerfer, 1963, 80).

Одновременно с возникновением и развитием алтайской гипотезы появлялись и сомнения относительно ее истинности и научной достоверности, в научной литературе высказывались и прямо противоположные точки зрения на тюркско-монгольские языковые параллели (В. Банг, Ю. Немет и др.). Тем не менее, в первой половине XX в. алтайская гипотеза постепенно переросла в тезис, а в трудах некоторых исследователей – в догму, принимаемую за непреложную истину. Многие сравнительно-исторические исследования по

отдельным алтайским языкам, появившиеся в тот период такие как сравнительная грамматика тюркских языков М. Рясанена (Räsänen, 1949, 1957; Рясанен, 1955), сравнительная грамматика монгольских языков Б.Я. Владимирцова (Владимирцов, 1929) и Н. Поппе (Poppe, 1951, 1954, 1955), сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков В.И. Цинциус, 1949) и др. – все они были разработаны в духе алтайской теории Рамстедта – Поппе. Только вслед за ними появились обобщающие сравнительные работы самих основоположников ортодоксальной алтаистики – Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1952, 1957) и Н. Поппе (Poppe, 1960, 1965) как бы подводя итог развернувшемуся на базе их теории научным разработкам. Исследователи же, не принявшие алтайскую теорию всерьез, отмахнулись от этой темы и в печати только изредка появлялись замечания вроде того, что, мол, данная теория еще не доказана и имеет только гипотетический характер (Ligeti, 1953, 1960, 1975).

В советском языкознании после воцарения присно памятного «нового учения о языках» академика Н.Я. Марра алтаистические исследования вообще были в загоне и к этой проблеме наши лингвисты стали возвращаться только в конце 50-х годов прошлого века.

Провозглашенное Н.Я. Марром «новое учение о языке» характеризовалось резким разрывом с традицией, яростной критикой индоевропейского (шире – сравнительно-исторического) языкознания как «реакционной буржуазной лингвистики», жонглированием марксистскими терминами. Н.Я. Марр утверждал, что языки не возникают из праязыка, а должны слиться в будущем в единый язык коммунистического человечества. Основные положения школы Н.Я. Марра – единство глоттогонического процесса, соответствие языка общественно-экономической формации и происхождение всех слов в любом языке мира из четырех элементов – *sal, ber, roḥ, ion*.

В 30-х и 40-х годах прошлого века, когда в советской лингвистике господствовало пресловутое «новое учение о языке», провозглашенное Н.Я. Марром, «все лингвистические школы, кроме яфетидологии, подвергались разгрому, крупные представители русской и западной лингвистики были преданы забвению и поруганию, а ... основным средством решения научных споров на долгое время стало умышленное перенесение их в область политики» (Щербак, 1961а, б); так прекрасно начатая Н.Н. Поппе, Б.Я. Владимирцовым, Е.Д. Поливановым и их учениками алтаистика, как самостоятельная языковедческая дисциплина, была предана анафеме и временно прекратила свое существование.

Если в 20-х годах прошлого века под алтайскими языками в широком смысле в советской лингвистической литературе еще подразумевалась «обширная турецко-монгольско-маньчжурская языковая семья, которую прежде связывали с семьей финно-угорский», то уже к середине 30-х годов урало-алтайская теория оценивалась как устарелая, якобы используемая «для пропаганды идей панфинизма, панмонголизма и тому подобных национал-шовинистических построений» (Суник, 1971, 7).

В канун упомянутой лингвистической дискуссии 1950 года советским языковедам предписывалось сохранить термин «алтайские языки» только для наименования тюркских языков народов Алтая, с устрашающей оговоркой, что «в буржуазном языкознании, на основании лишь некоторых типологических черт, неправильно объединяют под названием урало-алтайских языков финно-угорские, самоедские, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, причем под алтайскими языками объединяются последние три группы» (Суник, 1971, 7).

С начала 30-х годов прошлого века до известной дискуссии в советском языкознании 1950 года научная разработка проблем алтаистики в позитивном плане в бывшем СССР была практически невозможна. Как и другие отрасли сравнительно-исторического языкознания, алтаистика

решительно отвергалась не только с лингвистических позиций – с позиций «нового учения о языке» Н.Я. Марра, но и осуждалась идеологически как наука реакционная, псевдоисторическая, основанная якобы на идеях расизма, национализма, пантюркизма, панмонголизма, империалистической экспансии и т.п. (Суник, 1971, 7).

После восстановления в правах сравнительно-исторического языкознания в СССР, в бывшем Советском Союзе началась широкая пропаганда основ компаративистики главным образом на материале индоевропейской семьи языков. После лингвистической дискуссии 1950 года языковеды постепенно начали вспоминать и об алтайской проблеме. Первым организационным шагом в этом направлении явилось создание в Институте языкознания Академии наук СССР сектора алтайских языков (1957 г.). Одним из инициаторов этого дела и первым руководителем сектора алтайских языков был известный тюрколог С.Е. Малов.

В секторе алтаистики проводились исследования некоторых тюркских и тунгусо-маньчжурских языков; разрабатывались частные вопросы сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного изучения тунгусо-маньчжурских языков, иногда в связи с другими алтайскими языками; ставились вопросы структурно-типологического изучения проблем агглютинации и флексии, морфологической структуры слова, частей речи и некоторые другие. Но каких-либо серьезных попыток сравнительно-исторического изучения алтайских языков, взятых в целом, до конца 60-х годов в силу ряда обстоятельств не предпринималось.

В середине 50-х годов в бывшем Советском Союзе начинается публикация на русском языке наиболее значимых для развития алтаистики трудов зарубежных ученых – М. Рясненена (Ряснен, 1955), Г.Й. Рамстедта (Рамстедт, 1957), В. Котвича (Котвич, 1962) с предисловиями и комментариями Н.А. Баскакова и Г.Д. Санжеева, в которых содержатся

довольно подробные сведения относительно происхождения и развития алтайской теории.

Проблемы алтаистики до конца 60-х – начала 70-х годов прошлого века не привлекала какого-либо серьезного внимания ученых не только в центральных, но и в других региональных научно-исследовательских учреждениях или высших учебных заведениях даже тюркоязычных республик. Необходимость алтаистических исследований нередко ставилась под сомнение, а некоторыми специалистами по отдельным алтайским языкам отвергалась вообще, поскольку было известно, что постулируемое алтаистами родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков признавалось еще не доказанным, а установленная традиционными алтаистами-компаративистами материальная общность между этими языками объяснялась взаимовлиянием или вообще игнорировалась. Единственным исключением были, можно сказать, героические усилия профессора Башкирского государственного университета Дж.Г. Киекбаева, разработавшего программу и читавшего специальный курс лекций по урало-алтайскому языкознанию для студентов филологического факультета (Киекбаев, 1967; 1970; 1972; 1996).

Уже в 30–50-е гг. XX века в бывшем Советском Союзе была создана реальная база для дальнейшего развития сравнительно-исторической алтаистики на новом уровне: были изданы двуязычные, толковые, диалектологические и т.д. словари почти всех тюркских и монгольских языков, изучены многие тюркоязычные и монголоязычные памятники, опубликованы глоссарии к ним и специальные филологические исследования. Благодаря подготовленной фактологической базе примерно в середине прошлого века начинается новый этап сравнительно-исторического изучения алтайских языков в целом, так и их отдельных классификационных групп.

В XX веке по существу впервые были изучены многочисленные диалекты и говоры монгольских языков, а

также описаны неизвестные ранее науке монгольские языки, составлены глоссарии письменного монгольского языка (Mostaert, 1960; Haenisch, 1939; 1952; Levicki, 1949; Ramstedt, 1935; Ligeti, 1962; Martin, 1961; Поппе, 1938 и др.). Огромная заслуга в этом отношении принадлежит Б.Х. Тодаевой, которая монографически описала несколько монгольских языков и диалектов Китая и ввела в научный оборот огромный новый материал (Тодаева, 1951; 1960; 1961; 1964; 1973; 1981; 1985; 2001).

К 60-м годам XX века значительные фактологические и методологические вклады в алтаистику внесли и ученые зарубежных стран. Кроме основополагающих работ В. Котвича, Г.И. Рамстедта, Н.Н. Поппе по сравнительно-историческому изучению алтайских языков, о которых было уже сказано не раз, здесь будет уместно назвать исследования В. Банга и его последователей в области сравнительно-исторического изучения языковых особенностей тюркских и монгольских памятников, появившиеся в основном еще в первой половине XX века, труды венгерских и финских ориенталистов по компаративному изучению тюркских и монгольских языков, а также выявлению тюркизмов (шире – ориентализмов) в ряде финно-угорских языков (пермских (Wichmann, 1903), волжских, угорских, в марийских (Räsänen, 1920, 1923), мордовских (Raasonen, 1897) и др.), изыскания К. Менгеса по выявлению восточных заимствований в восточно-славянских языках (Менгес, 1979; Menges, 1951 б, в; 1958; 1960 и др.). Особое место в дальнейшем изучении тюркско-монгольских лексических взаимосвязей и вклада этих языков в лексический фонд целого ряда иносистемных народов Евразии представляет многотомный труд Г. Дёрфера «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском» (1963-1975) и другие его работы. Лексикологические работы Г. Дёрфера, посвященные в общем-то алтайским языкам (Doerfer, 1963-1975; 1967; 1985; 1996 и др.), обусловили естественный переход к обобщающим историко-этимологическим исследованиям по алтайским языкам.

В самом начале 60-х годов прошлого века предпринимается попытка системного изучения лексики тюркских и монгольских языков в сравнительно-историческом плане, появляются такие значительные работы отечественных специалистов, как «Историческое развитие лексики тюркских языков» (М., 1961), «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (М., 1955-1962), «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» (М., 1962) и «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» Э.В. Севортяна (М., 1966), работы Г.Д. Санжеева по сравнительно-исторической грамматике монгольских языков (М., 1953, 1963). Особо следует отметить труды Ц.-Д. Номинханова, посвященные сравнительному изучению лексики тюркских и монгольских языков (Номинханов, 1958; 1959; 1962; 1966; 1975 и др.).

Анализируя в сравнительно-историческом аспекте ряд лексико-тематических групп, исследователи алтайских языков ставили тогда перед собой задачу выделить устойчивый наиболее древний пласт тюркской и монгольской лексики, наметить ареальные общности, выявить семантические взаимозависимости слов и определенные тенденции исторического изменения семантики слов, использовать свои наблюдения для некоторых предварительных заключений по экстралингвистическим вопросам.

В 1969 году был издан «Древнетюркский словарь», заложенный еще в 1930-х годах С.Е. Маловым и являющийся наиболее полным сводом лексики, извлеченной из тюркоязычных письменных текстов VII-XIII вв. В этом словаре имеются справки о происхождении многих лексических заимствований, поэтому его по праву относят к типу двуязычных словарей-справочников с этимологическими комментариями. Для нашей темы чрезвычайно важное значение имеет тот факт, что практически вся тюркская часть лексики данного словаря является в известной степени исконной и практически не содержит монгольских заимствований. Фиксация тюркского слова в

«Древнетюркском словаре» является одним из важнейших диагностических признаков, указывающих на его исконное происхождение. Таким образом, опираясь на данные «Древнетюркского словаря» с достаточной уверенностью можно сепарировать исконные тюркские слова от более поздних монгольских заимствований, проникших в тюркские языки в период после XIII века.

Примерно тот же хронологический пласт тюркской лексики охватывает и «Этимологический словарь тюркского языка до XIII века» Дж. Клоусона (Clouson, 1972). Этот словарь по методике составления и структуре словарных статей скорее является историческим. Каждая лексема, ее значение и употребление подтверждается здесь иллюстративными материалами, извлеченными из целого ряда памятников, причем цитаты из первоисточников приводятся в строгой хронологической последовательности. Таким образом, «Этимологический словарь...» Дж. Клоусона является чрезвычайно важным справочником при выявлении монголизмов в тюркских языках.

В 1969 году в Финляндии появился «Опыт этимологического словаря тюркских языков» М. Рясянена. Репрезентативный эмпирический материал данного словаря в тюркской части опирается главным образом на лексику, зафиксированную в словаре В.В. Радлова (Радлов, 1899-1914). Прослеживается приверженность автора традиционной (урало-)алтайской теории: в конце словарных статей он часто приводит соответствия не только из других алтайских, но и финно-угорских языков. Вместе с тем М. Рясянен, как правило, указывает и на заимствования (из тюркских языков в монгольские, финно-угорские, славянские; из монгольских в др. языки в тюркские и т.д.).

В заголовке словарной статьи, как правило, выносятся реконструированные пратюркские формы. Фонетическая реконструкция осуществляется автором довольно последовательно, они отражают взгляд М. Рясянена на характер пратюркской фонетической системы (Räsänen, 1949).

Рясянен, 1955). Встречаются дуплетные праформы одной и той же лексемы и другие противоречивые моменты, которые отражают состояние сравнительно-исторической фонетики тюркских языков в середине прошлого века. Морфологическая реконструкция у М. Рясянена обычно сводится к разложению производного слова на корневую и аффиксальную морфемы, причем последняя никак не объясняется. Семантическими комментариями, объясняющими смысловые связи и изменения, автор обычно не затрудняет себя. Правда, в ряде случаев М. Рясянен учитывает типические семантические связи и переходы и довольно удачно использует смысловые развития в других языках, но это не составляет какой-либо системы. Обрабатываемый в словаре лексический материал довольно ограничен, в нем много всякого рода лакун. Тем не менее, труд М. Рясянена является настольной книгой для каждого исследователя, занимающегося взаимоотношениями тюркских и монгольских языков (См.: Zieme, 1970, 624-629; Doerfer, 1971, 437 и след.; Левитская, 1973, 385-388).

Этимологии, принадлежащие другим авторам, в словаре, как правило, не оговариваются и критически не оцениваются. В целом словарь М. Рясянена представляет собой закономерное продолжение его прежних трудов обобщающего характера по сравнительной фонетике и морфологии тюркских языков (Räsänen, 1949; 1957).

Многие алтайские параллели М. Рясянена, естественно, могут быть дополнены и уточнены, а некоторые из них даже оспорены, но весьма показателен тот факт, что он значительное внимание обращает на тюркизмы в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, монгольские заимствования в тюркских языках, а также на тюркские заимствования в языках тюркских. Систематизированные М. Рясяненом алтайские параллели, несомненно, служат важной отправной точкой для выяснения истинных взаимоотношений между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и другими языками.

Несмотря на нерешенность многих теоретических и методологических вопросов, разработка проблем взаимосвязей тюркских языков с другими алтайскими и ностратическими ведется достаточно активно. В 70–80-х годах прошлого века появилась целая серия работ Р.А. Миллера, в которых автор предпринимает усилия по установлению места корейского и японского языков в алтайской семье (Miller, 1970; 1975 а, б; 1976; 1979 а, б; 1980; 1981; 1982; 1985; 1986; 1987; 1988; 1996; Miller, Naumann, 1991; Miller, Street, 1975 и др.).

Значительным вкладом в развитие алтаистики стала серия трудов ленинградских алтаистов, появившаяся в 70–80-х гг. прошлого века. Серия состоит из пяти солидных книг: «Проблема общности алтайских языков» (Л., 1971), «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков» (Л., 1972); «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков» (Л., 1978), «Исследования в области этимологии алтайских языков» (Л., 1979), «Алтайские этимологии» (Л., 1984).

Крупным вкладом в алтаистику стали такие масштабные работы, как «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (Л., 1975-1977), составленный под руководством В.И. Цинциус (1903-1983), «Этимологический словарь тюркских языков» в 7 томах (М., 1974-2003, издание еще не завершено), которые содержат большое число алтаистических сопоставлений и являются фундаментальными сводками лексического материала.

В 70–80-х гг. прошлого века появляются новые опыты, продолжающие старую традицию сравнительного и сопоставительного исследования тюркских языков с монгольскими (Татаринцев, 1976; Суюнчев, 1977; Мамедов, 1978; Сыдыков, 1983; Рассадин, 1980 и др.), тунгусо-маньчжурскими (Чунгаева, 1983), вновь оживился интерес к японскому языку как одному из членов алтайской семьи (Сыромятников, 1972; 1975; Азербает, 1982 и др.).

Тем не менее, несмотря на все издержки 30–40-х годов XX в., советскому языкознанию следует воздать должное за

его огромный вклад в мировую алтаистику. Именно в Советском Союзе за предельно короткий срок были созданы академические грамматики и двуязычные словари практически по всем основным алтайским языкам, описаны многие малоизвестные диалекты тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, появились капитальные исследования письменных источников, лексико-графические пособия исторического, сравнительного и этимологического характера и т.д., и т.п., которые вошли в золотой фонд мировой алтаистики и еще долго будут служить развитию данной науки.

Но в зарубежных странах традиционная алтаистика продолжала развиваться, особенно в послевоенные годы. Ряд существенных дополнений и реконструкций праалтайского вокализма был представлен в работах М. Номуры (Nomura, 1959), Л. Лигети (Ligeti, 1963), посвященном прамонгольским и праалтайским долготам исследовании Н. Поппе (Poppe, 1962), в работах К. Томсена, уточняющих вокализм начального слога в тюркских и монгольских языках (Thomson, 1959, 1963); М. Рясänen уточнил рефлексы праалтайского **r*^h- в тюркских языках (Räsänen, 1961) и т.д.

Традиционная, или ортодоксальная, алтаистика имеет уже более 250-летнюю традицию, однако, как считает большинство алтаистов, родство трех основных групп алтайских языков – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской – является весьма отдаленным и все еще окончательно не установленным. К такому выводу алтаисты пришли, в частности, на основе компаративно-контрастивного анализа основного словарного фонда алтайских языков.

Материальная и структурная близость тюркских и монгольских языков несомненна, однако, несмотря на многовековую историю изучения, все еще нельзя считать до конца выясненной природу этой феноменальной близости и установленными обусловившие ее факторы. В ходе исторического развития алтаистической науки примерно в середине прошлого века взгляды ученых разделились, при

этом возникли и развились две точки зрения на тюркско-монгольскую и, шире, алтайскую общность – сторонников и противников изначального генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Проблема тюркско-монгольской языковой близости, таким образом, все еще остается далекой от окончательного однозначного решения.

КРИЗИС ОРТОДОКСАЛЬНОЙ АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ И СТАНОВЛЕНИЕ НЕОАЛТАИСТИКИ

Структурная и материальная близость тюркских и монгольских языков была воспринята многими специалистами по этим языкам как следствие генетического родства и стала основополагающим фактором развития компаративной алтаистики.

Ортодоксальной алтаистикой были предприняты значительные усилия, чтобы выявить гениинные лексические, морфологические и иные материальные схождения и параллели между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и некоторыми другими языками, подвергнуть их всестороннему компаративистическому анализу, свести воедино то, что не поддается сведению и, наконец, реконструировать общеалтайские археотипы. Однако все эти попытки окончились неудачей.

Ортодоксальная алтаистика выдвигает перед исследователями множество архисложных проблем, на которые современная наука не в состоянии ответить:

- где, когда, а главное, в каких общественно-исторических условиях мог сложиться и развиваться язык (или диалекты) протоалтайской этнической общности, отдаленный от нашего времени и времени этноглоптогенеза прототюркских, протомонгольских и прототунгусо-маньчжурских

этнолингвистических общностей несколькими тысячелетиями и рядом сменившихся социальных эпох?

- каковы теоретически возможные формы общественного бытия носителей протоалтайского языка?

- каковы хотя бы самые общие черты грамматического строя и словарного состава протоалтайского языка?

- в чем заключается прогрессивное развитие структуры алтайских языков от, скажем, неолита до наших дней?..

На эти и многие другие вопросы традиционная алтаистика до сих пор не смогла дать сколько-нибудь вразумительного ответа.

Декларируемое ортодоксальной алтаистикой изначальное генетическое родство или, иными словами, происхождение многочисленных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (не говоря уже о корейском, японском, а также о других возможных отношениях) от одного общего алтайского праязыка, несмотря на все усилия алтаистов, до наших дней еще не получило безукоризненного и убедительного обоснования.

Выделение алтайской общности в новом варианте, т.е. в составе тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской семей, а также, с некоторыми оговорками, корейского и японского языков, по мнению ряда исследователей, также не является достаточно обоснованным и бесспорным. О недостаточной обоснованности уже известных положений классической алтаистики или вообще о невозможности доказать генетическое родство между отдельными группами собственно алтайских языков так или иначе пишет большинство специалистов, работающих в данной отрасли компаративистики.

Известно, что в отличие от близкого родства групп (ветвей) алтайских языков, – тюркской монгольской, тунгусо-маньчжурской, – предполагаемое родство всех алтайских языков, включая корейский, японский и, возможно, некоторые другие, может быть только весьма отдаленным, т.е. существование протоалтайского языка и время его распада

следует относить по крайней мере к 8-10 тыс. до нашей эры, к эпохе палеолита и ранних форм первобытнообщинного строя (Андреев, Суник, 1982, 27). Однако на данном этапе развития компаративистики алтайское языкознание не в силах достичь такой глубины праязыковых реконструкций. Уже хотя бы поэтому говорить о родстве объединяемых в алтайскую семью тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков преждевременно.

На современном уровне развития компаративистики и по тем далеко не достаточным лингвистическим и историко-этнографическим данным, которыми располагает алтаистика, невозможно восстановить структуру протоалтайского языка в конкретных материальных формах и значениях его компонентов хотя бы в самых общих чертах. Во всяком случае, осуществить это, не перенеся вольно или невольно в гипотетический протоалтайский язык многое из того, что оказывается общим в засвидетельствованных высокоразвитых алтайских языках, еще никому не удавалось.

Бессилие традиционной алтаистики в убедительном доказательстве изначального генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков может иметь две причины: либо так называемые алтайские языки или, точнее, их основные группы, не восходят к общему праязыку, и, следовательно, они не являются изначально родственными; либо, напротив, на деле они родственны, но их современное (или более древнее) обличье явилось результатом столь специфической и неравномерной эволюции, что их родство не может быть доказано по сложившимся в индоевропейской, финно-угорской и т.д. компаративистике приемам, моделям и методам, и поэтому ничто не указывает алтаистам с достоверностью на путь, ведущий к обоснованию праалтайской общности.

История алтаистики запечатлела много оригинальных и любопытных попыток приблизиться к решению проблемы генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-

маньчжурских, а также корейского и японского языков, «но все они заканчивались построением сомнительных схем и гипотез, либо признанием невозможности дать положительный или отрицательный ответ» (Щербак, 1963, 152).

Поэтому известный венгерский специалист по алтайским и финно-угорским языкам Лайош Лигети был вынужден констатировать буквально следующее: «Если так называемые алтайские языки действительно родственны, то их родство может быть доказано только путем иррегулярным – таким же иррегулярным, каким было развитие этих языков; только этим путем будет произведено трудное, но иначе не осуществимое, распознавание их родства» (Лигети, 1971, 31).

Алтайская проблема обсуждается в науке давно, и дискуссия по этой проблеме не утихает, обнаруживая самые различные подходы как среди сторонников генетического родства алтайских языков, так и среди тех, кто объясняет наличие общих элементов в них типологическим сходством (преимущественно в фонетике и грамматике) и древними ареальными связями (преимущественно в лексике). В конечном итоге во второй половине XX века традиционная алтаистика распалась на ряд направлений. Одно из них придерживается основных постулатов ортодоксальной алтаистики, но в несколько модернизированном виде. При этом модернизация касается самых разных аспектов алтаистики. Наблюдаются попытки синкретизировать понятия генетического, типологического и приобретенного родства языков (Н.А. Баскаков и др.); вместе с тем усилилась тенденция к расширению границ алтайской общности за счет других языков и языковых семей; широкое распространение получило изучение алтайских языков в составе ностратической (или борейской) макросемьи, причем одни специалисты считают алтайские языки генетически родственными, другие причисляют их к ностратическим по отдельным группам (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские) и языкам (корейский, японский), не придавая

особого значения их генетическим взаимоотношениям на алтайском уровне (Иллич-Свитыч, А.Б. Долгопольский В.А. Дыбо), третьи пытаются оздоровить традиционную алтаистику, освободив ее от поздних заимствований (стандартных тюркских в монгольских и монгольских – 1 тюркских), но сохраняя при этом статус genuinных праалтайских слов за древнейшими болгарскими заимствованиями в монгольском и, соответственно монгольскими заимствованиями в тунгусо-маньчжурском (С.А. Старостин, А.В. Дыбо, О.В. Мудрак и др.). Но все эти шаги половинчаты и не затрагивают принципиальных вопросов алтайской гипотезы. Были предприняты попытки проверить состоятельность алтайской гипотезы приемами и методами глоттохронологии и лексикостатистики (Клоусон 1969, 22-41; Лигети, 1971, 21-23; Старостин, 1991, 25-63 Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, 230-236), но они ни к чему не привели из-за очевидной ущербности исходных материалов.

Другое направление, основным постулатом которого является совершенно естественное требование – отсепарировать из всей массы установленных межалтайских языковых схождений все возможные случаи внутриалтайских и внешних заимствований и переаимствований, так называемые случайные совпадения и все иные вторичные наносные явления и, так сказать, «на чистом остатке» проверить состоятельность алтайской гипотезы, – кажется более продуктивным и научно корректным. Разумеется, работа эта чрезвычайно сложная и многотрудная, она сопряжена с многими объективными и субъективными трудностями. Однако это, по моему твердому убеждению, единственный путь, который может вывести алтаистику из затяжного кризиса. Кризис в алтаистике начался давно, поэтому даже среди сторонников современного алтайского языкознания нетрудно заметить значительные различия в оценке состояния и перспектив развития данной отрасли науки о языке.

Для одних алтаистов генетическое родство (пусть даже весьма отдаленное) между основными группами алтайских

языков, – неоспоримый факт, доказываемый имеющимися и продолжающимися опытами создания сравнительно-исторической грамматики и лексикологии этих языков (Старостин, 1991; Starostin, Dybo, Mudrak, 2003 и др.).

Для других – алтаистика, в том числе родство алтайских языков, – вполне вероятная и очень полезная теория, без учета и разработки которой практически неосуществимо углубленное сравнительно-историческое изучение отдельных групп алтайских языков, таких, как тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и некоторые другие (Кононов, 1968, 22).

Вполне справедливым и убедительным следует признать высказывание О.П. Суника об актуальности и полезности алтаистических штудий для изучения истории тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и ряда других языков: «Алтаистика как новая развивающаяся отрасль сравнительно-исторического языкознания (при всех ее действительных и многих мнимых недостатках) способствует прогрессу в области научного изучения и описания многочисленных тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языков. Игнорирование же или отрицание «так называемой традиционной алтаистики» ведет к застою, к плоскостному по преимуществу описательству по давно установившимся шаблонам звукового и грамматического строя тех или иных алтайских языков без серьезных попыток понять общие и особенные закономерности развития их структуры» (Суник, 1976, 29-30).

Для ряда других сторонников сравнительного алтайского языкознания, немало сделавших для его развития, вопрос о происхождении алтайской языковой общности остается открытым, хотя алтайская теория (теория генетического родства алтайских языков) не только ими не отвергается, но и признается весьма полезной, заслуживающей всяческого внимания и дальнейшей разработки, поскольку она представляется «очень вероятной» и применяется сторонниками алтаистики в их исследовательской работе. Так,

например, И. Бенцинг подчеркивал, что на вопрос о том, родственны ли тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, нельзя ответить ни утвердительно, ни отрицательно до тех пор, пока не будут тщательно исследованы языки каждой из указанных групп и пока не будут выяснены как все их особенности, так и объединяющие их моменты (Benzing, 1953, 4).

Своеобразный итог продолжительным поискам в области традиционной алтаистики был подведен монголистом К.Р. Боуденом, отметившим, что генетическое родство алтайских языков не доказано и что в наши дни многие исследователи не принимают его даже в качестве полезной гипотезы (Bawden, 1965, 180). Скептическое отношение к алтайской гипотезе было высказано в исследованиях Д. Шинора (Sinor, 1963), Й. Бенцинга (Benzing, 1944; 1953; 1955; 1956), Дж. Клоусона (Clouston, 1956; 1962), Г.Д. Санжеева (Санжеев, 1952; 1965; 1973); А.М. Щербака (Щербак, 1960; 1966; 1968; 1969; 1997) и др.

Таким образом, во второй половине XX века старая проблема родства алтайских языков стала дискутироваться весьма остро, в том числе и в советском языкознании. Кризис гипотезы о постулированном ортодоксальной алтаистикой генетическом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков вызывает необходимость дополнительной ее проверки при помощи новейших методик и приводит к поискам новых путей объяснения сходных особенностей алтайских языков.

Широкое распространение получает квалификация алтайских и, шире, урало-алтайских языков как обобщенного типа лингвистической общности, характерного для определенного географического региона на континенте Евразия. В основу выделения подобных типов языковых общностей положена точка зрения о возможности наслаивания на первоначально генетически общие признаки вторичных исторически обусловленных признаков субстратно-адстратно-суперстратного, контактного и т.п. характера, причем именно

совокупность последних позволяет объединять языки разных языковых семей. Показательной в этом отношении является одна из работ Н.А. Баскакова, озаглавленная «Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков» (Баскаков, 1979, 43-53; см. также: Баскаков, 1981, 50-55). В этой работе предпринята попытка объяснить материальную общность грамматической структуры алтайских языков, главным образом самых непроницаемых элементов этой структуры – словоизменения, «не взаимодействием этих языков и не заимствованием этих элементов, а генетическими связями алтайских языков в процессе консолидации древнейших родственных наречий в определенные группы и семьи языков» (Баскаков, 1970, 43). Основной пафос данной работы сводится к утверждению следующих главных положений:

1. Все основные ареалы распространения родственных языков представляют собой относительно ограниченную определенными границами территорию...

2. В Евразии можно установить несколько значительных по территории ареалов распространения родственных языков: индоевропейских, семитических, урало-алтайских и некоторых других.

3. Урало-алтайские языки, как и индоевропейские, членятся на территориальные ареалы: западный с господствующими финно-угорскими, и восточный – с алтайскими языками. Финно-угорские и алтайский ареалы в свою очередь подразделяются на соответствующие подареалы, расположенные в виде последующих друг за другом в известном порядке звеньев единой цепи. Так, например, в ареале алтайских языков более западную территорию занимали тюрки, далее на восток – монголы, непосредственные соседи монголов – маньчжуры и тунгусы, на крайнем востоке – корейцы и японцы (Баскаков, 1970, 44; 1981, 51).

«Этот северный евразийский ареал, – по мнению Н.А. Баскакова, – в глубокой древности представлял собой

непрерывную цепь родов и племен с близкими родственными наречиями. В результате перманентного процесса соединения и распада племен при господствующей их дифференциации этот ареал распался сначала на два больших ареала – уральский на западе и алтайский на востоке..., а затем каждый из них разделился на более дробные подареалы: уральский – на угорский, финский, самодийский, а алтайский – на тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский и корейско-японский» (Баскаков, 1970, 44).

При этом Н.А. Баскаков указывает, что «интенсивность связей между алтайскими языками сохранилась в прямой пропорции от древнего географического распространения соответствующих ареалов, а следовательно, и более близкого родства. Так более тесные связи и большая материальная близость сохранились между тюркскими и монгольскими и меньшая – между тюркскими и другими алтайскими языками, в то время как монгольские языки, ареал распространения которых был близок к ареалу тунгусо-маньчжурских языков, имеют значительно больше сходжений с тунгусо-маньчжурскими языками, чем тюркские языки с теми же языками» (Баскаков, 1970, 44; 1981, 51-52).

Все это логическое построение в целом имеет очень правдоподобный вид и его можно было бы принять на веру, если генетическое родство алтайских языков было уже доказанным фактом. Однако, несмотря на упорные усилия целых поколений заинтересованных специалистов, алтайская гипотеза все еще остается недоказанной. А отмечаемая практически всеми исследователями материальная близость алтайских (да и любых других, в том числе и урало-алтайских, и ностратических) языков, проявляющая себя на всех строевых уровнях языка, но прежде всего на уровне лексики, могла сложиться по целому ряду причин. Венгерский ученый-алтаист А. Рона-Таш постоянно напоминает, что такими причинами могут быть: 1) исторические контакты; 2) ареальная конвергенция; 3) типологическая общность; 4) конвергенция независимых друг от друга явлений;

5) банальная случайность; 6) генетическое родство и др. (Róna-Tas, 1975, 201-211; 1987, 6-16). Исторические причины при этом сами по себе многочисленны, и к ним относятся, например, кроме генетического родства, ареальные взаимоотношения (родственных и неродственных языков), обуславливающие общие ареальные черты, которые могут развиваться в систему вторичных соответствий, то есть в языковой союз; общие влияния внешних языков – контактные, субстратные, суперстратные, адстратные, причем прямые и опосредованные и т.д. (Рона-Таш, 1974, 31). Все эти факторы, разве за исключением случайностей, как по отдельности, так и в совокупности, могут порождать регулярные соответствия. Таким образом, регулярность соответствий и определенная материальная близость сами по себе не являются критериями, с помощью которых можно было бы различить типы соответствий. Говорить о генетическом родстве исследуемых языков с полной уверенностью можно будет только тогда, когда все остальные причины соответствий, кроме генетических, будут исключены. Поэтому необходимо разработать специальные методы исследования, отличные от традиционных. В алтаистике это сопряжено с особыми трудностями, так как многие языки не имеют древних письменных памятников и алтайские языки не имеют широко разветвленной системы для углубленных исследований. Вопрос осложняется и тем обстоятельством, что в алтайском мире одно и то же слово может быть заимствовано в одном и том же кругу языков по нескольку раз, а из-за большого структурного сходства самих этих языков факт многократного заимствования подчас очень трудно доказать.

Предлагаемые трудности объяснения истинной природы общности алтайских языков, естественно, прекрасно были известны такому крупному специалисту, и Н.А. Баскаков пишет: «В предлагаемой схеме развития алтайских языков как бы объединяются и синтезируются обе основные теории о происхождении алтайских языков – теория генетического их родства и теория образовавшегося родства в результате

взаимодействия в период их длительных контактов между собой» (Баскаков, 1970, 46). Итак, согласно Н.А. Баскакову, проблема генетического родства (Подчеркнуто мною. – Ж.Т.) алтайских языков является вполне доказанной, но это родство является результатом сближения языков (Подчеркнуто мною. – Ж.Т.). Тут, как говорится, комментарии излишни.

Развитие сравнительно-исторического изучения языков различных семей всегда сопровождалось попытками расширить круг родственных языков, протянуть связующие нити от одной семьи языков к другой в целях доказательства их генетического родства в прошлом. Стремление ученых отыскать другие родственные языки представляет явление вполне естественное. Истории языкознания известны случаи, когда подобного рода поиски увенчались успехом. Так, например, финский лингвист Е. Сетела в 1915 году установил, что самодийские языки являются родственными финно-угорским. В ходе дальнейших исследований в данном направлении это родство стало окончательно установленным и теперь материалы самодийских языков широко используются в компаративистических исследованиях финно-угроведов.

Истории лингвистической науки известны попытки сблизить тюркские языки с финно-угорскими, урало-алтайскими и даже с индоевропейскими, угро-финских – с дравидийскими, индоевропейскими, уральских – с юкагирским, индоевропейских – с семитскими и т.д. Если в прежние времена в большинстве случаев предпринимались попытки сближения отдельных семей языков, то современный этап развития этого направления характеризуется стремлением установить группы родственных языков, включающие очень большое количество членов.

В середине XX века усилились поиски генетического родства языков, исследовались уральско-алтайские (Räsänen, 1953, 19-27; Collinder, 1965), алтайско-дравидийские (Menges, 1964, 66-103), индоевропейско-урало-алтайские (Menges, 1961; Collinder, 1965), урало-алтайско-дравидийские (Bouda, 1953, 161-173) и другие связи.

Пытаясь связать родственными узлами языки Старого и Нового света, М. Свadesh приходит к выводу о существовании большой языковой группы, которая им названа дене-финской (finnodenean) по названиям двух пространственно наиболее отдаленных членов группы этих языков: язык дене (атапакских) в Америке и финно-угорских языков в Евразии (Свadesh, 1965, 271-322). В дене-финскую группу включены также все алтайские языки. В целом же в составе дене-финской общности М. Свadesh выделяет такие языковые группы «второго порядка»: урало-алтайскую (финно-угорские, самодийские, юкагирский, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские); енисейскую (кетский, котский, аринский, асанский языки); чукотско-камчатскую; эскалеутскую; вакашскую; на-дене; кутенай; японскую (японский, рукюский – с диалектами сюри, йонаминский и др.); айнский и нивхский языки (Свadesh, 1965, 302-303).

В.М. Иллич-Свитыч выделяет большую группу родственных языков, которую он назвал ностратической (Иллич-Свитыч, 1971; 2003). К этой макросемье он относит шесть языковых групп Старого света – индоевропейскую, алтайскую, уральскую, картвельскую, семито-хамитскую и дравидийскую. Таким образом, алтайская общность языков в полном составе включается в ностратическую макросемью и, следовательно, традиционная алтаистика становится как бы частной отраслью более широкой ностатики. Основоположниками ностратической гипотезы обычно считаются Х. Педерсен (Pedersen, 1903) и А. Тромбетти (Trombetti, 1905), однако наиболее последовательное развитие эти идеи получили в трудах В.М. Иллич-Свитыча.

Основные работы В.М. Иллич-Свитыча изданы посмертно его последователями (Иллич-Свитыч, 1971; 1976; 1984; 2003), начатые поиски не были завершены автором. В.М. Иллич-Свитыч выполнил огромную работу и сделал многое, чтобы гипотеза Х. Педерсена приобрела характер научной концепции. В мировой научной литературе, наряду с целым рядом положительных и сочувственных откликов,

появилась и серия критических суждений по поводу ностратической гипотезы, в том числе и принадлежащих перу специалистов в области алтайских языков (Doerfer, 1973; Clauson, 1973; Дыбо В.А., 1978; Иванов Вяч. Вс., 1976; Порре, 1972; 1979; Щербак, 1984, 30–42; 1994, 150–163).

В отличие от ряда ортодоксальных алтаистов, В.М. Иллич-Свитыч подчеркивает, «весьма отдаленное» родство трех алтайских групп – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, – считая вопрос о принадлежности корейского и японского языков к алтайской семье еще не разрешенным (Иллич-Свитыч, 1971, 67, 69). Алтайская языковая общность, по мнению В.М. Иллич-Свитыча, распалась значительно раньше других пяти больших языковых семей, включаемых в так называемую ностратическую макросемью, о чем свидетельствуют глубокие расхождения, существующие между отдельными группами алтайских языков, особенно в области основного словарного фонда (Иллич-Свитыч, 1971, 69; 2003, 69).

Возражая противникам алтайской теории, пытающимся свести все сходства между группами алтайских языков к относительно позднему взаимовлиянию друг на друга первоначально неродственных языков, В.М. Иллич-Свитыч вслед за некоторыми алтаистами пишет: «После снятия заимствований различных периодов остается определенная группа лексических и морфологических сходств, которые могут быть объяснены лишь при признании генетического родства алтайских языков» (Иллич-Свитыч, 1971, 69; 2003, 69). Если даже эти сходства пытаться истолковать как «наиболее древний слой заимствований», то и тогда окажется постулированным языковое состояние, не являющееся ни прототюркским, ни протомонгольским, ни прототунгусо-маньчжурским, а только протоалтайским (Иллич-Свитыч, 2003, 69).

Несомненная заслуга В.М. Иллич-Свитыча состоит в том, что он собрал все сходно звучащие слова алтайских и других ностратических языков. Перечень обсуждаемых в «Опыте

сравнения ностратических языков» проблем и объем охваченного материала настолько велики, что даже простая систематизация эмпирического материала кажется трудом, непосильным для одного человека. Однако, вместе с тем специалисты отмечают и «явную несоизмеримость с ними полученных результатов, которые более чем скромны и не дают оснований для оптимистических прогнозов. Причиной отрицательного отношения к ним является ... отсутствие убедительных фактов и ненадежность предложенных реконструкций» (Щербак, 1984, 31). Пока еще не доказано генетическое родство традиционно объединяемых в алтайскую семью тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков между собой, а поэтому введение в ностратическую макросемью так называемых алтайских языков в целом, по крайней мере, выглядит недостаточно корректным и не располагает к достаточной степени доверия. Сколько-нибудь продвинуть вперед проблему генетического родства тюркских и монгольских, а также других алтайских языков В.М. Илличу-Свитычу не удалось.

Несмотря на многочисленные попытки создать достаточное основание при доказательстве генетического родства алтайских и ностратических языков, многочисленные неувязки, противоречия и логические парадоксы создают убеждение о недоказанности этих гипотез.

Основываясь на глубоких расхождениях, существующих между отдельными ветвями алтайских языков прежде всего в области основного словарного фонда, Вяч. Вс. Иванов высказал предположение, что «...языки, объединяемые полезным классификационным термином «алтайские» (тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский, пракорейский и, вероятно, праяпонский), могли происходить из определенной части (восточно-)ностратического диалектного континуума и без промежуточного алтайского праязыка» (Иванов, 1980, 202-203).

Это положение, чтобы стать действующей гипотезой, нуждается в дальнейшем обосновании путем практических изысканий в необъятной ностратической макросемье языков, для чего в свою очередь, требуется совершенствовать методику подобных сопоставлений. Во всяком случае при указанном допущении представляется методически оправданным (по крайней мере, в области морфологии) стремление до получения системы праформ придерживаться независимой или автономной реконструкции для каждой из групп языков, после чего уже возможно сопоставление таких реконструируемых систем (Кормушин, 1984, 3).

Согласно ностратической теории, казахский язык принадлежит к ностратическим языкам. Это значит, что он находится в родстве не только с тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и некоторыми другими алтайскими языками, но также с угро-финскими, уральскими, картвельскими, индоевропейскими, семито-хамитскими и дравидийскими языками. В связи с этим было бы интересно выяснить, в какой мере ностратическая теория обогащает и углубляет историю казахского, тюркских и, шире, алтайских языков.

Если учесть, что каждую из групп ностратических языков и каждый отдельный язык часто связывают узлами генетического родства со многими другими языками, традиционно не относимыми к ностратическим, то может стать реальностью превращение или перерастание ностратической гипотезы в гипотезу о единой глобальной языковой семье (Doerfer, 1973 a).

Тенденция расширить семьи родственных языков не случайна, она имеет определенные причины. Во-первых, сведение большого количества языков разных семей к одному общему праязыку необычайно расширяет и углубляет пространственно-хронологические рамки исторической перспективы. Так, например, если алтайский и уральский праязыки существовали примерно 10-15 тысяч лет тому назад, то ностратический праязык должен залегать значительно

глубже, его существование, по некоторым приблизительным наметкам, могут отделять от нас 30 и даже 40 тысяч лет.

Во-вторых, чем больше родственных языков содержит макросемья, тем более вероятно сохранение в известной части этих языков глубоких архаизмов, изучение которых помогло бы во многих случаях уточнить и углубить наши знания по истории современных языков. Открытие новых фонетических законов и архаических элементов грамматической структуры могло бы дать более точное представление об общих путях развития родственных языков.

И, наконец, в третьих, установление больших групп генуинных языков помогло бы более точно определить географическое положение носителей этих языков в глубокой древности.

Кризис традиционной алтаистики, усилившийся к середине прошлого века, побудил ученых придавать большее значение историческим взаимосвязям тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и обращать внимание не только на их сходства, но и не менее значительные расхождения. Алтаистика, таким образом, постепенно пришла к осознанию того, что без предварительного выделения заимствований и перезаимствований реконструкция общеалтайских праформ не может считаться научно корректным и теряет всякий смысл.

В истории алтаистики особое место занимают многочисленные труды В.Л. Котвича (1872-1944), и это обстоятельство требует подробного внимания к его вкладу в компаративное изучение тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Его по праву считают основоположником неоалтаистики. Исследования в области сравнительно-исторической алтаистики были начаты В.Л. Котвичем еще в 1902 году (Котвич, 1902) и продолжены им во множестве более поздних монографий и рецензий, содержащих оригинальные сопоставления фактов монгольских языков с материалом других алтайских языков.

Огромное значение в развитии алтаистики имеет серия специальных и обобщающих трудов по сравнительно-историческому изучению алтайских языков, опубликованных В.Л. Котвичем на страницах польского журнала «Востоковедческий ежегодник». Первый выпуск алтаистических этюдов В.Л. Котвича появился в 1931 году, он составлен из ряда работ лексико-грамматического характера, посвященных общему методологическому введению в сравнительное изучение алтайских языков (I. Notice préliminaire), именам числительным (II. Les noms de nombre) и именам прилагательным, выражающим названия цвета (III. Le noms de couleurs) (Kotwicz, 1931, 130-234).

В 1932 году осуществлено издание алтаистических трудов В.Л. Котвича, положивших начало новой лексикологической серии. Второй выпуск состоит из двух частей; первая из них была посвящена терминологии почтовой и ямской службы, вторая – феодальным титулам алтайских народов (тюрк. *bäg*, монг. *begi* и маньчж. *beile*) (Kotwicz, 1932; второе дополненное и переработанное издание: Kotwicz, 1953 а, б, 325-368).

В 1936 году В.Л. Котвич издал дополнительные материалы в продолжение первой лексико-грамматической серии алтаистических исследований. Этот выпуск также состоит из двух самостоятельных частей: первая часть (вып. IV) содержит дополнения к изданным в 1931 году материалам, а вторая (вып. V) представляет собой монографический анализ именного аффикса *-n* (Kotwicz, 1936 а, 122-142).

Большое количество сравнительного материала проштудировано в многочисленных других работах В.Л. Котвича, посвященных сравнительно-сопоставительной лексикологии и грамматике алтайских языков, в том числе, прежде всего, заслуживают самого серьезного внимания работы, касающиеся истории тюркско-монгольских языковых сходжений и аналогий, а также более общих вопросов взаимодействия этих языков (Kotwicz, 1937; 1938; 1939 а, б и др.).

Итогом всех исследований В.Л. Котвича в области алтаистики является его фундаментальный труд «Исследования по алтайским языкам» (Kotwicz, 1953; русский перевод: Котвич, 1962), заложивший основу нового направления в сравнительно-историческом изучении тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Это издание было подготовлено одним из ближайших учеников В.Л. Котвича, монголистом М. Левицким, который предпослал работе свое пространное предисловие и снабдил издание полным списком трудов В.Л. Котвича.

«Исследование по алтайским языкам» В.Л. Котвича отличается строгой системностью, чрезвычайной осторожностью в заключениях и выводах. Автор основывается на достоверных, строго установленных фонетических закономерностях. Объясняя материальную близость тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков их типологическими схождениями и, главным образом, длительными взаимодействиями, В.Л. Котвич не задается целью установления каких-нибудь общих закономерностей их развития, отказывается от реконструкции групповых языков-предшественников и общего для всех алтайских языков языкоосновы (Баскаков, 1962, 8).

Вместе с тем В.Л. Котвич устанавливает, исходя из тщательного анализа всего доступного ему материала компаративными и контрастивными приемами и методами, что общий фонд схождений между тюркскими и монгольскими языками на уровне морфологии равен примерно 50%, лексики – 25%, а между тюркскими и монгольскими, с одной стороны, и тунгусо-маньчжурскими – с другой, составляет около 10% в лексике и 5% в морфологии. Вместе с тем В.Л. Котвич не только воссоздает общую картину сходства и различия основных групп языков алтайской семьи, но и формулирует основные направления их исторического развития.

В своих последних работах В.Л. Котвич решительно отвергает ранее признанную им гипотезу изначального

генетического родства алтайских языков, считая, что основу «особой алтайской языковой семьи... составляют не генетические связи, а типологическое сходство, которое объясняется тем, что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями» (Котвич, 1962, 351-352). В.Л. Котвич является одним из первых исследователей, обративших самое серьезное внимание на контактное происхождение многих общих фактов, обнаруживаемых между тремя основными группами алтайских языков на всех их строевых уровнях. Он пишет: «Контакты способствуют углублению сходства этих языков, которое выражается во взаимном проникновении лексических и морфологических элементов» (Котвич, 1962, 352). Представления В.Л. Котвича о сущности проблемы общности алтайских и, шире, урало-алтайских, языков в целом складываются из двух основополагающих постулатов: во-первых, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки еще с праязыковых времен являются типологически весьма схожими и, во-вторых, алтайские языки с доисторических времен поддерживают между собой разносторонние контакты.

«Принимая все это во внимание, – пишет В.Л. Котвич, – можно как будто говорить о существовании в Центральной Азии с древнейших времен концентрического круга близких в типологическом отношении языков. Пока в него включаются в основном три языка (т.е. три языковые группы: тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская. – Ж.Т.), но не исключено, что будущие исследования расширят этот круг, включив сюда еще какие-нибудь другие языки, в которых наблюдаются аналогичные явления» (Котвич, 1962, 352).

Вместе с тем следует отметить, что В.Л. Котвич вовсе не отрицал возможности праалтайского и даже шире – урало-алтайского языкового родства, правда, с его точки зрения, весьма отдаленного. «Во всяком случае, – пишет он, – существование этого общего языка (т.е. праалтайского. – Ж.Т.) следовало бы относить к очень отдаленному прошлому, не

менее чем к началу первого тысячелетия до нашей эры» (Котвич, 1962, 351).

Относительно уральских языков В.Л. Котвич допускал возможность их еще более отдаленного родства с алтайскими, которое проявляет себя скорее всего на типологическом уровне, чем на материальном сходстве строевых элементов языка. Во всяком случае, финно-угорские и самодийские языки он относил ко второму концентрическому кругу, находящемуся за пределами сферы алтайских языков. «Вне этого (т.е. алтайского. – Ж.Т.) круга находится теперь другая группа языков, – подчеркивает он, – в которой почти нет элементов, общих с первой (независимо от их происхождения), но которая в основных моментах своего строя содержит много аналогий. Следовательно, эту группу, охватывающую уральские языки, можно рассматривать в качестве второго концентрического круга. Таким путем можно бы получить известное основание для предположения об урало-алтайской языковой семье, которое даже в свете результатов последних исследований нельзя считать совершенно безнадежным» (Котвич, 1962, 352). Однако в своих сравнительно-исторических построениях В.Л. Котвич не стремился к глубоким реконструкциям, подчеркивая, например, что знание исторического состояния даже тюркских языков, получивших письменную фиксацию ранее всех остальных алтайских языков, в основном не проникает далее VII-VIII веков. Такой весьма осторожный подход к праалтайским реконструкциям, разумеется, был обусловлен прежде всего уровнем состояния алтаистики в первой половине XX века. В своем посмертно изданном труде В.Л. Котвич поставил под сомнение существование общего алтайского языка. Семью алтайских языков он считал основанной не на генетических связях, а на типологических сходствах (Котвич, 1962, 351-353).

В целом же основной пафос творческого наследия В.Л. Котвича заключается в констатации широких контактных связей как внутри самих алтайских языков, так и со многими

другими иносистемными языками Евразии. «Алтайские народы, – пишет он, – поддерживали более или менее оживленные отношения не только между собой, но и с другими окружающими их этническими группами. Благодаря этому их языковые элементы проникали иногда очень далеко. Следы этого проникновения сохранились в большей или меньшей степени у разных народов Азии и Европы. Поскольку оно шло почти непрерывно, начиная с очень отдаленных времен, исследователь может найти в языках этих народов очень ценные алтайские элементы, которые восходят к разным периодам и имеют соответствующие архаические черты» (Котвич, 1962, 352).

В.Л. Котвич одним из первых в алтаистике обосновал, что «монгольский язык наряду с собственным, доминирующим языковым материалом имеет в своем составе многочисленные тюркские элементы, как лексические, так и морфологические...» (Котвич, 1962, 347) и специально подчеркивал, что «для монгольского мы никакого параллельного языка (такого, как, например, чувашский по отношению к стандартным тюркским языкам. – Ж.Т.), из которого можно было бы выводить монгольский и который унаследовал бы только протомонгольский материал без каких-либо посторонних примесей, указать не можем» (Котвич, 1962, 347). Отсюда вытекает, что «многочисленные тюркские элементы» в большинстве своем проникали в монгольский уже во времена существования праязыковой общности, то есть до начала распада единого общемонгольского праязыка.

Ему также удалось обосновать, что тунгусо-маньчжурские языки восприняли «много монгольских архаических элементов, восходящих к XII веку» (Котвич, 1962, 348).

К числу слов, заимствованных маньчжурами непосредственно у тюрков, В. Котвич относит следующие: *bejle* – титул князя; *durun* «внешний вид, образ», *туру* «образец, модель», *tengin* «море», *arfa* «овес, ячмень», *bitxe* «книга, грамота», *fijelen* «глава, раздел», *salu* «борода», *toron* «пыль»,

eisi «польза, выгода», *oswon* «ярый, свирепый, неистовый», *sebžen* «веселье, радость» и т.д. (Kotwicz, 1939, 93 и след.). Проникновение тюркской лексики в тунгусо-маньчжурские языки происходило в основном через посредство монгольских языков. Особенно тесными были связи монголов с маньчжурами, язык которых вследствие разного рода влияний утратил многие черты исконного своеобразия (Benzing, 1953, 110) и заметно обособился от других языков тунгусо-маньчжурской группы.

В общей сложности картина исторических взаимоотношений между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, согласно положению В.Л. Котвича, выглядит следующим образом: «Земли монголов лежали между тюркской и маньчжурской территориями; все эти три области в свою очередь сталкивались на севере с тунгусской, а на юге с китайской областями. Границы между отдельными этническими группами не были постоянными и претерпевали в ходе исторической борьбы различные изменения, не слишком, впрочем, значительные. Таким образом, между языками и диалектами существовали постоянные контакты, более или менее явные следы которых можно наблюдать в сохранившихся до нашего времени письменных памятниках и на данных современных языков. Это дает нам возможность достаточно уверенно говорить о тюркских заимствованиях в монгольском, тунгусском и маньчжурском языках, а также о тунгусском влиянии на тюркский и монгольский языки. Монгольский язык в силу своего территориального положения испытал влияние обеих языковых областей» (Котвич, 1962, 348). Эта картина, несмотря на ряд частных спорных моментов, в целом достаточно адекватно отражает реальные исторические взаимоотношения между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Последующие расширенные и углубленные разыскания в этой области показали, что заимствования в основном шли из тюркских языков в монгольские и, позднее, из монгольских —

в тунгусо-маньчжурские, а также, начиная с XIII века, – из монгольских в тюркские. Тунгусо-маньчжурские же элементы в монгольском и тем более в тюркском, занимают очень незначительное место и в большинстве своем носят узколокальный характер и имеют незначительную хронологическую глубину.

Самого серьезного внимания заслуживают также взгляды В.Л. Котвича на взаимоотношения между алтайскими и корейским языками. В.Л. Котвич полагает, что «монгольские заимствования путешествовали скорее на Восток» и в этом отношении интересные результаты обещает тщательное исследование составных элементов корейского языка, имевшего исторические контакты на севере с южными тунгусами, а на северо-западе – с монголами. «Вероятно, в результате этих контактов, – пишет В.Л. Котвич, – в корейский язык, хотя и обособленный, издавна проникали, и довольно в значительном количестве, тунгусские и монгольские элементы. Опираясь на этот факт, Г.Й. Рамstedт и Е.Д. Поливанов высказали гипотезы о принадлежности корейского языка к семье алтайских языков» (Котвич, 1962, 353). В связи с этим следует отметить, что в силу ряда объективных и субъективных причин широкие сравнительно-сопоставительные исследования корейского языка с другими алтайскими языками практически не предпринимались. Работы Г.Й. Рамstedта по корейской этимологии, вместо того, чтобы внести определенную ясность, окончательно запутали эту проблему. Между тем, приверженцы традиционной линии алтаистики довольно смело включают материал корейского языка в свои исследования (Старостин, 1991; Starostin, Dubo, Mudrak, 2003). К гипотезе о принадлежности корейского и японского языков к алтайской семье В.Л. Котвич относился весьма осторожно: «Эта гипотеза, – пишет он, – как и другие попытки расширить алтайскую семью путем включения в нее японского, юкагирского или других палеоазиатских языков, имеет, по крайней мере в настоящее время, мало шансов на прочное место» (Котвич, 1962, 353). Несмотря на то, что тезис

этот был впервые оглашен более чем полвека тому назад, он все еще остается в силе.

Итак, главные выводы В.Л. Котвича заключаются в том, что основу материальной общности тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков составляют не общее наследие праязыковой эпохи, а типологическое сходство и результат многовековых интенсивных взаимозаимствований. Эти провиденческие заключения выдающегося польского алтаиста, высказанные более чем полвека тому назад, легли в основу нового направления в сравнительно-историческом изучении тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Пионерные высказывания В.Л. Котвича имеют важное методологическое значение для дальнейших углубленных исследований в области алтаистики.

В диахроническом изучении монгольских языков значительные успехи были достигнуты в области сравнительно-исторической фонетики. Выдающуюся роль в этом направлении сыграли Б.Я. Владимирцов, Г.Д. Санжеев и их последователи, которые на основе сравнения фонетических явлений письменных и народно-разговорных монгольских языков восстанавливали праформы исторических эпох, проанализировали историю развития фонетической структуры живых монгольских языков и диалектов, установили, что эти языки и диалекты с XII-XIII вв. по настоящее время претерпели значительные фонетические изменения, наконец, обрисовали общую сравнительную картину фонетического облика монгольских языков.

Б.Я. Владимирцов, его ученик Г.Д. Санжеев и их последователи подробно изучили вопросы, связанные с образованием долгих гласных и дифтонгов в монгольских языках, особо тщательно проследили судьбу гласного *i* первого слога, выявили исключительно важную роль «перелома» *i* в образовании мягких согласных звуков, в ассимилятивных процессах, в изменении характера некоторых согласных, т.е. так называемого «перелома гласных» (Ramstedt, 1903; Владимирцов, 1929, 176-190; Санжеев, 1953,

94; Poppe, 1956, 43-48; Kałužiński, 1965, 340-347; Janhunen, 1991, 181-191 и др.), под которым подразумевается преобразование гласного *i* в первом слоге многосложных слов, и которое охватывает почти все монгольские языки начиная со среднемонгольского состояния. Традиционно «перелом» описывается как разновидность регрессивной ассимиляции **i* первого слога под влиянием гласного последующего слога, когда он трансформируется в широкий лабиализованный, широкий нелабиализованный или узкий лабиализованный гласные. Природу «перелома» Б.Я. Владимирцов объяснял так: «М.-п. *i* < **i* и *i* является фонемой слабой, легко подвергающейся в дальнейшей жизни языка различным изменениям и легко уступающей место другим фонемам» (Владимирцов, 1929, 190). По трудам Б.Я. Владимирцова были известны два «перелома» этого гласного. Г.Д. Санжеев обнаружил в истории монгольских языков три «перелома» (Санжеев, 1953, 104-114).

Весомый вклад в становление алтайской теории внес Г.Д. Санжеев, опубликовав очерк взаимоотношений монгольского и маньчжурского языков (Санжеев, 1930, № 8, 9), а также ряд статей по алтаистической проблематике (Санжеев, 1947; 1952; 1965; 1970; 1973; 1975). Г.Д. Санжеев в своих крупных исследованиях по сравнительной грамматике монгольских языков неоднократно затрагивал сложные алтаистические проблемы, и в результате своих наблюдений над монгольскими, тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками все более склонялся к отрицанию предполагаемого родства алтайских языков (Санжеев, 1953; 1963).

В двухтомной сравнительной грамматике монгольских языков Г.Д. Санжеев предложил новую классификацию монгольских языков и диалектов и высказал гипотезу о существовании единого, не разделенного на диалекты, монгольского языка вплоть до XIII века, показал процесс выделения самостоятельных монгольских языков в связи с распадом империи Чингисхана. В работе Г.Д. Санжеева представлена детальная картина фонетической эволюции

монгольских языков, даются очерки частей речи, структуры предложения, описывается система склонения имен, употребления падежных форм и послелогов (Санжеев, 1953), образования и употребления глагольных форм (Санжеев, 1964).

В заключении второго тома своей «Сравнительной грамматики монгольских языков: Глагол» Г.Д. Санжеев подчеркивает: «Отметим также, что при историческом рассмотрении именно глагольных форм, наличных в монгольских языках, гипотеза исконного родства последних с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками становится весьма сомнительной и маловероятной» (Санжеев, 1963, 261). Такой вывод находится в полном соответствии с теорией заимствований, если, к тому же учесть, что глаголы и, тем более, глагольные формы вообще являются малопроницаемыми из одного языка в другой даже при интенсивных контактах между ними. Там же в сноске Г.Д. Санжеев отмечает: «К этим же выводам можно прийти в ходе изучения основного лексического фонда так называемых алтайских языков» (Санжеев, 1963, 261). Не отрицая значительных достижений ортодоксальной алтаистики, Г.Д. Санжеев подчеркивает, что применение сравнительно-исторического метода в алтаистике «показало и доказало возможность его применения и тогда, когда при его помощи изучаются явления в языках, которые не являются изначально родственными» (Санжеев, 1975, 16-17).

Т.А. Бертагаев наоборот предполагает генетические связи между тюркскими и монгольскими языками. Занимаясь внутренней реконструкцией форм монгольских языков, он пришел к заключению, что этимология ряда слов, предлагавшаяся Б.Я. Владимирцовым и рядом других исследователей как тюркские заимствования в монгольских языках, малообоснованна. Эти слова в монгольских языках, согласно раскладкам Т.А. Бертагаева, имеют разветвленные семантические связи и являются исконными. По его мнению, например, «названия цветов с конечным $=p(a)$ имеют на

монгольской почве такую же крепкую основу, как и все другие названия цветов. Нет оснований их считать заимствованными ни в тюркские языки из монгольских, ни в монгольские из тюркских. Все это свидетельствует, по-видимому, о генетических связях между языками» (Бертагаев, 1971, 109). Однако следует подчеркнуть, что методика морфологического анализа Т.А. Бертагаева (Бертагаев, 1974) не всегда отвечает строгим требованиям, а потому его основные выводы не могут быть признаны окончательными.

В результате сравнительного изучения лексики бурятского и халха-монгольского языков Т.А. Бертагаев установил, что в их лексических фондах обнаруживается огромный пласт разностных слов, которые отсутствуют в словарном составе одного из этих языков. Часть этих разностных слов, очевидно, относится к праязыковому наследию общемонгольского происхождения, другая, более значительная, часть определяется как сепаратные тюркские заимствования в том ли другом языке, а еще одна часть – как тунгусские (эвенкийские) заимствования в бурятском. По вопросам сравнительного изучения лексики монгольских языков Т.А. Бертагаев опубликовал многочисленные статьи и монографии. Кроме докторской диссертации «Лексика монгольских языков» (1949) в рамках разрабатываемой темы особо актуальны труды Т.А. Бертагаева обобщающего характера (Бертагаев, 1961; 1971; 1974), в которых содержится много интересных мыслей по истории лексики монгольских языков.

В течение многих лет изучением тюркско-монгольских лексических соответствий и выявлением общих фонетических закономерностей занимался Ц.-Д. Номинханов. Ему удалось выявить многочисленные лексические параллели между обеими языковыми группами с привлечением данных из китайского, тибетского, персидского, арабского и др. языков. Ц.-Д. Номинханов в своих статьях и монографических исследованиях настойчиво проводит мысль об исконном родстве алтайских языков (Номинханов, 1955; 1964; 1966;

1975 и др.). Много сил и внимания он уделил выявлению и объяснению тюркско-монгольских, в том числе и казахско-монгольских, лексических параллелей (Номинханов, 1958: 1959; 1962; 1964; 1969: 1975).

Ц.-Д. Номинханов выявил в тюркской и монгольской группах алтайских языков свыше 1500 слов, сходных по лексическому составу, грамматической форме и содержанию; в том числе имен существительных – 938, прилагательных – 85, глаголов – 477. Исследования фонетических систем тюркских и монгольских языков в сравнительно-сопоставительном плане привели ученого к заключению об общности фонетических законов этих групп языков (развитие долгих гласных, чередование некоторых согласных), о тесной экономической и культурной взаимосвязи тюркских и монгольских народов с древних времен (Номинханов, 1975, 5, 16).

«Самым мощным пластом в калмыцком языке, – пишет Ц.-Д. Номинханов, – являются калмыцко-тюркские параллели. Этот пласт настолько мощный, что вызывает различные толки среди ученых востоковедов. Одни склонны думать об общности происхождения тюрко-монгольских языков, а другие – придерживаются противоположного мнения. Эти параллели в калмыцком языке легко разделить на две группы. В одной из них легко установить их происхождение: калмыцкие (шире – монгольские. – Ж.Т.) или тюркские, а в другой – совершенно невозможно сказать чьи они, эти «параллели». Последних, я полагаю, восходящими к общей тюрко-монгольской языковой основе» (Номинханов, 1975, 19).

Однако надо отметить, что Ц.-Д. Номинханов, будучи сторонником ортодоксальной алтаистики, не предпринимает никаких попыток выяснения истинной природы тюркско-монгольских лексических сходжений и ограничивается только систематизацией параллелей. Между тем львиная доля собранных и систематизированных им тюркско-монгольских лексических параллелей при ближайшем знакомстве оказывается заимствованием.

В середине прошлого века, уже после появления обобщающих работ Г.Й. Рамстедта и Н. Поппе, стало ясно, что в традиционной алтаистике наступает кризисная ситуация. Сторонники ортодоксальной алтаистики, несмотря на многолетнюю и весьма продуктивную работу, так и не смогли убедить научную общественность в существовании постулируемого ими генетического родства между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также корейским и японским языками, традиционно объединяемым в одну макросемью, называемую алтайской.

Кризис ортодоксальной алтайской теории поставил под сомнение продуктивность ее дальнейшего развития. Как справедливо заметил Д. Синор, если крупные ученые не в состоянии доказать тезис о генетическом родстве алтайских языков, то, очевидно, есть что-то неправильное в самом этом тезисе (Sinor, 1963, 144).

С середины прошлого века наряду с традиционной компаративистической алтаистикой постепенно развивается другое направление, сторонники которого подчеркивают важность исторических связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и обращают внимание не только на их материальные сходства, но и на расхождения, прослеживающиеся на всех уровнях структуры этих языков – фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и т.д. (См., например, Щербак, 1959, 51-63; 1960, 1-15; 1966, 21-35; 1968 б, 62-70; 1974, 340-350; 1986, 47-59; 1997).

Исследователи алтайских языков стали понимать, что сходства, обнаруживаемые в структуре тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, не обязательно являются следствием их изначального генетического родства; нередко сближение языков, независимо от характера первоначальных связей между ними, обусловлено их взаимопроникновением, степень и размеры которого зависят от разных обстоятельств (Рона-Таш, 1974, 31-32; 1987, 6-16) и прежде всего от продолжительности и интенсивности контактов.

Положение дел в алтаистике стало меняться кардинальным образом начиная с 50-х годов прошлого века. В 1956 году появилась небольшая по объему полемическая статья Дж. Клоусона «Доводы против алтайской теории», которой автор рассматривает ряд противоречий ортодоксальной алтайской теории. Английский тюрколог и монголист Дж. Клоусон воспринимает алтайскую общность не как семью генетически родственных языков, а как сообщество разнородных языковых групп, сложившееся в условиях тесных и продолжительных взаимных контактов (Clauson, 1956, 181-187). Эта короткая статья вызвала оживленные дискуссии в алтаистических кругах. Исследователи алтайских языков разделились на два лагеря: одни встали на защиту ортодоксальной алтайской теории Г.Й. Рамстедта, другие, присоединившись к таким традиционным противникам алтайской теории, как Ю. Немет, Л. Лигети, Й. Бенцинг, целыми сериями статей и монографий стали оспаривать саму суть алтайской теории и ряд ее конкретных положений. Острая полемика между алтаистами и антиалтаистами, то затухая на время, то возгораясь с новой силой, продолжается и в наше время. На стороне ортодоксальной алтаистики стоят Н. Поппе (Poppe, 1958; 1962; 1967; 1969; 1974; 1975; 1977; 1983), Н.А. Баскаков (Баскаков, 1957; 1970; 1971; 1981), П. Аалто (Aalto, 1955; 1969), О. Прицак (Pritsak, 1964; 1980), К.Г. Менгес (Menges, 1961; 1974; 1975; 1984), В.И. Цинциус (Цинциус, 1969; 1971; 1972; 1979; 1984), В.М. Иллич-Свитыч (Иллич-Свитыч, 1963; 1965; 1967; 1971; 1976; 1984), М.Р. Федотов (Федотов, 1989; 1983; 1986; 1996 и др.), С.А. Старостин (Старостин, 1991) и др. защитники концепции Г.Й. Рамстедта, которые отстаивают свои взгляды на разработанной в большей или меньшей степени в своих подробностях целостной системы представлений на изначальное родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Сторонниками противопоставляемой традиционной алтаистике концепции (взаимо)заимствований выступают

Й. Бенцинг (Benzing, 1953; 1958), Д. Шинор (Sinor, 1963; 1988), Г. Дёрфер (Doerfer, 1963; 1965; 1966; 1967; 1974; 1984), А.М. Щербак (Щербак, 1959; 1960; 1963; 1966; 1968; 1974; 1984; 1986; 1987; 1994; 1997), Б.А. Серебренников (Серебренников, 1960; 1971; 1980; 1982; 1986; 1988; Серебренников, Харькова, 1983), Дж. Клоусон (Clauson, 1959; 1960; 1962; 1965; 1969; 1973; Клоусон, 1969), А. Рона-Таш (Róna-Tas, 1970; 1973; 1975; 1976; 1978; 1982; 1983; 1986; 1991; 1998; 1999; Рона-Таш, 1974; 1987; 1990) и др. Антиалтаисты пытаются доказать, что тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и некоторые другие языки, традиционно объединяемые в так называемую алтайскую семью, не имеют изначального генетического родства и все выявленные традиционной алтаистикой материальные сходения между ними при углубленном компаративном изучении оказываются заимствованиями, взаимозаимствованиями и переаимствованиями. Сторонникам теории заимствований пока еще не удалось должным образом систематизировать огромный по своему объему репрезентативный эмпирический материал таким образом, чтобы он в принципе отличался от установившейся в традиционной алтаистике систематизации. В частности, антиалтаисты вместо этого довольствуются попытками заново интерпретировать некоторые отрывочные положения и факты ортодоксальной алтайской теории Рамстедта – Поппе. Исследователи алтайской проблематики все еще не поняли, что гордиевым узлом алтаистики в целом является чрезвычайно сложный вопрос разьяснения истинной природы чувашско-монгольских языковых соответствий. Ключом для однозначного разрешения архисложной и запутанной алтайской проблемы прежде всего является новый подход к комплексной разработке древних этапов истории тюркских языков, а в их числе – разумеется, прежде всего чувашского (огуро-булгаро-чувашского) языка. Заложенные основоположниками ортодоксальной алтаистики в основу гипотезы изначального генетического родства тюркских, монгольских и

тунгусо-маньчжурских языков две дилеммы – «ротацизма-зетацизма» и «ламбдацизма-сигматизма», как выясняется, является проблемой не алтайского, а тюркского уровня, и решить ее следует несомненно на тюркском материале с учетом ранних протобулгарских (=огурских) заимствований в монгольском языке.

Во второй половине XX в. параллельно с традиционной алтаистикой начинает развиваться новое направление, получившее название теории заимствований. Видными представителями нового направления в современной алтаистике являются Дж. Клоусон, А. Рона-Таш, Г. Дёрфер, А.М. Щербак и др., которые на широком конкретном материале доказывают, что материальное сходство между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и монгольскими и тунгусо-маньчжурскими, с другой, наиболее последовательно объясняется как результат долговременных и интенсивных взаимовлияний между языками, объединяемыми в алтайскую макросемью.

Надо отметить, что тесные взаимные контакты между тюркскими и монгольскими языками, как в том, так и в другом направлениях, то затухая на определенное время, то вновь возгораясь, продолжались на протяжении всего доступного обозрению исторического времени.

Согласно исследованиям Дж. Клоусона (Clouston, 1959; 1960; 1962; 1969), ранние тюркские заимствования проникали в общемонгольский праязык вследствие продолжительных контактов тюркских и монгольских племен, начавшихся приблизительно с IV-V вв. Так как тюрки находились в культурном отношении на более высокой ступени развития, чем монголы, то заимствовали преимущественно монголы у тюрков.

В тюркских лексических заимствованиях в монгольских языках Дж. Клоусон выделяет три одновременных пласта, которые отличаются друг от друга некоторыми особенностями фонетических соответствий с тюркскими словами. Первый слой заимствований относится им к периоду до VIII в. н.э.,

второй слой составляют тюркизмы, проникшие в период между VIII и XII вв., третий – заимствования, имевшие место в XII и XIII вв.

Наиболее ранний пласт тюркских слов, по предположению Дж. Клоусона, был заимствован древними монголами (а также киданями или каким-либо другим монгольским племенем) предположительно из языка племени *табгач* ~ *тавгач* (кит. *топа*), основавшего династию Северная Вэй (386-535 гг. н.э.). Весьма примечательна при этом попытка Дж. Клоусона идентифицировать этническое название современных чувашей *чэваш* с древнетюркским племенным названием *табгач* ~ *тавгач* (О языке племени *топа* см. Bazin, 1949).

Здесь, очевидно, следует рассказать несколько подробнее о племени *тоба*. В IV в. н.э. один из племенных союзов южной ветви сяньбийских народов, названный в китайских хрониках народом *тоба*, покинув древние кочевья, расположенные на нынешнем северо-востоке Китая, перекочевал к северной излучине Желтой реки (Хуанхе) и докочевил северо-западную, а потом и всю северную часть тогдашней территории Срединного государства, то есть Китая. Быстро усвоив китайское административное искусство, тоба создали сильное государство, во главе которого стали их вожди. Династия Тоба-Вэй (388-550 гг. н.э.), как и другие поздние «варварские династии» Китая, всячески поощряла распространение буддизма. Тоба был смешанный тюркско-монгольский народ – читаем мы в солидной монографии В. Эберхарда «Государство Тоба в Северном Китае» (Eberhard, 1949, 252). По общепринятому мнению, их лексика, сохранившаяся в китайской иероглифической транскрипции, отражает тюркский язык (Bazin, 1950, 228-329; П. Пельо пишет, что тоба были «тюрки или монголы»; см. Pelliot, 1930, 195). Однако среди этих слов, большинство из которых

Монголоязычными Дж. Клоусон считает известные по китайским источникам племена шивэй, ювэнь, си (татабы) и цитань (кидани).

определено как тюркские и монгольские, то есть общие для этих двух групп алтайской общности, бывают и такие, которые толкуются только на материале монгольских языков (Boodberg, 1936, 167-189).

Китайские источники сообщают, что у тоба было свое письмо, собственная литература, но из письменной словесности тоба ничего не дошло до нас, кроме названий книг, и то в китайском переводе (Кара, 1972, 8-9).

Некоторые исследователи полагают, что племенной союз тоба включал тюркские и монгольские этнические группы, и государственным языком был «сяньбийский диалект» древнемонгольского языка (Лигети, 1969, 107-117; Кара, 1972, 9).

Государство Тоба-Вэй в свое время было щитом Китая против новых волн северных кочевников. Считается, что к VI веку н.э. тоба окончательно китаизировались и в VIII веке этноним тоба, который известен из древнетюркских орхонских памятников в форме *tab ʏač*, обозначал уже Китай и китайцев (Кара, 1972, 9).

По мнению Дж. Клоусона, язык табгачей существенно отличался от языка других тюркских племен, известных по китайским источникам, – сяньби, мужун, ухуань и др., и имел следующие фонетические особенности:

1) наличие в начальной позиции ряда слов звонкого зубного спиранта *d*, изменившегося после VIII в. в *j* (у монголов в словах, заимствованных в этот период, он отразился как *d*); ср. табгач. **daŋ* «враг» ~ общетюрк. (после VIII в.) *jaŋ* ~ каз. *žaw* ~ чув. *šuj* ~ монг. *dali(n)* (Здесь и далее примеры даются в принятой в данной работе транскрипции и с нашими комментариями и сближениями. – Ж.Т.);

2) сохранение начального, *ñ* (*j̃*, т.е. назализованного *j*), который в тюркских языках после VIII в. изменился в *j* (в словах, заимствованных монголами до VIII в., он отразился как *n*); ср. табгач. **ñudruq* «кулак» ~ общетюрк. (после VIII в.) *judruq* ~ каз. *žudiriq* ~ чув. *šāmār* ~ *čāmār* (< *ñājār, с

назализацией *-j- под влиянием анлаутного ñ-; *-j- < *d перед последующим через гласный r) ~ монг. *nudurɣa* (монгольская форма скорее всего указывает на огур. **ñuduruy*);

3) переход z в r в конце и середине слова (т.н. «алтайский ротацизм»); в древнетюркских языках стандартного типа z сохраняется; для древнемонгольского языка в этой группе заимствований характерен ротацизм); ср. табгач **ökür* (< вост.-иран., ср. тох. *okso*) «бык» ~ общетюрк. (после VIII в.) *ökuz* ~ каз. *ögiz* ~ чув. *vãGär* ~ монг. (*h*)*üker*;

4) переход š в l в конце и середине слова (в древнетюркских языках стандартного типа š сохраняется; для древнемонгольского языка в этой группе заимствований характерен ламбдацизм); ср. табгач **tavilyan* «заяц» ~ общетюрк. (после VIII в.) *tavišyan* ~ монг. **tabilya(n)* > *ta'ulɣa* > *ta'ulaj*;

5) изменение интервокального ɣ в j; ср. табгач. **taqıɣa* «курица» общетюрк. (после VIII в.) *taqıɣu* ~ каз. *tawıq* ~ чув. *čãɣã* ~ монг. *takija*.

Следовательно, тюркские лексические заимствования, проникшие в древнемонгольский до VIII в. н.э., характеризуются наличием анлаутных d- (~ тюрк. орх. j-) и ñ- (~ тюрк. орх. j-), интервокального -j- (~ тюрк. орх. -ɣ-), а также ротацизмом (~ тюрк. орх. z) и ламбдацизмом (~ тюрк. орх. š).

Практически все эти особенности вместе могут быть обнаружены только в языке протобулгар (=огуров) с учетом древнебулгарских заимствований венгерского языка, данных среднебулгарских эпиграфических памятников и среднебулгарских заимствований в поволжских и пермских финно-угорских языках и современного чувашского языка.

Дж. Клоусон добавляет, что в тюркских словах, заимствованных монголами до VIII в. н.э., d в середине слова изменялся в j (ср. тюрк. *idi* «хозяин, господин» → монг. *ejen*), а после смычных и некоторых других согласных в конце слова появлялся дополнительный гласный, n или дополнительный слог (ср. тюрк. *balıq* «город» → монг. *balıyasun*; тюрк. *tanıq*

«посев» → монг. *tarijan*; тюрк. *baj* «богатый» → монг. *bajan*: тюрк. *miñ* «тысяча» → монг. *miñyaŋ*).

Для тюркских лексических заимствований, проникших в древнемонгольский язык до VIII в. н.э., характерно обилие административных, социальных и хозяйственных терминов и наименований, в т.ч. значительное число терминов высоко развитого животноводства, металлургии и металлообработки, названий основных земледельческих культур, музыкальных инструментов и т.д.

Согласно исследованиям Дж. Клоусона, во второй период тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений, датируемый хронологическим периодом VIII-XII вв., в среднемонгольский проникли слова из какого-то одного северо-восточного тюркского языка, в котором исторический анлаутный *j*- перешел в *ǰ*-. Тюркизмы с инициальным *ǰ*- прослеживаются уже в языке «Сокровенного сказания».

В данный период вокализации, т.е. прибавления к концу слова неэтимологического гласного, подвергались, очевидно, только те тюркские слова, которые оканчивались на глухой согласный.

Ауслаутные *-z* и *-ǰ* тюркских слов при заимствовании в среднемонгольский трансформировались в *-s*.

Судя по переходу анлаутного *j*- в *ǰ*-, это был какой-то восточный диалект тюркского языка стандартного типа, на основе которого, видимо, впоследствии развивались тюркские языки джокающего типа, в том числе и казахский.

Третий период тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений датируется Дж. Клоусоном XII-XIII вв., т.е. временем возвышения монголов. В этот период в среднемонгольский язык проникают лексические заимствования из тюркских языков и диалектов Восточного Туркестана и, в частности, из уйгурского языка. В тюркских лексических заимствованиях третьего периода в среднемонгольском анлаутный *j*- и ауслаутный *-ǰ* сохраняются без изменений.

Среди тюркских лексических заимствований третьего периода в среднемонгольском широко представлены культурные и религиозные термины, проникновение которых в монгольские языки было связано с принятием буддизма и адаптацией уйгурского письма (Щербак, 1963, 151).

После появления основополагающих трудов Дж. Клоусона скептическое отношение к ортодоксальной алтайской теории усилилось, стали появляться научные исследования, подтверждающие достоверность и последовательность теории о контактном происхождении материальной общности внутри алтайских языков. К высказанной Дж. Клоусоном идее о ранних тюркских заимствованиях в монгольском наиболее близко примыкает тезис венгерского алтаиста А. Рона-Таша о том, что источником ранних тюркизмов в монгольских языках является древний тюркский язык булгаро-чувашского типа (Рона-Таш 1974, 31-45). В этой работе А. Рона-Таш главное внимание уделяет методике исследования тюркско-монгольских лексических параллелей и проблемам разграничения древних заимствований от общего наследия. Автор приводит в общей сложности более десяти аргументов (диагностических признаков), по которым можно с достаточно высокой вероятностью сепарировать наиболее ранние тюркские лексические заимствования в монгольских языках, которые традиционной алтаистикой обычно квалифицируются как общее наследие праязыковой эпохи. При этом автор подчеркивает: «Использование одного из них поможет только с большей или меньшей степенью вероятности отделить древние соответствия от заимствований. Но с показаниями совокупности этих аргументов, полученными в результате анализа значительного по своему объему материала, исследователь обязан считаться» (Рона-Таш, 1974, 32).

Для определения заимствованного характера межалтайских лексических параллелей А. Рона-Таш предлагает следующие диагностические признаки, которые у него названы «аргументами»: этимологический аргумент.

семантико-исторический аргумент, свидетельство синонимов, аргумент основного словарного фонда, аргумент числительных, аргумент местоимений, культурно-исторический аргумент, аргумент иноязычных заимствований, аргумент лингвистической географии, аргумент фонемной системы, аргумент исторической фонологии и, наконец, роль гипотез.

В результате глубокого этимологического анализа тюркско-монгольских лексических сходжений Андраш Рона-Таш пришел к такому заключению: «Тюркские заимствования в монгольском до XIII в. вполне определенно свидетельствуют о том, что заимствовались они из множества различных тюркских языков в различные исторические периоды. Одним из тюркских языков – источником подобных заимствований должен был быть язык, принадлежащий к чувашско-булгарской группе. Надо думать, что последующие исследования выявят еще больше пластов древних булгаро-монгольских контактов» (Рона-Таш, 1974, 42-43).

Что касается хронологических рамок древнейших булгарско-монгольских контактов, то исследователи в этом отношении проявляют большую осторожность. А. Рона-Таш ограничился замечанием, что «важнейшей задачей в изучении алтайских языков является исследование исторических контактов в течение периода между началом второго тысячелетия до н.э. и началом второго тысячелетия н.э.» (Рона-Таш, 1974, 45).

А. Рона-Таш убедительно показал, что тюркско-монгольская общность строевых элементов языка, в том числе – прежде всего на уровне лексики, во многом состоит из ранних тюркизмов в монгольских языках, относящихся к влиянию со стороны языка булгаро-чувашского типа. Учитывая, что булгарские племена ушли на запад вместе с хуннами, или даже чуть раньше их, мы можем предположить, что эти контакты происходили в Центральной (Внутренней, Срединной) Азии до III в. н.э.

Главной отличительной особенностью концепции Дж. Клоусона и в еще большей степени Андраша Рона-Таша является то, что они нашли единственно подходящий «ключ» для разрешения алтайской проблемы: это – изучение древнейших огуро-булгаро-чувашско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. В этом отношении венгерское востоковедение в силу ряда объективных причин оказалось наиболее продвинутым. Благодаря наличию значительного числа тюркизмов, в том числе – древних булгаро-чувашских заимствований в лексическом фонде венгерского языка, венгерские лингвисты-компаративисты традиционно обращали огромное внимание на изучение восточных языков. Всему миру известны труды таких венгерских алтаистов-компаративистов, как Й. Буденц (Budenz, 1881 а, б), Б. Мункачи (Munkaczi, 1884, 1886-1887; 1890; 1901), З. Гомбоц (Gombocz, 1905; 1908; 1912; 1912-1913), Ю. Немет (Németh, 1912 а; 1912 б; 1913 а; 1921; 1928 а, б; 1928-1930), Л. Лигети (Ligeti, 1953; 1960 а, б; 1961 а; 1973 а; 1977; 1979; 1986), А. Рона-Таш (Róna-Tas, 1970 а; 1971-1974; 1973; 1975 в; 1976 б; 1978; 1982 а; 1982 г; 1983 а; 1986; 1988 б; 1991; 1999 б) и др. Объединив результаты многовековых исследований отечественных ориенталистов с успехами мировой компаративистики, венгерские ученые создали прекрасную базу для углубленного изучения истории чувашского, тюркских и урало-алтайских языков в целом.

Современное состояние венгерской алтаистики получило наиболее полное и разностороннее отражение в докторской диссертации А. Рона-Таша «Основы исследования родства алтайских языков (Теория языкового родства и чувашско-монгольские языковые взаимоотношения)» (Róna-Tas, 1970 а; см. также: 1978; 1986; 1999).

В главе «Булгаро-тюркские заимствования монгольского языка» (с. 994-1023) А. Рона-Таш выступает с решительной критикой против провозглашенной Г.Й. Рамstedтом и Н.Н. Поппе гипотезы генетического родства алтайских языков и на основе анализа огромного объема лингвистического

материала аргументированно провозглашает, что чувашско-монгольские соответствия не являются общим наследием праалтайского языка, а представляют собой протобулгарские заимствования в монгольском. Этимологический анализ лексического материала показывает, что значительное большинство чувашско-монгольских лексических сходжений этимологизируется на тюркской языковой почве и не поддается объяснению на материале монгольских языков. Анализ семантики соответствующих слов показывает, что монгольские параллели, как правило, имеют вторичное, более узкое специализированное значение. Монгольские языки «рядом тюркских лексических сходжений имеют свои исконные синонимические пары, что также свидетельствует в пользу мнения о заимствованном характере соответствующих синонимов, имеющих тюркские параллели. По подсчетам А. Рона-Таша, до 27% «маркированных» (то есть отмеченных специфическими болгаро-чувашскими фонетическими и иными признаками. – Ж.Т.) слов относится к терминологии, связанной с высокоразвитым животноводством, а большая часть других слов – к лексике культурного круга. А. Рона-Ташу удалось также установить определенную закономерность в ареально-географическом распределении чувашско-монгольских лексических параллелей. Оказывается, что значительная часть подобной лексики встречается только в западномонгольских языках, вместе с тем нет таких лексических сходжений, которые встречались бы только в восточномонгольских языках. Это явно свидетельствует о том, что огуро-булгары были западными соседями древних монголов.

Вместе с тем А. Рона-Таш постоянно подчеркивает, что выявление древнебулгарских элементов в монгольском языке еще не служит поводом для полного отказа от алтайской гипотезы. После снятия всех болгаризмов может остаться определенный, видимо незначительный по объему, пласт тюркско-монгольских соответствий. Если имелись генетические отношения между алтайскими языками, то этот

оставшийся пласт должен быть отнесен к более древним временам, чем установленные булгарско-монгольские контакты (Рона-Таш, 1970 а).

Таким образом, исследования В. Котвича, Дж. Клоусона, А. Рона-Таша и их последователей прочно заложили основы нового направления в изучении алтайских языков, который заключается в выявлении взаимных заимствований и перезаимствований.

Неудачи традиционной алтаистики привели исследователей к необходимости пересмотра методики исследования алтайских параллелей, причем наиболее последовательные сторонники этого пересмотра рассуждают примерно так: сходства, обнаруживаемые между разными языками, не обязательно являются следствием происхождения объединяемых в алтайскую семью языков из единого языка-основы, но могут быть и результатом разного рода контактов между ними.

Вследствие этого, в середине прошлого века в пылу полемики между сторонниками и противниками ортодоксальной алтайской гипотезы зарождается новое направление в изучении материальной общности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков, суть которого заключается в выявлении разновременных взаимозаимствований между ними. Сторонников теории заимствований часто называют антиалтаистами, но это не совсем корректно. Даже ярые сторонники теории «приобретенного родства» или «средства» алтайских языков практически никогда полностью не отреклись от идеи генетического родства так называемых «алтайских языков». Они просто выяснили для себя, что сравнительные штудии Г.Й. Рамстедта, Н.Н. Поппе и их последователей построены на таком фактологическом материале, который при углубленном филологическом анализе с привлечением более широкого круга новых источников и более современной компаративной методики однозначно определяется как заимствованный. При этом

серьезные исследователи всегда оговаривались, что после снятия взаимозаимствований может остаться определенный пласт материальных сходжений, который претендует быть следствием древнего генетического родства. Поэтому это новое направление более правомерно называть **неоалтаистикой**.

Идея возможных взаимозаимствований между разными представителями алтайских языков давно витала в воздухе и не раз печатно провозглашалась алтаистами. Крупнейший представитель ортодоксальной алтаистики В. Банг еще в 1932 году писал: «Чем больше я старею, тем больше считаю просто абсурдным сравнивать между собой два языка, скажем монгольский и тюркский, до того как мы установим, что ими было заимствовано, дважды заимствовано и пере-заимствовано» (Bang, 1932, 103).

После многолетних поисков в области алтаистики, а особенно в плане тюркско-монгольской языковой общности в последнее время все больше раздается голосов за пересмотр методики, за другой подход к решению проблемы. Причина невозможности однозначного решения алтайской проблемы, в том числе и тюркско-монгольской языковой общности, по моему убеждению, кроется в недостаточно верной методике проводимых ортодоксальной алтаистикой исследований. Противники теории изначального генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков уже достаточно давно выдвигают мнение, что следует пересмотреть методику и изменить тактику поисков, чтобы вывести алтаистику из тупика и оградить от бесконечных полемик.

В случае с многочисленными тюркско-монгольскими, с одной стороны, и монгольско-тунгусо-маньчжурскими, с другой, лексическими параллелями наличие между ними продолжительных, разносторонних и многократных исторических контактов несомненно. Эта истина одинаково принимается как традиционными и умеренными алтаистами, так и антиалтаистами.

Выделением и изучением внутриалтайских взаимозаимствований начинают заниматься и представители ортодоксального направления, однако они признают тюркско-монгольские языковые контакты преимущественно позднего времени, а ранние тюркские заимствования, проникшие в прамонгольский из языка огуро-булгаро-чувашского типа, считают общим праалтайским наследием.

Опознать разновременные тюркские заимствования в монгольских языках и, наоборот, монголизмы в тюркских часто нелегко, и далеко не всегда удается однозначно установить источник заимствования (Рорре, 1958, 93-97). Тем не менее, следует все же подчеркнуть, что эта проблема, в общем-то поддающаяся решению при применении комплекса диагностических признаков (Щербак, 1997; Clauson, 1959, 177-178; Рона-Таш, 1974, 31-45; Рассадин, 1980 и др.), излишне и неоправданно осложняется.

Глубокие расхождения, доминирующие прежде всего в области основного словарного фонда тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, привели значительную группу специалистов из разных стран к отрицанию существования большой алтайской семьи, по крайней мере, в хронологических рамках сколько-нибудь доступного историческому обзору периода. Выявленные традиционной ортодоксальной алтаистикой материальные схождения (известное количество общих слов и грамматических – словообразовательных и, отчасти, словоизменительных элементов), по мнению неоалтаистов, является следствием многовековых интенсивных взаимовлияний, исторических контактов, смешений тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Из истории досконально известно, что народы, объединяемые в обширную алтайскую общность, в течение длительного времени находились в состоянии тесного контакта друг с другом, в ходе чего языки этих народов обменивались своими ценностями, словами и грамматическими формами. Поэтому, по мнению В.Л. Котвича, Дж. Клоусона, Г. Дёрфера, А. Рона-

Таша, Л. Лигети, Г.Д. Санжеева, А.М. Щербака, Б.А. Серебренникова, В.И. Рассадина и др., алтайские языки невозможно признать изначально родственными, нельзя считать их «потомками» гипотетического алтайского праязыка, которого, следовательно, никогда не существовало (Санжеев, 1975, 5). Наиболее полно доводы сторонников этой точки зрения на алтайскую проблему изложены Г. Дёрфером. По его утверждению, монгольских слов в тунгусских языках очень мало, речь может идти только о заимствованиях в области культурных слов. Сравнение же тунгусских и тюркских языков дает еще больший повод против родства алтайских языков (Doerfer, 1963, 111-114).

В другой работе Г. Дёрфера читаем: «Есть, например, слова, общие для тюркских и монгольских языков, есть также слова, общие для монгольских и тунгусских языков, и есть отдельные слова, общие для всех трех языков, но нет слов, общих для тюркских и тунгусских языков» (Doerfer, 1966, 92-94). Однако следует заметить, что в тунгусо-маньчжурских языках обнаруживается довольно значительное число слов, имеющих вполне обоснованные и убедительные параллели в тюркских языках, в том числе и такие, которые не имеют надежных соответствий в монгольских языках (ТМС; см. также: Киекбаев, 1966, 93-94). В подобных случаях все же более правомерно допускать, что связующее звено из монгольских языков просто выпало за долгий исторический путь развития.

Г. Дёрфер указывает, «что общая или алтайская лексика ни в одном конкретном случае не представляет древнего родства, все это лишь старейшие праязыковые заимствования... По моему мнению, заимствование этих слов относится к эпохе *до новой эры*» (Дёрфер, 1981, 43). Следовательно, время наиболее ранних булгаро-тюркско-монгольских контактов отстоит от наших дней на две с лишним тысячи лет. Естественно, за столь значительный исторический период определенная часть лексики как в той, так и в другой ветви алтайских языков могла потерять свою

актуальность и выпадать, или же могла быть заменена неологизмами. В ряде своих работ Г. Дёрфер предполагает, что развитие алтайских языков шло в направлении от типологического («аналогического») родства к органическому («гомологическому») (Doerfer, 1965, 174-178; 1966, 81-123 и др.).

Возражения Г. Дёрфера против алтаистики хотя и настойчивы, но не всегда и во всем последовательны. В одном случае он все совпадения в алтайских языках считает заимствованиями, но не отрицает принципиальной возможности «изначально родственных слов» в этих безусловно неродственных языках, но в то же время подчеркивает, что «и в таких случаях было бы осмотрительнее предполагать... заимствования» (Дёрфер, 1972, 62).

Проявляя некоторую осторожность в отрицании алтайской гипотезы, Г. Дёрфер в последующих работах полемического характера стал избирать более умеренный тон. Сопоставляя языковое родство с биологическим, Г. Дёрфер заключает, что в отношении индоевропейских языков речь идет о гомологическом родстве, а отношении алтайских языков – об аналогическом, так как продолжительное совместное существование на одной и той же территории при одинаковых жизненных условиях (степное и кочевое скотоводство) при широко распространенном культурном и языковом контакте возникла тесная общность и внутренняя связь, так что «выражение «заимствование» может быть даже просто ошибочным, целесообразнее было бы называть его приобретенное родство» (Doerfer, 1966, 125). Предлагаемое Г. Дёрфером различие «аналогического» и «гомологического» родства языков по сути является переформулировкой традиционного противопоставления генетической и типологической близости, диахронических и диа топических отношений. Прямое сравнение языковых явлений с биологическими вряд ли правомерно, так как давно известно, что язык представляет собой явление общественное и

развивается по своим собственным законам, отличным от биологических.

Венгерский ученый Д. Дечи, резко отрицающий родство алтайских языков (Decsy, 1965), ставит под сомнение даже сам термин «алтайский». Другой венгерский монголист Л. Беше пишет, что «прародина алтайских языков территориально не определена даже приблизительно. Предполагают, что древняя территория совместного обитания предков народов, говорящих в настоящее время на алтайских языках, была где-то в Сибири, либо в Алтайском нагорье. В основе своей эта шаткая гипотеза никем не может быть оправдана» (Bese, 1957, 226). Некоторые зарубежные ученые, как об этом вскользь замечает Н.Н. Поппе, свои доводы против гипотезы праалтайской этноязыковой общности аргументируют тем, что на снежных горах Алтая не могли когда-либо обитать люди (Рорре, 1960, 6). Нетрудно догадаться, что это связано с общим представлением западноевропейцев о Сибири и Алтае как о безжизненной территории вечного холода и снежных бурь. Термин «алтайские языки» давно устоялся в мировой науке и успешно применяется более чем два века. Вопрос касается сущности самой общности тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Подробный компаративно-контрастивный анализ строевых элементов алтайских языков все же склоняет чашу весов в сторону приверженцев теории приобретенного родства. Исторические контакты между тюркскими и монгольскими языками имеют более чем двухтысячелетнюю историю и складывались на самых различных регионах аридной полосы Евразии. В свою очередь монгольско-тунгусо-маньчжурские взаимоотношения также имеют не менее чем тысячелетнюю историческую глубину и обширный ареал. Тем не менее, с учетом современных археологических и палеоантропологических исследований можно хотя бы в самых общих чертах определить время и место первых булгаро-тюркско-монгольских и монгольско-тунгусо-маньчжурских контактов.

Г.Д. Санжеев пишет, что «...уже в V в. тюркскую речь можно было слышать от верховьев Дуная до Амура и примерно от устья Верхней Уды, т.е. от современного города Улан-Удэ, до Тибета, то на монгольских «наречиях» еще в X-XII вв. говорили люди, жившие на узкой полосе от низовьев Селенги до излучины Желтой реки (ведь почти вся нынешняя Монголия была заселена тюрками)» (Санжеев, 1981, 257-258).

Наиболее ранние булгаро-тюркско-монгольские языковые контакты обычно датируются гораздо ранним периодом – от I тысячелетия до н.э. (Рона-Таш, 1974, 45), или же «эпохой до новой эры» (Дёрфер, 1981, 43) до времени существования династии Северная Вэй (386-535 гг. н.э.) (Clouston, 1959; 1961. 8). Обилие булгаро-тюркских заимствований в области терминологии развитого животноводства в монгольских языках позволяет несколько уточнить датировку. Археологи пишут, «что в степях Восточной Монголии в I тысячелетии до н.э. человек впервые в этих местах оседлал коня» (Новгородова, 1989, 281). На территории Монголии в эпоху бронзы и раннего железа (середина II – первая половина I тысячелетия до н.э.) выделяются три археологические культуры: культура херексуров – в Западной Монголии, культура плиточных могил – в Восточной Монголии и хэнтэйская культура – на Хэнтэй-Чикойском нагорье. Есть достаточно оснований, чтобы связать культуру херексуров с индоевропейцами (восточными иранцами), культуру плиточных могил – пратюрками, хэнтэйскую культуру – с прамонголами (Цыбиктаров, 2003, 80-97). Носители хэнтэйской культуры в период поздней бронзы (VIII-II вв. до н.э.) занимались охотой, рыболовством, собирательством; в обиход входят металлические орудия; несколько раз встречены кости домашних животных – козы и овцы (Цыбиктаров, 2003, 83). Поскольку в монгольских языках названия овцы (тюрк. *qojin* ~ *qojun*, каз. *qoj* → п.-монг. *qonin* «овца») и козы (тюрк. *ečki*, каз. *eški* «коза» → п.-монг. *esigen* «козленок») являются тюркскими заимствованиями, есть основания полагать, что ранние тюркско-монгольские

контакты начинали складываться в Центральной Монголии примерно в середине I тысячелетия до н.э. Как видим, развиваемая неолтаистами теория заимствований, по сравнению с ортодоксальной алтаистикой, более пластична и информативна, она хорошо укладывается на реальную археологическую карту.

Народы Внутренней, Центральной и Средней Азии в далеком прошлом были участниками и свидетелями активных исторических передвижений по их территориям многочисленных племен и народов, относящихся к индоевропейским, тюркским, монгольским, палеоазиатским и другим этноязыковым группам. Установление постоянных интенсивных контактов со многими кочевыми и оседлыми народами не могло не отразиться на языках населения обширной полосы Евразийских степей. Древний пласт лексики алтайских языков свидетельствует о многовековых тесных связях между тюркским, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими народами, говорящими на разных языках.

Языковая действительность обширной аридной полосы Евразийских степей, простирающейся от Маньчжурии на Востоке и до Дуная на Западе, предоставляет контактологическим исследованиям благодатную почву и обширный эмпирический материал. И хотя на самых ранних этапах истории здесь должны были преобладать центробежные тенденции, с постепенной концентрацией социально-экономической деятельности людей возрастал и объем процессов языковой интерференции, получивших самое различное выражение. На современном этапе развития гуманитарной науки довольно отчетливо выявляются несколько диахронических и диатопических пластов межъязыковых и межэтнических интерференций: индо-иранских и восточноиранских – в тюркскую среду, тюркских – в монгольскую, иранскую, финно-угорскую, славянскую и т.д., монгольских – в тунгусо-маньчжурскую, иранскую и тюркскую и т.д. Элементарным следствием межэтнических контактов явились в Центральной Азии многочисленные

взаимозаимствования и кальки, с которыми приходится считаться при изучении различных уровней структуры тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и целого ряда других исторически контактировавших языков.

Как об этом свидетельствуют письменные источники, народы, которые говорят на тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языках, традиционно объединяемых в одну алтайскую семью, по крайней мере в доступные обозрению последние два – два с половиной тысячелетия (а скорее, очевидно, и намного дольше), постоянно контактировали между собой. Эти контакты, взаимно обогащая алтайские языки, неизбежно нивелировали их возможное общее праязыковое наследие.

Видные представители традиционной алтаистики выявили сотни лексических параллелей между тюркскими и монгольскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими, а также тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Значительные пласты лексических, а также морфологических, соответствий между тремя группами языков, традиционно объединяемых в одну большую алтайскую семью, сосредоточены в основополагающих работах представителей классической алтаистической школы Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1952, 1957; 1953, 1954, 1982; Рамстедт, 1957), Н.Н. Поппе (Poppe, 1955, 1960, 1964, 1965), М. Рясанена (Räsänen, 1949, 1957, 1969; Рясянен, 1955), Б.Я. Владимирцова (Владимирцов, 1929) и др.

Так, например, в сугубо тюркологической в своей основе работе «Материалы по исторической фонетике тюркских языков» М. Рясанена обнаруживается около 200 лексических соответствий, общих для тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а часто также и для финно-угорских языков. Количество таких «общеалтайских» (внутриалтайских, межалтайских) лексических сближений значительно возросло в его этимологическом словаре (Räsänen, 1969).

Правда, работы представителей классической алтаистической школы требуют критического подхода, так как

наряду с многочисленными удачными сближениями содержат значительное число сомнительных этимологий (особенно работы Г.Й. Рамстедта и М. Рясянена), нуждающиеся в тщательной проверке и окончательной верификации.

В отношении корректности предлагаемых этимологических сопоставлений внутриалтайских межгрупповых лексических параллелей и их исторических интерпретаций выгодно отличаются работы так называемых «умеренных алтаистов» и «антиалтаистов». Правда, иногда бросается в глаза чрезмерно осторожный подход «антиалтаистов» ко многим давно установленным традиционной алтаистикой межгрупповым сближениям (см., напр., Щербак, 1997).

Классическими образцами высшей степени корректности при сравнительно-исторической интерпретации внутриалтайских межгрупповых лексических сближений по праву стали четырехтомное исследование Г. Дёрфера «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке» (Doerfer, 1963-1975), труды А. Рона-Таша, К. Менгеса, Дж. Клоусона и многих других.

Огромный интерес представляют исследования доисторических заимствований с задачей разработки методики определения таких заимствований. Они имеют самое непосредственное отношение к проблеме родства/неродства тюркских языков с другими алтайскими.

Особый интерес ареальные исследования контактных явлений в истории народов Центральной Азии вызывают потому, что через степи Евразии в течение всего доступного обозрению исторического периода осуществлялись активные контакты между Востоком и Западом, между Севером и Югом. Естественно ожидать в этой связи, что углубленные исследования истории языков этого региона могут привести к весьма интересным выводам культурно-исторического порядка.

Сравнительно-сопоставительное изучение истории взаимовлияния и взаимных контактов казахского (шире – тюркских) и монгольского (шире – монгольских) языков,

обобщение результатов функциональных особенностей заимствований в языках алтайской лингвистической семьи могут оказать исключительно важную помощь как в вопросах исследования истории тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, так и в изучении истории их носителей. Важность и актуальность исследования казахско-монгольских лексических параллелей в сравнительно-сопоставительном аспекте вытекает, прежде всего, из насущных проблем ареального, компаративного и контрактивного изучения алтайских языков, имеющих большое научно-теоретическое и практическое значение.

Позволю себе напомнить провиденческое высказывание Л. Лигети: «И если даже в один прекрасный день мы будем вынуждены отказаться от гипотезы генетических отношений между так называемыми алтайскими языками, не будет никаких причин прекращать алтаистические исследования: в этом случае их целью станет освещение интенсивных контактов между этими языками и тех глубинных закономерностей, к которым ни тюркологи, ни монголисты, ни специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам сами по себе не могут даже приблизиться» (Лигети, 1971, 33).

Сравнительно-историческое изучение заимствований как одного из самых динамичных процессов в историческом развитии и обогащении языков является важной общелингвистической проблемой, ставшей весьма актуальной в конце прошлого века в связи с активной разработкой различных аспектов взаимодействия языков.

Давно стало аксиомой положение о том, что всестороннее изучение лексических заимствований в языке имеет как лингвистическое, так и большое культурно-историческое значение. Заимствованные из исторически контактировавших языков слова являются следствием не только языковых контактов, но и результатом взаимоотношений и соприкосновений различных материальных и духовных культур.

Использование всех возможностей, которые предоставляют фактические данные алтайских языков (каково бы ни было их происхождение), – это единственный путь (пусть даже это «путь проб и ошибок»), чтобы приблизиться к решению алтайской проблемы. Отказаться от использования таких возможностей – это значит лишиться себя единственной возможности выйти за ограниченные рамки отдельных языковых групп.

ЛИТЕРАТУРА

Аганина Л.А.

- 1954: Уйгурские диалекты Казахской ССР: (Чиликский район). – М., 1954.

Азербает Э.Г.

- 1974: Некоторые вопросы японско-тюркских языковых связей // *Известия АН КазССР. Серия филологическая.* – Алма-Ата, 1974. – № 4.
- 1975: Вопросы тюрко-японских языковых связей (Фонетико-лексическое исследование) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1975. – 44 с.
- 1982 а: Вопросы японско-тюркских языковых связей (сравнительное фонетико-лексическое исследование с использованием электронной вычислительной машины и приложением данных монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 25 с.
- 1982 б: К происхождению порядковых числительных в тюркских языках // *Вопросы языкознания.* – М., 1982. – № 4.
- 1983: О фонемном составе древнеяпонского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников // *Сов. тюркология.* – Баку, 1983. – № 1. – С. 40-52.
- 1985: Сравнение лексики японского и тюркского языков, связанной с названиями частей тела человека // *Сов. тюркология.* – Баку, 1985. – № 1. – С. 75-89.

Андреев Н.Д., Суник О.П.

- 1982: О проблеме родства алтайских языков и методах ее решения // *Вопросы языкознания.* – М., 1982. – С. 26-35.

Әзірбаев Э.Ғ.

- 1974: Байқап қарасақ... (Көне жапондықтар мен түркі халықтарының жыл санау жүйесіндегі ұқсастық жайында) // *Білім және еңбек.* – Алматы, 1975. – № 11. – 28 б.
- 1975: Осы ұқсастыққа үңіле түссе қайтер еді // *Білім және еңбек.* – Алматы, 1975. – № 2. – 28-29 б.

Баскаков Н.А.

- 1940: Ногайский язык и его диалекты. – М.; Л., 1940.
- 1952 а: Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования

- //Труды Института языкознания АН СССР.* – М., 1952. – Т. 1. – С. 7-57.
- 1952 б: К вопросу о классификации тюркских языков *//Известия Отделения литературы и языка АН СССР.* – М., 1952. – Вып. XI. – № 2. – С. 121-134.
- 1955: Предисловие *//М.Рясянен.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1955. – С. 3-12.
- 1956: Диалекты алтайского языка *//Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ.* – Горно-Алтайск, 1956. – Вып. 1. – С. 3-17.
- 1957: Предисловие *//Г.Й. Рамstedт.* Введение в алтайское языкознание. – М., 1957. – С. 5-20.
- 1858: Алтайский язык. – М., 1958.
- 1960: Тюркские языки. – М., 1960.
- 1962 а: Предисловие *//В.Котвич.* Исследование по алтайским языкам. – М., 1962. – С. 5-17.
- 1962 б: Введение в изучение тюркских языков. – М., 1962.
- 1963: К критике новых классификаций тюркских языков *//Вопросы языкознания.* – М., 1963. – № 2. – С. 72-80.
- 1964: Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков *//Доклады на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.* – М., 1964.
- 1966: Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба-кижи). – М., 1966.
- 1969: Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969.
- 1970 а: Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков *//Вопросы языкознания.* – М., 1970. – № 4. – С. 42-53.
- 1970 б: Основные теоретические направления в изучении алтайской семьи языков *//Сов. тюркология.* Баку, 1970. – №1.
- 1971: Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков *//Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 315-321.
- 1972 а: Диалект черневых татар (куманды-кижи). – М., 1972.
- 1972 б: Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект кумандинцев (куманды-кижи). – М., 1972.

- 1973: Масштабы адстратных воздействий на язык, функционирующий в сложных межэтнических отношениях // *Доклады на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук*. Чикаго, 1973. – М., 1973.
- 1975 а: Некоторые аффиксы словообразования форм глагола, общие для алтайских языков // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. Вып. 2. Серия лингвистики. – М., 1975.
- 1975 б: Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). – М., 1975.
- 1979: Историко-типологическая морфология тюркских языков: (Структура слова и механизм агглютинации). – М.: Наука, 1979. – 275 с.
- 1980: Предисловие // *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. – Чебоксары, 1980.
- 1981: Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Наука, 1981. – 135 с.
- 1985: Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалекты лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). – М.: Наука, 1985.
- 1987: К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Сов. тюркология*. – Баку, 1987. – № 5. – С. 69-75.
- 1988: К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et Orientalia: Studies in honour of G. Jarring on his eightieth birthday 12 October 1987*. – Istanbul, 1988. Transactions. Vol. 1. – С. 1-7.

Бертагаев Т.А.

- 1961 б: О морфологическом строе бурятского языка. – М., 1961.
- 1969: Морфологическая структура слова в монгольских языках. – М.: Наука, 1969.
- 1971 а: Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 90-109.
- 1971 б: Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках // *Вопросы языкознания*. – М., 1971. – № 6.
- 1971 в: Об анлауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках // *Структура и история тюркских языков*. – М., 1971.

– 1974 а: К этимологии некоторых слов в монгольских языках // *Исследования по восточной филологии*. – М., 1974. – С. 28-39.

– 1974 б: Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). – М., 1974. – 383 с.

Бубрих Д.В.

– 1927: Кастрен – исследователь финно-угорских народностей // *Памяти М.А. Кастрена*. – Л., 1927.

Верба Н.К.

– 1978: Древнемонгольский комплекс с интервокальным согласным и его эквиваленты в современных монгольских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978.

Владимирцев Е.Я.

– 1909: Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа летом 1908 г. // *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. – СПб., 1909. – № 9.

– 1911: Турецкие элементы в монгольском языке // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. – СПб., 1911. – Т. XX. – Вып. 1. – С. 153-184.

– 1919: О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке // *Известия РАН*. – Л., 1919.

– 1921: Монгольский сборник рассказов из Rañčatantra // *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук*. – Л., 1921. – Т. V. – Вып. 2.

– 1923: О двух смешанных языках Западной Монголии // *Яфетический сборник*. – Пг., 1923. – Ч. 2.

– 1924: Упоминание имени Теб-тенгри в монгольской письменности // *Доклады РАН. Сер. В*. – Л., 1924.

– 1925 а: И.Н. Березин – монголист // *Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН*. – Л., 1925. – Т. 1.

– 1925 б: Консонантизм алтайских языков // *Известия РАН*. – Л., 1925.

– 1925 в: Следы грамматического рода в монгольском языке // *Доклады РАН*. – Л., 1925. – С. 31-34.

- 1925 г: *Mongolica*. I: Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // *Записки Коллегии востоковедов*. – Л., 1925. – Вып. 1. – С. 305-341.
- 1926: Об окончании множественного числа в монгольском языке // *Доклады АН СССР. Сер. В*. – Л., 1926. – С. 61-62.
- 1927: Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // *Северная Монголия*. – Л., 1927.
- 1929 а: Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском // *Доклады АН СССР*. – Л., 1929. – № 10.
- 1929 б: Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам // *Доклады АН СССР. Сер. В*. – Л., 1929. – С. 289-296.
- 1929 в: Монгольское *pökür* // *Доклады РАН. Сер. В*. – Л., 1929. – С. 287-288.
- 1929 г: По поводу древнетюркского *ötügen üš* // *Доклады АН СССР. Сер. В*. – Л., 1929. – С. 133-136.
- 1929 д: Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия: Введение и фонетика. – Л., 1929. – XII + 436 с.
- 1930 а: Арабские слова в монгольском // *Записки Коллегии востоковедов*. – Л., 1930. – Вып. V. – С. 73-83.
- 1930 б: Монгольские титулы *beki* и *begi* // *Доклады РАН. Сер. В*. – Л., 1930. – С. 163-167.
- 1931:
- 1932: Монгольские литературные языки // *Записки Института Востоковедения АН СССР*. – Л., 1932. – Вып. 1.
- 1934: Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.
- 1935: Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // *Известия РАН*. – Л., 1935.

Владимирцов Б.Я., Понне Н.Н.

- 1924: Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // *Доклады РАН*. – Л., 1924. – С. 33-35.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.

- 1972: Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка // *Конференция по сравнитель-*

но-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. – М., 1972.

– 1984: Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Ч. I-II. – ХСVI + 1328 с.

Дарбеева А.А.

– 1991: Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков: (Фонетика) /Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991.

Дельбрюк Б.

– 1904: Введение в изучение языка. – СПб., 1904.

Дёрфер Г.

– 1981: Базисная лексика и алтайская проблема //Вопросы языкознания. – М., 1981. – № 4. – С. 35-44.

Долгопольский А.Б.

– 1964 а: Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (проблемы фонетических соответствий) /VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964.

– 1964 б: Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения //Вопросы языкознания. – М., 1964. – № 2.

– 1965: Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза //Этимология: 1964. – М., 1965.

– 1971: Какие языки родственны европейским? //Наука и человечество: 1971-1972. – М., 1971.

Дыбо В.А.

– 1978: Ностратическая гипотеза (Итоги и проблемы) //Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1978. – Вып. XXXVII. – № 5. – С. 400-413.

Иванов А.И.

– 1972: Чувашский язык в урало-алтайской семье языков //Чувашский язык, литературы и фольклор. – Чебоксары, 1972. – Вып. 1. – С. 3-53.

Иванов Вяч. Вс.

- 1979: [Рец. на кн.:] Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (l-»). Указатели. – М.: Наука, 1976 // *Этимология*, 1977. – М., 1979.

Иллич-Свитыч В.М.

- 1971: Опыт сравнения ностратических языков: (СеMITOxAMИTский, KAPTBELЬский, индоевропейский, уральский): Введение. Сравнительный словарь. – М., 1971. – Вып. 1.
- 1984: Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (p-q) (по картотекам автора). – М.: Наука, 1984.

Ильминский Н.И.

- 1859: Qissas-i Rabyuzi /Изд. Н.И. Ильминского. – Казань, 1859.

Кара Д.

- 1972: Книги монгольских кочевников. – М.: Наука, 1972.

Каргер Н.К.

- 1983: Кетский язык // *Языки и письменность народов Севера*. – М.; Л., 1934. – Ч. 3.

Катанов Н.Ф.

- 1903: Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903.

Киекбаев Дж.Г.

- 1965: О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках // *Сов. финно-угроведение*. – Таллин, 1965. – № 4.
- 1966 а: О генетическом единстве формы определенности в сфере имени и глагола в урало-алтайских языках // *Вопросы методологии и методики лингвистических исследований*. – Уфа, 1966. – С. 244-256.
- 1966 б: О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности-неопределенности // *Вопросы методологии и методики лингвистических исследований*. – Уфа, 1966. – С. 175-191.
- 1967: Об урало-алтайском абессиве и его происхождении // *Всесоюз. конф. по финно-угорскому языкознанию (Тезисы к докладам и некоторые доклады)*. – Ижевск, 1967. – С. 13-19.

- 1970: К вопросу о родстве урало-алтайских языков // *Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания*. – Уфа, 1970. – С. 4-22.
- 1972: Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. – 151 с.
- 1996: Основы исторической грамматики урало-алтайских языков: Структурный анализ морфологического строя тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и угрофинских языков на основе теории определенности в языке. – Уфа: Китап, 1996. – 368 с.

Клоусон Дж.

- 1969: Лексикостатистическая оценка алтайской теории // *Вопросы языкознания*. – М., 1969. – № 5. – С. 22-41.

Козин С.А.

- 1941: Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niyuca tobciyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник: Т. 1. Введение в изучение памятника, пер., текст, глоссарий. – М.; Л., 1941.
- 1946: К вопросу о показателях множественности в монгольском языке // *Ученые записки Ленинградского гос. университета*. – № 69. – Л., 1946. – Сер. филол. наук. – Вып. 10.

Кононов А.Н.

- 1968: Тюркская филология в СССР: 1917-1967. – М.: Наука, 1968.
- 1972: История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. – Л., 1972.

Кормушин И.В.

- 1984: Система времен глагола в алтайских языках. – М.: Наука, 1984.

Котвич В.Л.

- 1902: Лекции по грамматике монгольского языка. – СПб., 1902.
- 1962: Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 371 с.

Левитская Л.С.

- 1974: Чувашские этимологии // *Сов. тюркология*. – 1974. – № 2. – С. 80-84.

- 1976: Историческая морфология чувашского языка. – М.: Наука, 1976.
- 1976: Кумыкские этимологии // *Тюркологические исследования*. – М., 1976. – С. 132-137.
- 1982: Имеются ли в чувашском языке огузские элементы? // *Chuvash Studies*. – Budapest, 1982. – С. 97-103.

Лигети Л.

- 1969: Табгачский язык – диалект сяньбийского // *Народы Азии и Африки*. – М., 1969. – № 1.
- 1971: Алтайская теория и лексикостатистика // *Вопросы языкознания*. – М., 1971. – № 3. – С. 21-33.

Мамедов А.М.

- 1976: Сравнительно-сопоставительное исследование глаголов современного азербайджанского и монгольского языков. – Баку: Маариф, 1976. – 133 с.
- 1985: Тюркские согласные: анлаут и комбинаторика. – Баку, 1985.

Мамедов А.Н.

- 1976: Сравнительно-историческое исследование современного азербайджанского и монгольского языков. – Баку, 1978.

Менгес Г.К.

- 1979: Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Л.: Наука, 1979.

Мудрак О.А.

- 1988: К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке // *Исследования по чувашскому языку*. – Чебоксары, 1988.
- 1989: Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1989. – Ч. 1.
- 1993: Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. – М., 1993.
- 2002 а: Булгарская группа // *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции*. – М., 2002. – С. 677-712.
- 2002 б: Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лексикостатистики

- //Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции.* – М., 2002. – С. 713-737.
– 2002 в: Развитие тюркского *a* в узбекском языке *//Алтайские языки и восточная филология: К. 80-летию Э.Р. Тенишева.* – М., 2002.

Насилов Д.М.

- 1977 а: Алтаистика XIX в. *//Тюркологический сборник – 1977.* – М., 1981. – С. 150-155.
– 1977 б: Из истории алтаистики *//Сов. тюркология.* – Баку, 1977. – № 3. – С. 77-93.

Немет Ю.

- 1963: Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии *//Вопросы языкознания.* – М., 1963. – № 6.

Новгородова Э.А.

- 1989: Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

Новлянская М.Г.

- 1966: Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. – М.; Л., 1966.

Номинханов Ц.-Д.

- 1947: Следы монгольских племен и родов XIII века, встречающиеся на территории Узбекской ССР (к вопросам этногенеза узбекского народа) *//Сов. этнография.* – М., 1947. – № 5-7.
– 1955 а: Интервокальное положение звуков «г» и «г» в хакасском языке *//Вопросы хакасского языка и литературы.* – Абакан, 1955.
– 1955 б: О чередовании некоторых согласных в тюрко-монгольских языках *//Ученые записки Казах. гос. ун-та им. С.М. Кирова.* – Алма-Ата, 1955. – Т. 19. – С. 143-147.
– 1958: Термины родства в тюрко-монгольских языках *//Вопросы истории и диалектологии казахского языка.* – Алма-Ата, 1958. Вып. 1. – С. 42-47.
– 1959: Термины животноводства в тюркских и монгольских языках *//Труды Сектора востоковедения Академия наук КазССР.* – Алма-Ата, 1959. – Вып. 1. – С. 87-116.
– 1962: Названия частей тела человека в тюрко-монгольских языках *//Записки Калм. НИИЯЛИ.* – Элиста, 1962. – Вып. 2.

– 1964: К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках // *Записки Калм. НИИЯЛИ*. – Элиста, 1964. – Вып. 3. – Сер. филологическая. – С. 92-99.

– 1966: Исследования по тюркским и монгольским языкам. – Алма-Ата, 1966.

– 1969: Исследования по тюркским и монгольским языкам // *Ученые записки Калмыцкого НИИ*. – Вып. VII. – Сер. филологическая. – Элиста, 1969. – С. 9-35.

– 1975: Материалы к изучению истории калмыцкого языка. – М., 1975. – 327 с.

Омарбеков С.

– 1965: Қазақтың ауызекі тіліндегі жергілікті ерекшеліктер. – Алматы, 1965. – 129 б.

Орловская М.Н.

– 1961: Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. – М., 1961.

– 1984: Язык «Алтан тобчи». – М.: Наука, 1984. – 236 с.

Поливанов Е.Д.

– 1924: К вопросу об общетурецкой долготе гласных // *Бюллетень 1-го Средне-Азиатского гос. ун-та*. – Ташкент, 1924. – № 6.

– 1927 а: К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке // *Доклады АН СССР*. – Сер. В. – М.; Л., 1927. – № 7. – С. 151-153.

– 1927 б: К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // *Известия АН СССР*. – М., 1927. – Сер. VI. – № 15-17. – С. 1195-1204.

– 1928: Введение в языкознание для востоковедных вузов. – Л., 1928.

Поппе Н.Н.

– 1924-1925: Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // *Известия Академии наук СССР*. – Л., 1924. – Т. XVIII. – № 12-18. – С. 289-314; 1925. – Т. XIX. – № 1-5. – С. 23-43. № 9-11. – С. 405-426. Ч. 1-3.

– 1925 а: Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини // *Записки коллегии востоковедов*. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 195-208.

- 1925 б: Монгольские этимологии // *Доклады АН СССР. Сер. В.* – Л., 1925.
- 1925 в: О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. – Чебоксары, 1925.
- 1925 г: Пережитки культа огня в монгольском языке // *Доклады РАН. Сер. В.* – Л., 1925.
- 1925 д: Система глухих смычных в алтайских языках // *Доклады РАН.* – М., 1925. – С. 11-13.
- 1926 а: История и современное положение о взаимном родстве алтайских языков // *Первый Всесоюзный тюркологический съезд: Стенографический отчет.* – Баку, 1926.
- 1926 б: К вопросу об отношении алтайских языков к уральским // *Известия Общества изучения и обследования Азербайджана.* – Баку, 1926. – Вып. 3.
- 1927 а: Монгольские числительные // *Языковедные проблемы по числительным.* – Л., 1927. – Т. 1. – С. 97-119.
- 1927 б: Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // *Вестник Научного общества татароведения.* – Казань, 1927. – Вып. 7. – С. 61-64.
- 1927 в: Чуваши и их соседи. – Чебоксары, 1927.
- 1927; 1928: Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // *Известия АН.* – Л., 1927; 1928.
- 1929: О системах письменности, применявшихся монголами и авторами трудов о монгольском языке // *Культура и письменность Востока.* – М., 1929. – Кн. 5.
- 1930: Дагурское наречие. – Л., 1930.
- 1930-1931: Аларский говор. – Л., 1930-1931. Т. I-II.
- 1932 а: Академик Б.Я. Владимирцов (1884-1931) // *Революция и письменность.* – М., 1932. – № 1-2.
- 1932 б: Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // *Записки Института востоковедения Академии наук СССР.* – Л., 1932. – Вып. 1. – С. 151-200.
- 1936: Строй халасского языка. – Л., 1936. – Сер. «Строй языков». – Вып. 3.
- 1937: Грамматика письменно-монгольского языка. – М.; Л., 1937.

- 1938 а: Грамматика бурят-монгольского языка. – М.; Л., 1938.
- 1938 б: Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. I-II. – М.; Л., 1938.
- 1938-1939: Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб //Труды Института востоковедения. М.; Л., 1938. – Ч. 1-2; 1939. – Ч. 3.
- 1940: О частях речи в монгольском языке //Сов. востоковедение. – М., 1940. – № 1.
- 1941 а: Золотоордынская рукопись на бересте //Сов. востоковедение. – М.; Л., 1941. – Вып. 2. – С. 81-134.
- 1941 б: Квадратная письменность. – М.; Л., 1941.

Радлов В.В.

- 1888-1894: Сибирские древности. – СПб., 1888-1894. – Т. 1. – Вып. 1-3.
- 1890: Кудатку-Билик: Факсимиле уйгурской рукописи. – СПб., 1890. – С. 186-189.
- 1892-1899: Атлас древностей Монголии. – СПб., 1892-1899. – Вып. I-IV; II. 1893; III. 1896.
- 1893: К вопросу об уйгурах //Записки РАН. – СПб., 1893. – Т. 72. – № 2. – С. 21-28.
- 1900: Das Kutlatku Bilik. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 232-244.

Рамstedт Г.Й.

- 1957: Введение в алтайское языкознание: Морфология //Пер. с нем. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 254 с.

Рассадин В.И.

- 1980: Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.

Рона-Таш А.

- 1974: Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) //Вопросы языкознания. – М., 1974. – № 2. – С. 31-45.

Рясянен М.

- 1955: Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 220 с.
- 1968: Об урало-алтайском языковом родстве //Вопросы языкознания. – М., 1968. – № 1. – С. 43-49.

Санжеев Г.Д.

- 1930 а: Дархаты: Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. – Л., 1930.
- 1930 б: Маньчжуро-монгольские языковые параллели // *Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Сер. 7.* – Л., 1930. – № 8-9. – С. 601-626.
- 1931 а: Дархатский говор и фольклор. – Л., 1931.
- 1931 б: Халхаский диалект и фольклор. – Л., 1931.
- 1940: Грамматика калмыцкого языка. – М.; Л., 1940.
- 1941: Грамматика бурят-монгольского языка. – М.; Л., 1941.
- 1947: К тюрко-монгольской лингвистической проблеме // *Труды Московского института востоковедения.* – М., 1947. – № 4.
- 1952 а: Монгольские языки и диалекты // *Ученые записки Института востоковедения АН СССР.* – М., 1952. – № 4.
- 1952 б: К проблеме частей речи в алтайских языках // *Вопросы языкознания.* – М., 1952. – № 6. – С. 84-102.
- 1953: Сравнительная грамматика монгольских языков. I. – М.; Л., 1953. – 240 с.
- 1956: К проблеме частей речи в алтайских языках // *Вопросы языкознания.* – М., 1956. – № 6.
- 1957: Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики // *Rocznik orientalistyczny.* – Warszawa, 1957. – Т. 21.
- 1958: Б.Я. Владимирцов – исследователь монгольских языков // *Филология и история монгольских народов.* – М., 1958.
- 1959: Современный монгольский язык. – М., 1959.
- 1960 а: Место лингвистической реконструкции в монголистике // *Доклады советской делегации / XXV Международный конгресс востоковедов.* – М., 1960.
- 1960 б: Современный монгольский язык. – М., 1960.
- 1962 а: Академик Лайош Лигети и развитие алтаистики в Венгрии // *Народы Азии и Африки.* – М., 1962. – № 5. – С. 155-158.
- 1962 б: Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. – М., 1962.

- 1963: Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. – М.: Наука, 1963.
- 1964: Старописьменный монгольский язык. – М.: Наука, 1964.
- 1965: Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике // *Лингвистическая типология и восточные языки*. – М., 1965.
- 1970: Заметки по тюрко-монгольскому вокализму // *Studies in general and oriental linguistics*. – Tokyo, 1970.
- 1971: К вопросу о тюркских заимствованиях в монгольских языках // *Лингвистический сборник*. – Ташкент, 1971.
- 1972: В.Л. Котвич – пионер нового направления в алтаистике // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – Элиста, 1972.
- 1973 а: Монгольские анлаутные [т-] и [д-] и их тюркские соответствия // *Олон улсын эрдэмтний II их хурал*. – Улаанбаатар, 1973. – 2 боть.
- 1973 б: О тюрко-монгольских лингвистических параллелях // *Сов. тюркология*. – Баку, 1973. – № 6. – С. 73-78.
- 1975: В.Л. Котвич – пионер нового направления в алтаистике // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 5-17.
- 1977: Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. – Улан-Удэ, 1977. – 160 с.
- 1981: Монгольские языки // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы*. – М., 1981.
- 1983: Заметки по этнической истории бурят // *Современность и традиционная культура народов Бурятии*. – Улан-Удэ, 1983.
- 1983: Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // *Этнические и историко-культурные связи монгольских народов*. – Улан-Удэ, 1983.

Свадеш М.

- 1965: Лингвистические связи Америки и Европы // *Этимология*. – 1964. – М., 1965. – С. 271-322.

Севертян Э.В.

- 1960: О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. – М., 1960. (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов).
- 1962: Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – М., 1962.
- 1968: Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. – М.: Наука, 1966.
- 1970: Тюркские этимологии // *Тюркологические исследования*. – Фрунзе, 1970. – С. 27-36.
- 1971: О содержании термина «общетюркский» // *Сов. тюркология*. – Баку, 1971. – № 2. – С. 3-12.
- 1973: К источникам и методам пратюркских реконструкций // *Вопросы языкознания*. – М., 1973. – № 2. – С. 35-45.

Серебрянников Б.А.

- 1960: О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1960. – № 4.
- 1961: К проблеме классификации тюркских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1961. – № 4. – С. 60-73.
- 1971: Что было первичным: r^2 или z ? // *Сов. тюркология*. – Баку, 1971. – № 1. – С. 13-19.
- 1974: Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.: Наука, 1974.
- 1980: Являются ли тюрко-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков? // *Сов. тюркология*. – Баку, 1980. – № 6. – С. 23-31.
- 1982: Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // *Теоретические основы классификации языков мира: Проблема родства*. – М., 1982.
- 1986 а: О несостоятельности аргументов, применяемых для доказательства звукоперехода R в Z // *Сов. тюркология*. – Баку, 1986. – № 4.
- 1986 б: Почему трудно верить сторонникам ностратической гипотезы? // *Вопросы языкознания*. – М., 1986. – № 3. – С. 26-37.

– 1988: Критерии выделения алтайской языковой общности // *Проблемы монгольского языкознания*. – Новосибирск, 1988. – С. 33-41.

Серебренников Б.А., Харькова С.А.

– 1983: О некоторых эффективных методах исследования проблемы родства тюркских и монгольских языков // *Сов. тюркология*. – Баку, 1983. – № 5. – С. 46-56.

Старостин С.А.

– 1972: К проблеме реконструкции праапонской фонологической системы // *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков*. – М., 1972. – С. 72-74.

– 1986: Проблема генетической общности алтайских языков // *Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов ХХІХ сессии Постоянной международной алтаистической конференции (РАС)*. – М., 1986. – Т. II.: Лингвистика. – С. 104-112.

– 1988: Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. – М., 1988. – С. 112-163.

– 1991: Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М.: Наука, 1991. – 298 с.

– 1995: Просодия и долгота гласных в алтайских языках // *Московский лингвистический журнал*. – М., 1995. – Вып. 1.

– 1996: Вокализм алтайских языков // *90 лет Н.А. Баскакову*. – М., 1996. – С. 197-209.

Суник О.П.

– 1962: Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. – М.; Л., 1962.

– 1971 а: К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 263-278.

– 1971 б: Проблема общности алтайских языков // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 7-21.

– 1976: К актуальным проблемам алтаистики // *Вопросы языкознания*. – М., 1976. – № 1.

– 1982: Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. В сравнении с другими алтайскими языками. – Л., 1982.

Суюнчев Х.И.

- 1958: О некоторых словах в карачаево-балкарском и монгольских языках // *Карачаево-Черкесский НИИЯЛИ. Труды*. Вып. V: Серия филологическая. – Черкесск, 1958.
- 1977: Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. – Черкесск: Карач.-Черк. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1977. – 174 с.

Сыдыков С.

- 1983: Монгольско-тюркские языковые параллели. – Фрунзе: Илим, 1983. – 164 с.

Сыромятников Н.А.

- 1967: Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка // *Народы Азии и Африки*. – М., 1967. – № 2.
- 1970: Теории родственных корней и изосемантических рядов как необходимые методы для этимологии японского языка // *Studies in General and Oriental Linguistics*. – Токуо, 1970.
- 1971: Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 51-64.
- 1972: Определение родственных корней // *Вопросы языкознания*. – М., 1972. – № 2.
- 1975: Как отличить заимствования от исконной общности в алтайских языках? // *Вопросы языкознания*. – М., 1975. – № 3.

Татаринцев Б.И.

- 1976: Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1976. – 132 с.

Тодаева Б.Х.

- 1951: Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. – М., 1951.
- 1960: Монгольские языки и диалекты Китая. – М.: Наука, 1960.
- 1961: Дунсянский язык. – М., 1961.
- 1964: Баоаньский язык. – М.: Наука, 1964.
- 1973: Монгорский язык. – М.: Наука, 1973.
- 1981: Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. – М.: Наука, 1981.

– 1985: Язык монголов Внутренней Монголии: Очерк диалектов. – М., 1985.

– 2001: Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста, 2001.

Томсен В.

– 1894: Дешифровка орхонских и енисейских надписей //Пер. на рус. В. Розена //Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – СПб., 1894. – Т. VIII. – Вып. 3-4.

– 1938: История языковедения до конца XIX века. – М., 1938.

Федотов М.Р.

– 1973: О месте чувашского языка в алтайской семье языков. (О так называемой средней ступени развития *d-δ-r* в чувашском языке) //Вопросы русской и чувашской филологии. – Чебоксары, 1973. – Вып. III.

– 1980, 1983, 1986: Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – Ч. 1; 1983. – Ч. 2; 1986. – Ч. 3.

– 1992: Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка. – Чебоксары, 1992.

– 1996 а: Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. – 460 с.

– 1996 б: Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1996. Т. 1-2. – 2-е изд. 2002 (в 1 т.).

Хелимский Е.А.

– 1984: Проблема границ ностратической макросемьи языков //Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – Ч. 5. – С. 38-41.

Цинциус В.И.

– 1969: О некоторых лингвистических моделях алтайских языков //Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969. – С. 297-307.

– 1971 а: Алтайские термины родства и проблема их этимологии //Проблема общности алтайских языков. – Л., 1971. – С. 127-138.

– 1972 а: Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков //Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972. – С. 3-14.

- 1972 б: К этимологии алтайских терминов родства // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков.* – Л., 1972. – С. 15-70.
- 1979: Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // *Исследования в области этимологии алтайских языков.* – Л., 1979. – С. 3-17.
- 1984 а: Параллельные синонимические ряды в языках алтайской семьи и их роль при сравнительно-историческом изучении лексики // *Алтайские этимологии.* – Л., 1984. – С. 7-16.
- 1984 б: Этимологии алтайских лексем с афлатными глухими придыхательными смычными губно-губным *п” и заднеязычным *к” // *Алтайские этимологии.* – Л., 1984. – С. 17-129.

Цыбиктаров А.Д.

- 1999: Бурятия в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. ГУ, 1999. – 264 с.
- 2003: Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Зябайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – Новосибирск, 2003. – № 1. – С. 80-97.

Цыдендамбаев Ц.Б.

- 1972: Бурятские исторические хроники и родословные: (Историко-лингвистическое исследование). – Улан-Удэ, 1972.
- 1979: Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979.

Шерванидзе И.Н.

- 1986: Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. – Тбилиси: Мецниереба, 1986. – 107 с.
- 1989: Фрагмент общетюркской лексики: (Заемствованный фонд) // *Вопросы языкознания.* – М., 1989. – № 2.
- 1990: Фрагмент древнетюркской лексики: Титулатура // *Вопросы языкознания.* – М., 1990. – № 3.

Щербак А.М.

- 1959 а: Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи: (К вопросу о языке и письменности печенегов) // *Материалы и исследования по археологии СССР.* – М.: Л., 1959. – № 75. – С. 387-388.

- 1959 б: Об алтайской гипотезе в языкознании // *Вопросы языкознания*. – М., 1959. – № 6. – С. 51-63.
- 1959 в: Огуз-наме. Мухаббат-наме: Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. – М., 1959.
- 1960: О методике исследования языковых параллелей: (В связи с алтайской гипотезой) // *Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов*. – М., 1960.
- 1961 а: Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- 1961 б: Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // *Эпиграфика Востока*. – М.: Л., 1961. – Вып. XIV. – С. 23-25.
- 1961 в: Названия домашних и диких животных в тюркских языках // *Историческое развитие лексики тюркских языков*. – М., 1961. – С. 82-172.
- 1961 г: [Рец. на кн.:] Г.И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. I. Фонетика. II. Морфология // *Народы Азии и Африки*. – М., 1961. – № 4. – С. 228-232.
- 1963 а: О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой) // *Труды XXV Международного конгресса востоковедов*. – М., 1960. – М., 1963. – Т. III.
- 1963 б: Работы Дж. Клосона по алтаистике // *Народы Азии и Африки*. – М., 1963. – № 3. – С. 150-153.
- 1964: Памятники рунического письма енисейских тюрок // *Народы Азии и Африки*. – М., 1964. – № 1. – С. 140-151.
- 1966: О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1966. – № 3. С. 21-35.
- 1967: О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках // *Вопросы языкознания*. – М., 1967. – № 6.
- 1968 а: О тюрко-монгольско-тунгусских связях в морфологии // *Народы Азии и Африки*. – М., 1968. – № 1.
- 1968 б: Содержание урало-алтайской гипотезы, ее обоснование и оценка // *Известия Академии Наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусств*. – Баку, 1968. – № 1. – С. 62-70.
- 1974: О причинах структурно-фонетических расхождений в тюрко-монгольских лексических параллелях // *Исследования*

по восточной филологии: К 75-летию проф. Г.Д. Санжеева. – М., 1974. – С. 340-348.

– 1984: О ностратических исследованиях с позиций тюрколога // *Вопросы языкознания*. – М., 1984. – № 6. – С. 30-42.

– 1986: Тюркско-монгольские языковые связи: (К проблеме взаимодействия и смешения языков) // *Вопросы языкознания*. – М., 1986. – № 4. – С. 47-59.

– 1994: Введение в сравнительно-историческое изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.

– 1997: Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – 291 с.

Aalto P.

– 1955: On the Altaic initial *p- // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1955. – Bd. 1. – S. 8-16.

– 1969: Uralisch und Altaisch // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1969. – Bd. 41. – S. 323-334.

Abel-Rémusat

– 1820: Recherches sur les langues tartares, ou Mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigoures et des Tibétains. – Paris, 1820. – T. 1.

Adelung J. Chr.

– 1806: Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde... – Berlin, 1806-1817. – T. I-IV.

Ahlquist A.

– 1861: Forschungen auf dem Gebiet der uralaltaischen Sprachen. – Berlin, 1861.

Angere J.

– 1956: Dei uralo-jukagirische Frage. – Uppsala; Stockholm, 1956.

Ankeria J.

– 1941: Das Verhältnis der tschuktschischen Sprachstämme // *Språkvetenskapliga Sällskapets i Uppsala Förhandlingar*. – Uppsala, 1941.

Bang W.

– 1890: Uralaltaische Forschungen // *Einzelbeiträge zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft*. – Leipzig, 1890. – Bd. X. – S. 1-44.

- 1895 a: Zum auslautenden *n* im Altaischen // *T'oung Pao.* – Leide, 1895. – Bd. IV. – S. 216-221.
- 1895 6: Zur Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen: I. Zum Genitiv Affix; II. Zum Locativ Affix // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.* – Wienn, 1895. – Bd. 9. – N. 1-4. – S. 267-276.
- 1898: Zur vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.* – Wienn, 1898. – Bd. 9. – S. 267-276.
- 1932: Turkologische Brief aus dem Berliner Ungarischen Institut, Sechster Brief: *Varia varii momenti* // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin, 1932. – Bd. XII. – Hf. 1-2. – S. 90-104.

Bawden

- 1955: *The Mongol Chronicle Altain. Tobči.* – Wiesbsden, 1955.

Bazin L.

- 1949: *Recherches sur les parlers T'o-pa* // *T'oung Pao.* – Leide, 1949. – Vol. 39. – N 4-5.
- 1953: *Notes sur les mots "Oguz" et "Türk"* // *Oriens.* – Leide, 1953. – Bd. 6. – Hf. 2. – S. 315-322.

Benzing J.

- 1944: Die angeblichen bolgar-türkischen Lehnwörter im Ungarischen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* – Leipzig-Wiesbaden, 1944. – Bd. 98. (N.F. 23). – N 1. – S. 24-27.
- 1953 a: Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie. – Wiesbaden, 1953. – 142 p.
- 1953 6: *Remarques sur les langues toungouses et leurs relations avec les autres langues dites "altaïques"* // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1953. – Vol. XXV. – N 1-2. – P. 109-118.
- 1955: Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichender Grammatik // *Abhandlungen der Geistes- und Social-wissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1955.* – N 11. Akademie der Wiessenschaften und der Literatur. – Wiesbaden, 1955.
- 1956: *Die tungusischen Sprachen.* – Mainz, 1956.

Benzing J., Menges K.H.

- 1959: Classification of the Turkic Languages // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. – Wiesbaden, 1959. – T. I. – S. 1-10.

Bergaland K

- 1959: The Eskimo-Uralic hypothesis // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1959. – Bd. 66. – Hf. 2.

Bese L.

- 1957: Zwillingswörter im Mongolischen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. – Budapest, 1957. – Bd. VII. – N 2-3. – S. 200-206.

Boller A.

- 1858: Die Pronominalsuffixe des ural-altaischen Verbums // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften*. – Wien, 1858. – Bd. 25. – S. 3-59.

Bouda K.

- 1953: Dravidisch und Uralaltaisch // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1953. – Bd. XXV. – H. 3-4. – S. 161-173.

Böhtling O.

- 1851: Über die Sprache der Jakuten. – SPb., 1851.
- 1964: Über die Sprache der Jakuten. – The Hague: Mouton, 1964. – 397, 184 s. (Indiana University Publications; Ural und Altaic series. V. 35).

Budenz J.

- 1881: A főbb testészek elnevezését az öt nyelvcsoporthoz // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1881. – Köt. 16. – L. 144-153.
- 1881: Az öt altaji nyelvcsoporthoz alapszámnevei // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1881. – Köt. 16. – L. 153-157.

Caldwell R.

- 1913: A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages. – 3-rd ed. – London, 1913.

Castrén M.A.

- 1839: Dissertatio Academica de affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica. – Helsingforsiae, [1839].
- 1845-1849: Nordische Reisen und Forschungen. – SPb., 1845-1849. – Bd. I-V.

- 1856: Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen. – SPb., 1856.
- 1857 a: Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen // *Nordische Reise und Forschungen*. – SPb., 1857. – Bd. IV.
- 1857 b: Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. – SPb., 1857.
- 1857 v: Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. – SPb., 1857.
- 1858: De affixes personalibus linquarum Altaicarum. – Helsingfors, 1858.
- 1862 a: Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen // *Nordische Reise und Forschungen*. – SPb., 1862 – Bd. V. – S. 151-222.
- 1862 b: Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen // “Kleinere Schriften” de Castrén, édité par A. Schiefner. – SPb., 1862. – S. 151-222.

Clauson G.

- 1956 b: A note on *Qapdan* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – London, 1956. – P. 73-77.
- 1959 a: The earliest Turkish loan words in Mongolian // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1959. – Vol. IV. – № 3. – P. 174-187.
- 1959 b: The Turkish numerals // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – London, 1959. – April.
- 1960 a: Sanglax, a Persian guide to the Turkish language, by Muhammad Mahdī Xān: Facsimile text, with an introduction and indexes by Sir Gerard Clauson // *E. J. W. Gibb Memorial. New Series*. – 1960. – Vol. 20.
- 1960 b: The Turkish elements in 14-th century Mongolian // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1960. – Vol. V. – № 4. – P. 301-316.
- 1960 v: Turk, Mongol, Tungus // *Asia Major. New Series*. – London, 1960. – Vol. VIII. – № 5. – P. 105-123.
- 1962: The concept of “strength” in Turkish // *Németh Armağanı*. – Ankara, 1962. – P. 93-101.

- 1971: Some notes on the inscription of Toñuquq // *Studia Turcica*. – Budapest, 1971. – P. 125-132.
- 1972: An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.
- 1973 a: Nostratic // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. – London, 1973.
- 1973 b: On the idea of Sumerian-Ural-Altaic Affinities // *Current Anthropology*. – London, 1973. – Vol. 14. – № 4. – P. 493-495.
- 1973 v: Phylology and archaeology // *Antiquity*. 1973. – Vol. 47.
- 1973 r: The Turkish Khotanese Vocabulary reedited // *Zeki Velidi Togan'in armağanı. Islam Tetikleri Enstitüsü Dergisi*. – Ankara, 1973. – Vol. 5. – P. 37-45.

Collinder B.

- 1940: Jukagirisch und Uralisch // *Uppsala Universitet Årsskrift*. – Uppsala, 1940. – Bd. VIII.
- 1941: Des Alter der Vokalharmonie in den uralischen Sprachen. – Uppsala, 1941.
- 1952: Uralaltaisch // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1952. – Bd. XXIV. – Hf. 3-4. – S. 1-26.
- 1954: Zur indo-uralischen Frage // *Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar. Uppsala Universitets Årsskrift*. – Uppsala, 1954. – Bd. 10.
- 1965: Hat des Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung // *Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis. NS*. – 1965. – Hf. 1-4. – S. 109-180.

Deny J.

- 1924: Langues turques, langues mongols et langues tongouses // *Les langues du monde*. – Paris, 1924 (2-e изд.: Paris, 1952).
- 1952: Langues turques, langues mongoles et langues tounghouses // *Les langues du monde. Par un groupe de linguistes sous la direction de A. Mellet et M. Cohen*. – Paris, 1952. – P. 322-330.

Décsey Gy.

- 1965: Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. – Wiesbaden, 1965.

Dilâçar A.

- 1953: Bati Türkçesi // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. – Belleten.* – Ankara, 1953. – 73-92 s.
- 1969: Türk diline genel bir baş. – Ankara, 1964. – 264 s.

Doerfer G.

- 1963: Türkisch and Mongolian studies. – London, 1963.
- 1963-1975: Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen. – Wiesbaden, 1963-1975. – Bd. I-IV.
- 1965: Zur ural-altaischen Sprachwissenschaft, 2 // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1965. – Bd. 36. – Hf. 1-2. – S. 174-178.
- 1966: Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen // *Zeitschrift zur Indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft.* – Berlin, 1966. – Bd. 71. – Hf. 1-2. – S. 81-123.
- 1967 a: Homologe und Analoge Verwandtschaft // *Indogermanische Forschungen.* – Berlin, 1967. – Bd. 72. – Hf. 1-2.
- 1967 b: Türkische Lehwörter im Tadschikischen. – Wiesbaden, 1967.
- 1967 v: Turkish *-n* > tschuwaschisch *-m* ? // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1967. – Bd. 39. – S. 53-70.
- 1971 a: Bemerkungen zur linguistischen Klassifikation // *Indogermanische Forschungen.* – Berlin, 1971. – Bd. 76.
- 1971 b: Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre // *Orientalistische Literaturzeitung.* – Berlin, 1971. – Jahrg. 66. – № 7-8. – S. 325-344.
- 1971 v: Khalaj materials // *Indiana Universiti Publications. Uralic and Altaic Series.* – Bloomington, 1971. – Series 115.
- 1973 a: Lautgesetz und Zufall. Betrachtungen zum Omnicomparatismus // *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft,* 1973. – Bd. X.
- 1973 b: Tschuwaschisch **m* < urtürkisch **m* (> gemeintürkisch *-n*) // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1973. – Bd. 45. – S. 174-212.
- 1973 v: Zur Sprache der Hunnen // *Central Asiatic Journal.* – 1973. – Bd. 17. – S. 1-50.

- 1985 a: Mongolo-Tungusica // *Tungusica*, 3. – Wiesbaden, 1985.
- 1985 6: The Mongol-Tungus connections // *Language researches*. – Seoul, 1985. – Vol. XXI. – № 2.
- 1996: Türkische Farbbezeichnungen und Pferdezucht // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1996. – S. 208-227.

Donner O.

- 1901: Die ural-altaischen Sprachen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. – Helsingfors; Leipzig, 1901. – Bd. I. – Hf. 1. – S. 128-146.

Dumézil G.

- 1954: Remarques sur les six premiers noms de nombres du turc // *Studia Linguistica*. – 1954. – Vol. VIII. – № 1. – P. 1-15.

Dybo A.

- 1989: Methods in systemic reconstruction of Altaic and Nostratic lexics. // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1989. – Part. I. – P. 196-209.
- 1995: Die Namen des Zeigefingers in den Türkischen und Altaischen Sprachen // *Türkische Laut- und Wortgeschichte*. – Berlin, 1995.

Eberhard W.

- 1948: Remarks on *širalya* // *Oriens*. – 1946. – Vol. I. – № 2 – P. 220-221.

Felden F.

- 1919: Ursprung der nichtgemein-indogermanischen Bestandteile der germanischen Sprachen // *Anthropos*. – 1919-1920. – Bd. 14-15.

Ferrario B.

- 1935: Della possibili parentela fra le lingue "altaiche" et alcune Americane. // *Atti del XIX Congresso Internazionale degli Orientalisti*. – Roma, 1935. – P. 210-223.

Gombocz Z.

- 1905: Az altaji nyelvek hangtörténetéhez // *Nyelvtudomány Közlemények*. – Budapest, 1905. – 35 köt. – 241-284 l.
- 1912: Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – Helsinki, 1912. – VIII + 254 S. (*MSFOu*, 30).

- 1912-1913: Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1912-1913. – Bd. XIII. – Hf. 1-2. – S. 1-37.

Grönbech K.

- 1942: Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. – Kopenhagen, 1942.

Grönbech V.

- 1902: Forstudier til tyrkisk lydhistorie. – København, 1902.
Пер. на нем. см.: Keleti Szemle. – Budapest, 1903. – 4 köt. – 114-125, 229-240 l.

Haenisch E.

- 1939: Wörterbuch zu Manghol-un Niuca Tobca'an (Yüan-Ch'ao Pi-Shi), Geheime Geschichte der Mongolen. – Leipzig, 1939.
- 1952: Sino-Mongolische Dokumente vom Ende des 14 Jahrhunderts // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jahrgang 1950*. – Berlin, 1952. – Bd. IV.

Hommel Fr.

- 1884a: Die Sumero-akkader ein altaisches Volk. – Ausland, 1884.
- 1884b: Die sumero-akkadische Sprache und ihre Verwandtschaftsverhältnisse // *Zeitschrift für Keilschriftforschung*. – Leipzig, 1884. – Bd. 1.
- 1915: Zweihundert sumero-türkische Wortgleichungen. – München, 1915.
- 1926: Ethnologie und Geographie des alten Orients. – München, 1926.

Janhunen J.

- 1991: On breaking in Mongolic // *Altaica Osloensia. Proceedings from the 32-nd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Oslo, June 12-16, 1989*. – Oslo, 1991, – P. 181-191.
On the interaction of Mator with Turkic, Mongolic, and Tungusic // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki. – Vol 82.

Jensen M.

- 1936: Indogermanisch und Altaisch // *H.Hirt Festschrift*. – Heidelberg, 1936. – Bd. II. – S. 125-131.

Kalużyński St.

- 1965: Zur Frage der *i* – Brechung im Mongolischen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1965. – Bd. 36. – Hf. 3-4. – S. 340-347.

Kellgren H.

- 1847: Die Grundzüge der finnischen Sprache mit Rücksicht auf den ural-altäischen Sprachstamm. – Berlin, 1847.

Klaproth J.

- 1823: *Asia Polyglotta*. Paris, 1823; 2-e uzd. – Paris, 1831 + Sprachatlas.

Kotwicz W.

- 1931: Contributions aux études altaïques. I: (Notice préliminaire); II: (Les noms de nombres); III: (Les noms de couleurs) // *Rocznik Orientalistyczny*. – Lwów; Kraków, 1931. – Vol. 7. – P. 130-234. Odb. Lwów, 1930. – 105 p.
- 1932: Contributions aux études altaïques. A: Les terms concernant le service des relais postaux. B: Les titres priciers: turc. *bäg*, mo. *begi*, ma. *beile*. – Wilno, 1932. – 54 p. (*CO*, № 2).
- 1936a: Contributions aux études altaïques. IV. Sons intercalaires; – V. *n* nominal // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1936. – Vol. XII. – P. 22-142.
- 1936b: Les pronoms dans altaïques. – Kraków, 1936.
- 1937: Z badań nad językami altajskimi // *VI Zjazd Orientalistów Polskich*. – Wilno, 1937. Streszczenie zgłoszonych referatów. – Lwów, 1937. – 13 s. (*CO*, № 11).
- 1938: Kilka uwag o turecko-mongolskich analogiach językowych // *VII Zjazd Orientalistów Polskich*. – Kraków, 1938. Streszczenie referatów. – Lwów, 1938. – 5s. (*CO*, № 13).
- 1939a: Les éléments turc dans la langue mandchoue // *Rocznik Orientalistyczny*. – Lwów, 1939. – Vol. 14. – P. 91-102.
- 1939b: La langue mongole, parlée par les Ouigours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après les matériaux recueillis par S.E. Malov et autres voyageurs. – Wilno, 1939. – 38 p. (*CO*, № 16).
- 1953a: Contributions aux études altaïques. A: Les termes concernant le service des relais postaux // *Rocznik Orientalistyczny*. Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 327-355.
- 1953b: Contributions aux études altaïques. B: Les titres priciers: turc *bäg* mo. *begi* et ma *beile* // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – T. 16. – P. 355-368.

- 1953в: En marge des lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel-Rémusat // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 369-404.
- 1953г: La langue mongole parlée par les Ouigours Jaunes près de Kan-tcheou // *Rocznik Orientalistyczny*, – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 435-465.
- 1953д: Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIIIe siècle // *Rocznik Orientalistyczny*, – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 428-434.
- 1953e: Quelques mots encore sur les lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel-Rémusat // *Rocznik Orientalistyczny*, – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 405-427.
- 1953ж: Studia nad językami altajskimi. [Wyd. Marian Lewicki] // *Rocznik Orientalistyczny*, – Kraków, 1953. – T. 16. – S. 1-314.

Lewicki M.

- 1949a: La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. – Wrocław, 1949.
- 1949б: Turcica et Mongolica, I: Turc. *suu*, mongol *su* ~ *sū* // *Rocznik Orientalistyczny (1939-1949)*. – Kraków, 1949. – Vol. XV.
- 1949в: Turcica et Mongolica, 4: Moyen-mongol *xaxarxai*, *xaxas*, turc. *qaqaz*, *qayaz* // *Rocznik Orientalistyczny (1939-1949)*. – Lwów; Kraków, 1949. – Vol. XV. – P. 239-267.
- 1949г: Turcica et Mongolica, 6: Mongol *-msar* ~ *-msār*, turc *-msziz* ~ *-msiz* // *Rocznik Orientalistyczny (1939-1949)*. – Kraków, 1949. – Vol. XV.

Ligeti L.

- 1953a: Az uráli és altaji nyelvek viszonyának kérdése. *A Magyar Tudományos Akadémia nyelv-és irodalomtudományi. I. Osztályának Közleményei*. – Budapest, 1953. – 4 köt. – 333-364 l.
- 1953в: Histoire du lexique des langues turques // *Rocznik Orientalistyczny (1951-1952)*. – Kraków, 1953. – Vol. 17. – P. 80-91.
- 1960a: Les anciens éléments mongols dans le mandchou // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1960. – Vol. 10. – № 3. – P. 231-248.

- 1960b: Néhány megjegyzés úgynevezett altaji jövevényszavainkról // *Magyar Nyelv.* – Budapest, 1960. – 56 köt. – 289-303 l.
- 1961a: A propos des éléments “altaïques” de la langue hongroise // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1960. – Vol. 10. – № 3. – P. 231-248.
- 1961b: Trois notes sur l’écriture Phags-pa // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1961. – Vol. 13. – Fasc. 1.
- 1962a: Mongolok titkos története. – Budapest, 1962.
- 1962b: Sur deux mots comans // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1962. – Vol. X. – № 1-2. – P. 167-174.
- 1962c: Un vocabulaire mongol d’Istanbul // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1962. – Vol. 14. – Fasc. 1-2. – P. 3-99.
- 1963a: Notes sur le Vocabulaire Mongol d’Istanbul // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1963. – Vol. 16. – Fasc. 2.
- 1963b: Uráli török jövevényszavaink kérdéséhez // *Magyar Nyelv.* – Budapest, 1963. – 59 köt. – 381-393 l.
- 1973a: Az altaji nyelvrokonság és a szókészlet-statisztika. I. // *A Magyar Tudományos Akadémia I. Osztályának Közleményei.* – Budapest, 1973. – 28 köt. – 259-275 l.
- 1973b: A propos d’un document oïgure de l’époque mongole // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1973. – Vol. 27 – Fasc. 1. – P. 3-7.
- 1975a: La théorie altaïque et la lexico-statistique // *Researches in Altaic languages.* – Budapest, 1975. – P. 99-115.
- 1975b: Quelques problèmes étymologiques dans anciens mots d’emprunt turques de la langue hongroise // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1975. – Vol. 29. – P. 279-288.
- 1977: A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van I. – Budapest, 1977. – I köt. – 430 l.
- 1979: A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van II. – Budapest, 1979. – II köt. – 480 l.

- 1986: A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. – Budapest, 1986. – 602 l.

Martin S. E.

- 1961: *Dagur Mongolian: Grammar, texts and lexicon.* – Bloomington, 1961.

Matsumoto N.

- 1928: *Le Japonais et les langues austro-asiatiques.* – Paris, 1928.

Menges K. H.

- 1951a: Altaic elements in the Proto-Bulgarian inscriptions // *Byzantion.* – Bruxelles, 1951. – Vol. 21. – P. 85-118.
- 1951b: The Igor' Tale: The Oriental Elements in the Mocabulary of the Oldest Russian Epos. The Igor' Tale. *Supplement to World, 7. December, 1951. Monograph №1.*
- 1951b: The Oriental Elements in the vocabulary of the Oldest Russian Epos. The Igor' Tale. – New-York, 1951. – 98 p.
- 1953a: Titles and organizational terms of the Qytañ (Liao) and Qara-Qytaj (Ši-Liao) // *Rocznik Orientalistyczny.* – Kraków, 1953. – Vol. XVII. – P. 68-79.
- 1953b: Zwei altmesopotamische Lehrwörter im Altäischen // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1953. – Bd. XXV. – S. 299-304.
- 1960a: Bulgarische Substratfragen // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1960. – Bd. 32. – Hf. 1-2. – S. 104-121.
- 1960b: Morphologische Probleme. – Wiesbaden, 1960. (*UAB, IX*).
- 1961a: Altäische Studien // *Der Islam.* – Berlin, 1961. – Bd. 37.
- 1961b: Problemata Etymologica // *Studia Sino-Altaica.* – Wiesbaden, 1961. – № 10. – P. 130-140.
- 1963: Zum ural-altäischen -u- / w- des medio-passiven Aspekts im Türkischen // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1963-1964. – Bd. 35.
- 1964: Altäisch und Drävidisch // *Orbis.* – Louvain, 1964. – Bd. XIII. – Hf. 1. – S. 66-103.
- 1975: Altäische Studien: II. Japanisch und Altäisch. – Wiesbaden, 1975.

- 1984: Korean and Altaic – a preliminary sketch // *General Asiatic Journal* – Wiesbaden, 1984. – Vol. 28.

Miller R. A.

- 1970a: The Japanese Language. – Chicago, 1970.
- 1970b: The Japanese reflexes of Proto-Altaic * l_2 // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1970. – Vol. 42. – P. 127-147.
- 1971: Japanese and the other Altaic languages. – Chicago; London; University of Chicago Press, 1971. – 331 p.
- 1975: Japanese-Altaic lexical evidence and the proto-turkic “zetacism – sigmatism” // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 157-172. (*History and Structure of Languages*).
- 1976: The Relevance of historical linguistics for Japanese Studies // *JJS*. – 1976. – Vol. 2. – № 2.
- 1981: Origins of the Japanese Language. – Seattle; London, 1981.
- 1985-1986: Apocope and the problem of Proto-Altaic * $j\bar{a}$ (I) // *Ural-Altäische Jahrbücher. N. F.* – Wiesbaden, 1985. – Vol. 5; (II). – 1986. – Vol. 6.
- 1987: Proto-Altaic * x - // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1987. Vol. 31.

Miller R. A., Street J.

- 1975: Altaic Elements in Old Japanese. – Madison; Wisconsin, 1975, – Part 1.

Mostaert A.

- 1960: Dictionnaire Ordos – Paris, 1960.

Munkácsi B.

- 1984: Adalékok a magyar nyelv régi török elemeihez // *Magyar Nyelvőr*. – Budapest, 1984. – XXVIII. köt. – 258-263 l.

Murayama Sh.

- 1958: Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen // *Oriens*. – Leidenn, 1958. – Bd. XI. – Hf. 1-2. – S. 224-230.
- 1962: Etymologie des altjapanischen Wortes *irō* ‘Farbe, Gesichts-farbe, Gesicht’ // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1962. – Bd. 34. – S. 107-112.

- 1963: Über einige japonischen Ursprungs // *Aspects of Altaic Civilization*. – Bloomington, Indiana, 1963. – S. 227-233. (*UAS*, 23).
- 1966: Mongolisch und Japanisch – ein Versuch zu Lexicalischen Vergleich // *Asiatische Forschungen. Collectanea Mongolica*. – Wiesbaden, 1966. – Bd. 17. – S. 153-156.
- 1968a: About the Origin of the Japanese Language. // *VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Science*. – Kyoto, 1968.
- 1968b: The Japanese reflexes of Proto-Altaic *d-, *ʒ- and *č- // *JSOAS* – 1968. – Vol. 88. – P. 753-765.
- 1970: Die Entwicklung des Theorie von den primären langen Vokalen in Mongolischen // *Mongolian Studies*. – Budapest; Amsterdam, 1970. – S. 359-370.
- 1975: Altaische Komponente der Japanischen Sprache // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – S. 181-188.
- 1976: Ramstedt und Polivanov als Altaist-Japonologen // *Tractata altaica*. – Wiesbaden, 1976.

Németh J.

- 1912a: Die türkisch-mongolische Hypothese // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Berlin, 1919. – Bd. 66. – Hf. 4. – S. 549-577.
- 1912b: Egy török-mongol hangtörvény. – Budapest, 1912. – 41 köt. – 401-412 l.
- 1913a: A török-mongol a-féle hangok fejlődése a csuvasban // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1913. – 42 köt. – 75-85 l.
- 1921: Die türkisch-mongolische Hypothese // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Berlin, 1921.
- 1928a: Az uráli és a török nyelvek ősi kapcsolatá // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1928. – 47 köt. – Sz. 1. – 75-85 l.
- 1928b: Az uráli és a török nyelvek ősi kapcsolatá (The ancient relation between the Uralic and the Turkish languages) // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1928. – 68 köt. – Sz. 1. – 62-84 l.

- 1928-1930: Az uráli és a török nyelvek ősi kapcsolatá
//*Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1928-1930. – 47 köt.
– Sz. 1. – 62-84 l.

Nomura M.

- 1959: Materials for the historical phonology of the Mongol Language //*Mémoires Research Department of the Toyo Bunko (the Oriental Library)*. – Tokyo, 1959. – Vol. 18.

Paasonen H.

- 1897: Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen //*Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1897. – Bd. 15. – Hf. 2.

Pedersen H.

- 1903: Türkische Lautgesetze // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Leipzig, 1903. – Bd. 75. – Hf. 3. – S. 535-561.

Pelliot P.

- 1925: Les mots à *h-* initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles //*Journal Asiatique*. – Paris, – Vol. 206. – №. 1-2. – P. 193-263.
- 1930a: Sur *yam* ou *jam* 'relais postal' //*T'oung Pao*. – Leiden, 1930. – Vol. 27. – №. 2-3. – P. 193-195.
- 1930b: Un passage atteré dang te texte mongol ancien de l'Histoire secrète des Mongols //*T'oung Pao*. – Leiden, 1930. – Vol. 27. – №. 2-3.

Poppe N.

- 1956: On the so-called breaking of **i* in Mongolian //*Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1956. – Vol. 28. – №.1-2. – P. 113-18.
- 1960a: On some Altaic Loan Words in Hungarian //*American Studies in Uralic Linguistics. Uralic and Altaic Series, 1*. – Bloomington, 1960. – P. 139-147.
- 1960b: Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I: Vergleichende Lautlehre. – Wiesbaden, 1960. – XI + 188 S. (*PLO. N. S.*, 3).
- 1961: Jakutische Etymologien //*Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1961. – Bd. 33. – Hf. 1-2. – S. 136-141.
- 1962a: Die mongolischen Lehnwörter im Kommanischen //*Németh Armağanı*. – Ankara, 1962. – 331-340 s.
- 1962b: The primary long vowels in Mongolian // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1962. – Vol. 58. – № 3.

- 1965: Introduction to Altaic Linguistics. – Wiesbaden, 1965. – Vol. XIV. – XIII + 212 p. (*UAB*, 14).
- 1972a: A new Symposium on the Altaic Theory // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1972. – Vol 16. – P. 37-58.
- 1972b: Ein vergleichendes Wörterbuch der nostratischen Sprachen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. – Leipzig, 1972. – Bd. 39. – Hf. 3. – S. 367-368.
- 1972b: On some Mongolian Loan words in Evenki // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1972. – Vol. XVI. – P. 95-103.
- 1972r: Über einige Verbalstamm- und Suffixbildungssuffixe in der altaischen Sprachen // *Orientalia Suecana*. – Stockholm, 1972. – Bd. XXI.

Pritsak O.

- 1964a: Der "Rotazismus" und "Lambdazismus" // *Ural-Altaische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1964. – Bd. 35. – S. 337-349.
- 1964b: Two names of Steppe Plants // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. – 1964. – Vol. 8. – P. 37-45.
- 1980: Turcology and the comparative study of the Altaic Languages. The system of the Old Runic script // *Journal of Turkish Studies*. – 1980. – Vol. 4. – P. 83-100.

Pröhle W.

- 1916-1917: Studien zur Vergleichung des Japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1916-1917. – Bd. XVII. – Hf. 1-3. – S. 147-338.
- 1943: Grundriß einer vergleichenden Syntax der Uralaltaischen Sprachen mit besonderer Berücksichtigung der Japanischen Sprachen. – Budapest, 1943. – 61 S.

Radloff W.

- 1882a: Phonetik der nördlichen Türkischen Sprachen. – Leipzig, 1882 [1883].
- 1882b: Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkischen Sprachen: Phonetik. – Leipzig, 1882. – Bd. I.

Ramstedt G. J.

- 1924a: A comparison of the Altaic Languages with Japanese // *Transactions of the Altaic Society of Japan*. – Tokyo, 1924. – Vol. 1 – P. 41-54.
- 1924b: Die Verneinung in den altaischen Sprachen. Eine semasiologische Studie // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsingfors, 1924, - Bd. 52. – S. 196-215.

- 1928: Remarks on the Korean Language // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1928, – Vol. 58. – P. 441-453.
- 1933: The nominal postpositions in Korean // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1933, – Vol. 67. – P. 459-464.
- 1935a: Kalmükisches Wörterbuch. – Helsinki, 1935. (*LSFU*, 3).
- 1935b: Türkin kielen alkuperästä // *Suomalainen Tiedeakatemia Esitemät ja pöytäkirjat*. – Helsinki, 1935. – S. 73-80.
- 1935b: Über den Ursprung der türkischen Sprache // *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften*. – Helsinki, 1935. – S. 86-92.
- 1949: Studies in Korean Etymology // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1949. – Vol. 95. – 292 p; 1953. – Vol. 95. – № 2. – 64 p.
- 1951a: A comparison of the Altaic languages with Japanese // *Transactions of the Asiatic Society of Japan, 2-nd Series. Tokyo*. – 1924. – Vol. I. – P. 41-54; *непезданне: Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Vol. LV. – № 2. – P. 7-24
- 1951b: Alte türkische und Mongolische Titel // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. LV. – Hf. 2. – S. 59-82.
- 1951b: Aufsätze und vorträge von G. J. Ramstedt / *Ed. P. Aalto* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – Hf. 2.
- 1952r: Kleine altaische Beitragäge, II: Die Pluralendung mo. -nar, tü. -lar // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – № 2. – S. 31-39.
- 1952d: Reste des Nestorianismus unter den Mongolen // Helsinki, 1951. – Bd. 55. – S. 40-46.
- 1952e: Two words of Korean- Japanese // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Vol. 55. – P. 25-30.
- 1952ж: Über die Stämme und Einigen in den altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – Hf. 2. – S. 98-105.
- 1954: Additional Korean Etymologies. / *Collected and edited by Pentti Aalto*. – Helsinki, 1954. (*MSFOu*, 57:3).

- 1957: Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I: Lautlehre. – Helsinki, 1957. – 192 S. (*MSFOu.*, 104:1-3).

Räsänen M.

- 1949: Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. – Helsinki, 1949. (*SO*, XV). – 249 S. *См. Рясänen, 1955* (пер. на рус. яз.).
- 1953a: Contributions au classement des langues turques // *Rocznik Orientalistyczny (1951-1952)*. – Kraków, 1953. – Vol. XVII. – P. 92-104.
- 1953b: Uralaltaische Forschungen, I: Die uralaltaische Urheimat im Lichte der Wortforschung und der Archäologie // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1953. – Bd. XXV. – Hf. 1-2. – S. 19-27.
- 1961a: Gibt es im Baskirischen etwas Ugrisches? // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1961. – Bd. XII. – S. 73-78.
- 1961b: Die chakassischen *i*- Laute // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1962. – Bd. XV. – Hf. 1-3.
- 1961b: Türkische anlautendes *h*- als Überbleibsel des alten **p*- // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1962. – Bd. 33. – Hf. 1-2. – S. 146-148.
- 1965: Über die ural-altäische Sprachverwandtschaft. // *SFAW*. – Helsinki, 1965.

Rask R. K.

- 1834a: Den skitiske Sproget. – København, 1834.

Róna-Tas A.

- 1970a: Az altaji nyelvrokonság vizsgálatának alapjai (A nyelvrokonság elmélete és a csuvas-mongol nyelvviszony). – Budapest, 1970. – 23 l. (*Kézirat*).
- 1970b: Some problems of Ancient Turkic // *Acta Orientalia Havniae*. – Copenhagen, 1970. – Vol. 32. – P. 209-229.
- 1971-1974a: Középmongol eredetű jövevényszavak a csuvasban I // *Néprajz és Nyelvtudomány*. – Budapest, 1971-1972. – 15-16 köt. – 77-88 l.; II. – 1973-1974. – 17-18 köt. – 125-141 l.
- 1973: Did the Proto-Altaic people know the stirrup? // *Studia Mongolica*. – Budapest, 1973. – Vol. 13. – P. 69-171.
- 1975a: Böz in the Altaic world. // *Altorientalische Forschungen*. – Berlin, 1975. – Bd. III. – S. 155-163.

- 1975b: Some Problems of Uralic Vocalism from an Altaic's Point of View // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17-23 VII. 1970.* – Tallin, 1975. – P. 139-143.
- 1975b: The Altaic theory and the history of a middle Mongolian loan word in Chuvash // *Researches in Altaic languages.* – Budapest, 1975. – P. 201-211.
- 1978: A nyelvrokonság: Kalandozások a történeti nyelvtudományban. – Budapest, 1978.
- 1980: On the earliest Samoyed-Turkish contacts // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum.* – Turku, 1980. – Vol. III. – P. 377-385.
- 1982a: Loan-words of ultimate Middle Mongolian origin in Chuvash // *Studies in Chuvash etymology I. Studia Altaica.* – Szeged, 1982. – Vol. 17. – P. 66-134.
- 1982b: On the history of the Turkic and Finno-Ugrian affricates // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1982. – Vol. 36. – P. 429-447.
- 1982b: Studies in Chuvash etymology. – Szeged, 1982. – Vol. 1.
- 1982r: The periodization and sources of Chuvash linguistic history // *Chuvash Studies.* – Budapest, 1982. – P. 113-169. (BOH, 28).
- 1983a: De hypothesi Uralo-Altaica // *Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugristicae /Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1983. – Bd. 185. – S. 235-251.
- 1983b: “Rokonságszerű ősi kapcsolat”. Németh Gyula nézetei az uráli és a török nyelvek viszonyáról // *Uralistikai Tanulmányok.* – Budapest, 1983. – 331-346 l.
- 1986: Language and History: Contribution to Comparative Altaistics. – Szeged, 1986. – 270 p. (SUA, 25).
- 1987a: Materialien zur alten Religion der Türken // *Synkretismus in den Religionen Zentralasiens /Ed. W. Heissig and H. J. Klimkeit.* – Wiesbaden, 1987. – S. 33-45. (SOR, 13).
- 1987b: On the development and origin of the East Turkic “Runic” script // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1987. – Vol. 41. – P. 7-14.
- 1988a: Ethnogenese und Staatsgründung: Die türkische Komponente in der Ethnogenese des Ungartums // *Studies zur*

Ethnogenese. Bd. 2. Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Abhandlungen 78. – Düsseldorf, 1958. – S. 107-142.

– 1988b: The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question // *The Turkic languages. Routledge Language Family Description. Routledge.* – London; New York, 1988. – P. 67-80.

– 1988b: Turkic influence on the Uralic languages // *The Uralic languages. Description. History and Foreign Influences.* – *Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung. – Handbook of Uralic Studies.* – Leiden, 1988. – P. 742-780.

– 1991: An introduction to turkology. – Szeged, 1991. – 170 p. (*SUA*, 33).

– 1996a: An "Avar" word: *terem* // *Symbolae Turcologicae /Eds. A. Berta, B. Brendemoen, C. Schönig.* – Stockholm, 1996. – P. 181-188.

– 1996b: A honfoglaló magyar nép. – Budapest, 1996. – 412 l.

– 1996b: *Ugor, ogur* or *ugur*? Remarks on the name "Finno-Ugrian" // *Ünnepi könyv Mikola Tibor tiszteletére /Szerk. E. Mészáros.* – Szeged, 1996. – 265-269 p.

– 1999a: Honfoglalás és népalakulás a középkori Euráziában: kitajok, avarok, magyarok // *Magyar Tudományos Akadémia.* – Budapest, 1999. – 17 l.

– 1999b: Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. – Budapest: CEUPress, 1999. – 566 p.

Sauvageot A.

– 1924: Eskimo et ouralien // *Journal de la Société des Americanistes de Paris.* – Paris, 1921. – Vol. XVI.

– 1925: Az uráli török nyelvrokonság kérdéséhez // *Magyar Nyelv.* – Budapest, 1925. – XXI köt. – 254-256 l.

– 1928a: Le nom ouralo-altaïque du membre antérieur // *Revue des études hongroises et finno-ougriennes.* – Paris, 1928. – Vol. VI. – P. 258-259.

– 1928b: Sur un nom de nombre commun aux langues samoyèdes toungous, mongol // *Revue des études hongroises et finno-ougriennes.* – Paris, 1928. – Vol. VI. – P. 52-61.

– 1929: Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. – Budapest, 1929.

- 1930: Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. – Paris, 1930. – XLII + 142 p.
- 1944: D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques // *T'oug Pao*. – Leiden, 1944. – Vol. 37.
- 1948: Les langues ouralo-altaïques // *Bulletin de la Société linguistique de Paris*. – 1948.
- 1950: Az uráli-manddzsu-tunguz kapcsolatokhoz // *Magyar Nyelv*. – Budapest, 1950. – XVI köt.
- 1952: Langues mongoles // *Les langues du monde*. 2-e éd. Paris, 1952.
- 1955: Introduction to Mongolian comparative studies // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1955. – Vol. CX.
- 1963: Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. – Wiesbaden, 1963.

Schmidt P.

- 1898: Der Lautwandel in mandschu und mongolischen // *Peking Oriental Society Journal*. – Peking, 1898. – Bd. 14.

Schott W.

- 1836: Versuch über die Tatarischen Sprachen. – Berlin, 1836.
- 1849: Über das Altaïsche oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse*. – Berlin, 1849.

Sebeok Th. A.

- 1950: The meaning of "Ural-Altai" // *Lingua*. – Haarlem, 1950. – Vol. II. – № 2. – P. 129-137.

Sinor D.

- 1948: Le probleme de la parenté ouralo-altaïques // *Revue de Géographie Humaine et d'Ethnographie*. – Paris, 1948. – Vol. 1. – № 1. – P. 65-69.
- 1952: On some Ural-Altai plural suffixes // *Asia Major. New Series*. – London, 1952. – Vol. II. – P. 203-230.
- 1963: Introduction à l'étude de l' Eurasie Centrale. – Wiesbaden, 1963.

Sköld H.

- 1926: Ein sumerisches Wandwort in Asien // *JF*. – 1926. – Bd. 43.

Starostin S. A.

- 1995: On vowel length and prosody in Altaic languages // *The Moscow Linguistic Journal*. – M., 1995. – Vol. 1.
- 1977: On the «consonant splits» in Japanese, Indo-European, Nostratic, and Beyond // *Festschrift for V. V. Shevoroshkin*. – Washington, 1997.

Starostin S., Dybo A., Mudrak O.

- 2003: Etymological Dictionary of the Altaic Languages. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – Vol. 1. – P. 858. (A – K); Vol. 2. – P. 859-1556. (L – Z); Vol. 3. – P. 1557-2096. (Indices).

Strahlenberg F. J.

- 1730: *Des Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia*. – Stockholm, 1730; 2-е изд. – Szeged, 1975.

Street J. Ch.

- 1975: *The Language of the Secret History of the Mongols*. – New Haven; Connecticut, 1957.
- 1962a: [Рец. на кн.]: *Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre*. – Wiesbaden, 1960. – XI. – 188. S. // *Language*. – 1962. – Vol. 38. – P. 92-98.
- 1962b: Reviewed of *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen* // *Language*. – 1962. – Bd. 38. – Hf. 1. – S. 92-98.
- 1974: *On the Lexicon of Proto-Altaic: a partial index to reconstructions*. – Madison; Wisconsin, 1974.
- 1980: Proto-Altaic **-l(V)b-* > Turkic *š* // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1980. – Vol. XXIV. – № 3-4. – P. 285-303.

Thomsen V.

- 1893: *Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénissei. Notice préliminaire* // *Bulletin de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark*. – 1893. – P. 285-299.
- 1896: *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées* // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1896. – Vol. V.

Thomsen K.

- 1959: *Bemerkungen über des mongolische Vokalsystem der zweiten Silbe* // *Sonderdruck Acta Orientalia*. – 1959. – Bd. 24. – Hf. 1-4. – 4 S.
- 1963: *Zwei türkisch-mongolische Korrespondenzreihen* // *Aspects of Altaic Civilization*. – Bloomington, 1963. – Bd. 167. (UAS, XXVI).

Trombetti A.

- 1905: L'unita d'origine del linguaggio. – Bologna, 1905.

Wicander S.

- 1967-1971: Maya and Altaic. Is the Maya group of a language related to Altaic family? I // *Ethnos*. – 1967. – Vol. 32. – P. 141-148; II // *Ethnos*. – Stockholm, 1970. – Vol. 35. – P. 80-88; III // *Orientalico Suencana*. – Stockholm, 1970-1971. – Vol. 19-20. – P. 186-204.

Wichmann Y.

- 1903: Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki. 1903. – Bd. XXI.

Wiedermann F. I.

- 1838: Über die frühen Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittelhochasiens. – Reval, 1838.

Winkler H.

- 1884: Uralaltaische Völker und Sprachen. – Berlin, 1884.
- 1885: Des Uralaltaische und seine Gruppen. – Berlin, 1885.
- 1894: Japaner und Altaier. – Berlin, 1894.
- 1909: Die uralaltaische Sprachstamm; das Finnische und das Japanische. – Berlin, 1909. – 316 S.
- 1918, 1923: Tungusisch und finnisch-ugrisch // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1918. – Bd. 30. – Hf. 9. – S. 1-28; 1923. – Bd. 39. – Hf. 1. – S. 1-34.
- 1921: Die altaische Völker- und Sprachenwelt. – Leipzig: Berlin, 1921.
- 1924: Die altaische Sprachen. – Berlin, 1924.
- Das uralaltaischen Sprachen // *Keleti szemle*. – Budapest, I. – S. 132-140, 195-205.

Wäsen N.

- 1692: Noord and Oost Tartarye... – Amsterdam, 1692; Изд. 2-е. – 1705; Изд. 3-е – 1785.

Zieme P.

- 1986: Uygur yazısıyla yazılmış Uygur yazıtlarına dâir bazı düşünceler // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı*. – Belleten (1982-1983). – Ankara, 1986.

СЛОВАРИ

Азербайджанско-русский словарь /Под ред. Г. Гусейнова. – Баку, 1941.

Азербайджанско-русский словарь: В 4 т. /Редкол.: М.Т. Тагиев (гл. ред.) и др. – Баку: Элм, 1986-1994.

Азизбеков Х.А. Азербайджанско-русский словарь. – Баку, 1965.

Алиев А., Бориев К. Русско-туркменский словарь. – Ашхабад, 1929.

Амаржагал Б. БНМАУ дахь монголь хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. – Улаанбаатар, 1988. – I.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Казань; Чебоксары, 1928-1950. – Вып. 1-17.

Бабушкин С.М. Бурятско-русский и русско-бурятский словарь. – 3-е изд., дораб. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000.

Байлиев Х., Каррыев Б. Туркменско-русский словарь /Под ред. Ш. Батырова и М. Сакали. – Ашхабад, 1940.

Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1985.

Баскаков Н.А., Бекназаров С.Б., Кожуров У.Н. Русско-каракалпакский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1947.

Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасско-русский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1953.

Баскаков Н.А., Насилов В.М. Уйгурско-русский словарь. – М., 1939.

Баскаков Н.А., Тоцакова Т.М. Ойратско-русский словарь. – М., 1947.

Башкирско-русский словарь /Отв. ред. З.Г. Ураксин. – М.: Дигора; Рус. яз., 1996.

Башкирско-русский словарь. – М., 1958.

Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә. – Өфө, 1967-1987. – I-III т.

Башкорт теленәң һүзлегә: Ике томда. – М.: Рус. яз., 1993. – Т. 1-2.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. /Под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. – М.: Академия, 2001-2002. – Т. 1-4.

Большой русско-туркменский словарь. В 2 т. – М.: Рус. яз., 1986.

- Борисов В.М. Русско-арабский словарь /Под ред. В.М. Белкина. – М.: Сам Интернешнл, 1993.
- Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб., 1869-1871. – Т.1-2.
- Бурят-монгольско-русский словарь /Сост. К.М. Черемисов. – М., 1951.
- Бурятско-русский словарь /Сост. К.М. Черемисов. – М.: Сов. энцикл., 1973.
- Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – 238 с.
- Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. – М., 1958.
- Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884.
- Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. – М.: Рус. яз., 1986.
- Гагаузско-русско-молдавский словарь /Ред. Н.А. Баскаков. – М., 1973.
- Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. – М., 1914-1927; 2-е изд. – М., 1974.
- Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. – Улаанбаатар, 1967-1969.
- Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь: Нэмж, зассан хоёрдугаар хэвлэл. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982.
- Диалектологический словарь азербайджанского языка. – Баку, 1964.
- Диалектологический словарь башкирского языка. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.
- Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976.
- Древнетюркский словарь. – Алма-Ата, 1954.
- Егоров В.Г. Чёвашла-вырёсла словарь. – Шупашкар, 1954.
- Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. – СПб., 1875.
- Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. – Алматы, 1959-1961. – Т. 1-2.
- Қазақша-орысша сөздік. – Алматы, 1945.
- Казахско-русский словарь. – Алма-Ата, 1954.
- Казахско-русский словарь. – Ташкент, 1926.

Калмыцко-монгольско-русский словарь. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986.

Калмыцко-русский словарь /Под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Рус. яз., 1977.

Караимско-русско-польский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала. – М., 1974.

Каракалпакско-русский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1947; 1958.

Карачаево-балкарско-русский словарь /Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Рус. яз., 1989.

Катаринский В. Киргизско-русский словарь. – Оренбург, 1897.

Киргизско-русский словарь /2-е изд. – Оренбург, 1903.

Киргизско-русский словарь. – М., 1940; 1959; 1965.

Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1985.

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь /Под ред. В.И. Кальянова. – М.: Рус. яз., 1987.

Краткий монгольско-русский словарь. – М., 1947.

Краткий русско-бурятский словарь. – М., 1962.

Краткий русско-калмыцкий словарь. – М., 1969.

Краткий монгольско-русский словарь. – М., 1947.

Краткий таджикско-русский словарь. – М., 1955; 2-е изд., доп. и перераб. – Душанбе: Маариф, 1988.

Краткий толковый словарь якутского языка /Л.С. Афанасьев и др. – Якутск: Бичик, 1994.

Кумыкско-русский словарь /Под ред. З.З. Бамматова. – М., 1969.

Курпешко-Таннагашева Н.Н., Алонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово, 1993.

Лаврентьев Б.П. Японско-русский словарь. – М.: Цитадель, 2000.

Лазарев А.М. Тюркско-татарско-русский словарь. – СПб., 1866.

Лазарев Л. Турецко-татарско-русский словарь наречий османского, крымского и кавказского. – М., 1864.

Магазаник Д.А. Турецко-русский словарь. – М., 1931; 2-е изд. – М., 1945.

Магомедов А.Г. Кумыкско-русский словарь /Под ред. З.З. Бамматова. – М., 1969.

Мазур Ю.Н., Маздыков В.М., Усатов Д.М. Корейско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 2001.

Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь /Отв. ред. Г. Мусабаев. – Алма-Ата, 1954. 2-е изд., перераб. и доп. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энцикл., 1987.

Мескутов В. Туркменско-русский словарь /Под ред. П. Азимова. – М.: Рус. яз., 1988.

Монгол хэлний товч тайлбар толь /Зохиосон Я. Цэвэл. Ред. Х. Лувсанбалдан. – Улаанбаатар, 1966.

Монголша-қазақша сөздік. – Улан-Батор, 1954.

Монгольско-немецко-русский словарь с присовокуплением немецкого и русского алфавитных списков /Сост. Я. Шмидт. – СПб., 1835. – 613 с.

Монгольско-русский словарь /Под ред. А. Лувсандэндэва. – М., 1957.

Монгольско-русский словарь /Сост. К.Ф. Голстунский. – СПб., 1893-1895. Т. 1-3. Дополнения. – СПб., 1896.

Монгольско-русско-французский словарь /Сост. О. Ковалевский. – Казань, 1844. – Т. 1-3.

Монгуш Д.А. Русско-тувинский учебный словарь. – М.: Рус. яз., 1988.

Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь /Под ред. Т.Р. Рахимова. – М., 1968.

Ногайско-русский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1963.

Номинханов Ц.Д., Кокова-Патачакова Д.Ф. Хакасско-русский словарь. – Абакан, 1948.

Ойротско-русский словарь /Н.А. Баскаков, Т.М. Тошчакова. – М., 1947.

Оруджев Е.Е. Азербайжан дилинин изахлы луғаты. – Баку, 1964-1987. – 1-4 ч.

Остроумов Н.П. Словарь живого татарского языка. – Казань, 1986.

Остроумов Н.П. Татарско-русский словарь. – Казань, 1892.

Очирбат Г., Пэлжид Т. Русско-монгольский учебный словарь. – Улан-Батор, 1989.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – СПб., 1907-1917, 1923-1930; 2-е изд. [Б.м.], 1959. – Т. 1-3.

Персидско-русский словарь. – М., 1953; 1960.

- Персидско-русский словарь: В 2 т. /Сост.: М.Н. Османов, Д.Х. Дорри, Л.Н. Киселева и др. – М.: Рус. яз., 1985.
- Попов И.Н. Якутско-русский словарь. – Якутск, 1931.
- Рассадин В.И. Тофаларско-русский и русско-тофаларский словарь. – Иркутск, 1995.
- Русско-азербайджанский словарь: В 3 т. – Баку, 1956-1959; 4-е изд. – Баку: Маариф, 1984; 5-е изд. – Баку: Гл. ред. Азерб. сов. энцикл., 1990.
- Русско-алтайский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1964.
- Русско-башкирский словарь /Под ред. Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова, Т.Т. Баишева. – М., 1948.
- Русско-башкирский словарь /Сост. Г.Р. Каримова. Ред. Н.К. Дмитриев. – М., 1954.
- Русско-башкирский словарь. – М., 1964.
- Русско-бурят-монгольский словарь. – М., 1954.
- Русско-казахский словарь /Под ред. Н.Т. Сауранбаева. – М., 1954.
- Русско-калмыцкий словарь /Под ред. И.К. Илишкина. – М., 1964.
- Русско-калмыцкий словарь /Сост. Б.Б. Басангов; Ред. Л.С. Сангаев. – Элиста, 1963.
- Русско-калмыцкий словарь. – М., 1940.
- Русско-каракалпакский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1947.
- Русско-каракалпакский словарь. – М., 1967.
- Русско-карачаево-балкарский словарь. – М., 1965.
- Русско-киргизский словарь /Под ред. К.К. Юдахина. – М., 1957.
- Русско-киргизский словарь. – Казань, 1910.
- Русско-кумыкский словарь /Под ред. З.З. Бамматова. – М., 1960.
- Русско-монгольский словарь. – М., 1960.
- Русско-монгольский словарь. – Улан-Батор, 1942.
- Русско-монгольский словарь. – Улан-Батор, 1967.
- Русско-ногайский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1956.
- Русско-персидский словарь /Сост. Г.А. Восканян. – М.: Рус. яз., 1986.

- Русско-таджикский словарь. – М.: Рус. яз., 1985.
- Русско-татарский словарь /Под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Рус. яз., 1985; 4-е изд. – М.: ИНСАН, 1997.
- Русско-татарский словарь. – Казань, 1971.
- Русско-тувинский словарь /Под ред. А.А. Пальмбаха. – М., 1951.
- Русско-турецкий словарь /Сост. Э.М.-Э. Мустафаев, В.Г. Щербинин. – М.: Рус. яз., 1972.
- Русско-турецкий словарь. – М., 1945.
- Русско-туркменский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова, М.Я. Хамзаева. – М., 1956.
- Русско-тюркский словарь. – Баку, 1928. – Т. 1-2.
- Русско-узбекский словарь /Сост. А. Усманов. Ред. Г. Абдурахмонов. – Ташкент, 1954.
- Русско-узбекский словарь /Сост. Т.Н. Кариниязов; Ред. А.К. Боровков. – Ташкент, 1960.
- Русско-узбекский словарь. – Ташкент, 1980.
- Русско-узбекский словарь: В 2 т. – Ташкент, 1983-1984. – Т. 1-2.
- Русско-уйгурский словарь. – М., 1956.
- Русско-хакасский словарь /Под ред. Д.И. Чанкова. – М.: ГИС, 1961.
- Русско-чувашский словарь /Под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. – М.: Рус. яз., 1971.
- Русско-чувашский словарь /Под ред. Н.К. Дмитриева. – М., 1951.
- Русско-якутский словарь. – М., 1968.
- Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. Телеутско-русский словарь. – Кемерово: Кн. изд-во, 1995.
- Самсонов Н.Г. Словарь заимствованных слов. – Якутск: Бичик, 1996.
- Словарь башкирского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1993.
- Словарь марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. ... Т. 1-8.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л.: Наука, 1975-1977. – Т. 1-2.
- Таджикско-русский словарь. – М., 1954.
- Тамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. – Улаанбаатар, 1967-1969. – Т. 1-2.
- Татарско-русский словарь. – Казань, 1950.

- Татарско-русский словарь. – М., 1966.
 Татарча-русча сузлек. – М.: Инсан, 1997.
 Тенишев Э.Р. Уйгурский диалектный словарь. – М.: Наука,
 1990.
 Титов Е.И. Тунгусо-русский словарь. – Иркутск: Власть труда,
 1926.
 Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста,
 2001.
 Толковый словарь казахского языка. – Алма-Ата, 1986.
 Тохтаходжаева М.Х. Русско-узбекский словарь. – Ташкент:
 Ўқутивчи, 1988.
 Тувинско-русский словарь /Под ред. А.А. Пальмбаха. – М.,
 1955.
 Тувинско-русский словарь /Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.,
 1968.
 Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик
 очерк һәм сузлек. – Казан, 1961.
 Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань:
 Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 256 с.
 Турецко-русский словарь /Ред. Э.М.-Э. Мустафаев,
 Л.И. Старостов. – М., 1977.
 Турецко-русский словарь /Сост. Д.А. Магазаник. – М., 1945.
 Түркмен дилинин сөзлүги. – Ашгабад, 1962.
 Туркменско-русский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова,
 Б.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева. – М., 1968.
 Узбекско-русский словарь /Под ред. Т.Н. Кары-Ниязова ■
 А.К. Боровкова. – Ташкент, 1941.
 Узбекско-русский словарь /Сост. С.Ф. Акабиров,
 З.М. Магфуров, А.Т. Ходжаханов. Ред. А.К. Коровков. – М., 1959.
 Уйгурско-русский словарь /Под ред. Ш. Кибирова,
 Ю. Цунвазо. – Алма-Ата, 1961.
 Уйгурско-русский словарь. – М., 1939.
 Уйгурско-русский словарь. – М., 1968.
 Ўзбек тилиниң изохли луғати. – М., 1981. – Т. I-II.
 Ўзбек халқ шевалари луғати. – Тошкент, 1971.
 Фарҳанги забони тоҷики (аз асри X то ибтидои асри XX). –
 М., 1969. – Т. 1-2.
 Хакасско-русский словарь /Под ред. Н.А. Баскакова. – М.,
 1953.

- Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенкийский словарь. – М., 1952.
- Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тойльбар толь. – Улаанбаатар, 1966.
- Чёвашла-вырёсла словарь /М.Я. Сироткин ред. – М., 1961.
- Черемисов К.И. Бурятско-монгольско-русский словарь. – М., 1951.
- Чой Лувсанжав. Орос-монгол өвөрмөц хэллэгийн толь. – Улаанбаатар, 1970.
- Чувашико-русский словарь /Под ред. М.И. Скворцова. – М., 1982; 2-е изд. – М., 1985.
- Чувашико-русский словарь /Под ред. М.Я. Сироткина. – М., 1961.
- Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово, 1993.
- Щека Ю.В. Турецко-русский словарь. – 2-е изд., стереотип. – М.: Цитадель, 1999.
- Щербинин В.Г. Русско-турецкий словарь. – М.: Рус. яз., 1989.
- Эвенкийско-русский словарь. – М., 1959.
- Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1940.
- Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1965.
- Юдахин К.К. Узбекско-русский словарь. – Ташкент, 1927.
- Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. – Ташкент, 1910.
- Якутско-русский словарь. – М., 1959.
- Якутско-русский словарь /Под ред. П.А. Слепцова. – М., 1972.
- Derleme Sözlüğü. – 1-12. TDK, 211. – Ankara, 1963-1982.
- Doerfer G., Tezcan S. Wörterbuch des Chaladsch Dialekt von Charrab. – Budapest, 1980.
- Kowalewski J.E. Dictionnaire mongol-russe-francais. – Kazan, 1844-1849. – Т. 1-3.
- Kurpeško N.N., Akalin Ş.H. Şor Sözlüğü. – Adana, 1995.
- Lessing F.D. Mongolian-Englisch Dictionary. – Berkeley and Los Angeles, 1960.
- Neçip E.N. Yeni Uygur Türkçesi Sözlüğü (Çev. İklil Kurban). – Ankara, 1995.
- Paasonen H. Çuvaş Sözlüğü. – Ankara, 1950.
- Shnitnikov B.N. Kazakh-English Dictionary: With a Preface by N. Poppe. – Bloomington, 1966.

Tanıklarıyla Tarama Sözlüğü. – Ankara, 1963-1972. - Ç. I-VIII.
Temel türkçe sözlük. – İstanbul, 1991. - Ç. I-V.
Türkçe sözlük. – Ankara, 1988. – Ç. 1-2.

ЖУРНАЛЫ, ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, СБОРНИКИ

- БЕ – Балканско езикознание. София.
БългЕз – Български език. София.
ВАН – Вестник Академии наук СССР. М.
ВАН КАЗ – Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-
ССР Ата.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВВ – Византийский временник. М.
ВГО – Вестник географического общества.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВЕ – Вестник Европы.
БЛ – Беларуская лінгвістыка. Мінск.
ВестнКазФан – Вестник Казахского филиала Академии наук
СССР. Алма-Ата.
ВестнЛГУ – Вестник Ленинградского государственного
университета. Л., 1946-1981.
ВЗ – Восточные записки. Л.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВНОТ – Вестник Научного общества Татароведения.
Казань.
Вост. – Востоковедение. Филологические исследования.
Ученые записки Ленинградского
государственного университета. Серия
востоковедных наук. Ленинград.
ВП – Вестник просвещения (орган Наркомпроса
ТССР). Казань.
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания. М.
ВЧФ – Вопросы чувашской филологии. Чебоксары
(ЧГУ).
ВЯ – Вопросы языкознания. М.
ГАИМК – Государственная Академия истории
материальной культуры. М.
ГИБИ – Гръцки извори за българската история. София.
ГСУ – Годишник на Софийския университет.
Историко-филологическият факултет. София.
ДАН – Доклады Академии наук СССР. Л.
ДВ – Древности восточные. Труды Восточной
комиссии императорского Московского
археологического общества. М., 1888-1916.

- ДЛ** – Дialeктная лексика. Л.
- ДРАН** – Доклады Российской Академии наук. Серия В.
- ЕЛ** – Език и литература. Орган на филолозите-слависти. София.
- ЖМВД** – Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
- ЖМНП** – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЖС** – Живая старина. СПб.
- ЗАН** – Записки Академии наук.
- ЗАО** – Записки Археологического общества.
- ЗВОРАО** – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.- Пг.
- ЗЗСОИРГО** – Записки Западно-Сибирского отделения императорского Русского географического общества. Омск.
- ЗИВ** – Записки Института востоковедения АН СССР. Л., 1932-1949.
- ЗКВ** – Записки коллегии востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук СССР. Л.
- ЗНИИ Чув.** – Записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Чувашской АССР. Чебоксары.
- ЗООИД** – Записки императорского Одесского общества истории и древностей.
- ЗРГО** – Записки Русского географического общества. СПб.
- ЗУНИИ** – Записки Удмуртского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ижевск.
- ИА** – Исторический архив.
- ИАК** – Известия императорской Археологической комиссии. СПб.
- ИАН** – Известия императорской Академии наук. СПб.
- ИАН КазССР** – Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
- ИАН КиргССР** – Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
- ИАН ОГН** – Известия Академии наук. Отделение гуманитарных наук. Л.

- ИАН ОЛЯ** – Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.
- ИАН СССР** – Известия Академии наук СССР. Л., М.
- ИАН ТаджССР** – Известия Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад, Душанбе.
- ИАН Туркм.** – Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
- ИВСОРГО** – Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Иркутск.
- ИГАИМК** – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.; Л.
- ИГГО** – Известия Государственного географического общества.
- ИЗ** – Исторические записки. М.
- ИИАИ** – Известия Императорской академии наук. СПб.
- ИИБЕ** – Известия на Института за български език. София, 1952-1979.
- ИИБИИКЕ** – Известия на Института за българска история.
- ИКЕ** – Известия по Казанской Епархии. Казань.
- ИКУ** – Известия Казанского университета.
- ИОАИЭ** – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
- ИОРЯС** – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.
- ИПр.** – Исторически преглед. София.
- ИРАН** – Известия Российской Академии наук. Пг.
- ИРГО** – Известия Русского географического общества. СПб
- ИРКСА** – Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.
- ИС** – История СССР. М.
- ИСВАЭИ** – Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казань.
- ИСО АН** – Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск.

- ИСОНИИ** – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе.
- ИСОРГО** – Известия Сибирского отделения Русского географического общества.
- ИТОИАЭ** – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
- ИТОРГО** – Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. Ташкент.
- КБ** – Казанский библиофил.
- КГВ** – Казанские губернские ведомости. Казань.
- КВ** – Казанский вестник. Казань.
- КМВ** – Казанский музейный вестник. Казань.
- КПВ** – Культура и письменность Востока. Баку.
- КСИВ** – Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. М.-Л., М.
- КСИМК** – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- КСИНАз** – Краткие сообщения Института народов Азии. М.
- КСИС** – Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
- КСИЭ** – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
- ЛС** – Лексикографический сборник. М.
- МАД** – Материалы по археологии Дагестана.
- МИ** – Мир ислама. СПб.
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МИБЯ** – Материалы Института болгарского языка БАН. София.
- МОРРПТ** – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников. ТССР. Казань.
- МЭ** – Материалы по этнографии. М.
- НАА** – Народы Азии и Африки. М.
- НЖ** – Наука и жизнь. Казань.
- НП** – Наука и просвещение. Ташкент.
- НПС** – Научно-педагогический сборник. Казань.
- НЭ** – Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОЛА** – Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М.

- ОРЯС** – Отделение русского языка и словесности
Российской Академии наук. СПб.
- ПВ** – Проблемы востоковедения. М.
- ПИДО** – Проблемы истории докапиталистических
обществ. М.
- ПЛНВ** – Памятники литературы народов Востока. М.
- ППВ** – Письменные памятники Востока. Историко-
филологические исследования. Ежегодник. М.
- ПП и** – Письменные памятники и проблемы истории
ПИКНВ культуры народов Востока. Л. Т.1-15.
- ПС** – Палестинский сборник. М.-Л.
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
- РА** – Российская археология. М.
- РР** – Русская речь. Научно-популярный журнал
Института русского языка АН СССР. М., 1967-
- РФВ** – Русский филологический вестник. Варшава.
- СА** – Советская археология. М.
- САИ** – Свод археологических источников. М.
- СБ** – Старобългаристика. София.
- СБАН** – Сборник на Българската академия на науките.
- СБФ** – Славянский и балканский фольклор.
- СВ** – Советское востоковедение. М.; Л..
- СГАИМК** – Сообщения Государственной академии истории
материальной культуры. М.
- СГВ** – Симбирские губернские ведомости. Симбирск.
- СИЭ** – Советская историческая энциклопедия. М.
- СкСб.** – Скандинавский сборник. Тарту.
- СМАЭ** – Сборник музея антропологии и этнографии. Л.
- СМОМПК** – Сборник материалов для описания местностей и
племен Кавказа. Вып. 1-46. Тифлис, 1881-1929.
- СНВ** – Страны и народы Востока. М.
- СОРЯС** – Сборник отделения русского языка и
словесности Императорской академии наук [с
1919г. – Российской АН, с 1925 г. – АН СССР].
Т. 1-101. СПб.; Пгр., 1872-1928.
- СПб. Вед.** – Санктпетербургские ведомости. СПб.
- ССл.** – Советское славяноведение. М.
- СТОЭ** – Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб. Т.
1-6.

- СФУ** – Советское финно-угроведение. Таллинн, 1965-1989.
- СЭ** – Советская этнография. М.
- ТА** – Таван Атал. Шупашкар.
- ТВ** – Туркестанские ведомости. Ташкент.
- ТВОИАО** – Труды Восточного отделения Императорского археологического общества.
- ТВОРАО** – Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
- ТИЭ** – Труды Института этнографии АН СССР. М.
- ТИЯз** – Труды Института языкознания АН СССР. М.
- ТИЯЛИ** – Труды Института языка, литературы и истории АН Киргизской ССР. Фрунзе.
- Кирг.**
- ТИЯЛИ Як.** – Труды института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Якутск.
- ТМИВ** – Труды Московского института востоковедения. М.
- ТОДРЛ** – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.
- ТОИТ** – Труды Общества по изучению Татарстана.
- ТОУАК** – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.
- ТрИРЯ** – Труды Института русского языка АН СССР. М.; Л.
- ТрКФАН** – Труды Казанского филиала АН СССР. Казань.
- ТрМарНИИ** – Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
- ТрМордНИИ** – Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск.
- ТрХАЭЭ** – Труды Хорезмского археолого-этнографической экспедиции. М.
- ТрЮТАКЭ** – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
- ТС** – Тюркологический сборник. М.

- УЗ БАШКУГУ** – Ученые записки Башкирского университета. Серия филологических наук. Уфа.
- УЗ ГАНИИ** – Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
- УЗ ИАН** – Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб.
- УЗ ИВАН** – Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР. М.
- УЗ ИЯЛИЯФ** – Ученые записки литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Якутск.
- УЗ КазГПИ** – Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань.
- УЗ КиргГУ** – Ученые записки Киргизского государственного университета. Фрунзе.
- УЗ КУ** – Ученые записки Казанского университета. Казань.
- УЗ ЛГПИ** – Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена.
- УЗ ЛГУ** – Ученые записки Ленинградского госуниверситета. Л.
- УЗ ТашкГПИ** – Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института. Серия общественных наук. Ташкент.
- УЗ ТомПИ** – Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск.
- КУЗ ТувНИИ** – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл.
- УЗ ХНИИ** – Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
- УЗ ЧГПИ** – Ученые записки Чувашского государственного педагогического института им. И.Я.Яковлева. Чебоксары.

- УЗ ЧНИИ** – Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары.
- ФЗ** – Филологические записки. Воронеж, 1860-1917.
- ЧОИДР** – Чтения общества истории и древностей российских.
- ЭВ** – Эпиграфика Востока. М.; Л.
- ЭИРЯ** – Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- ЭО** – Этнографические обозрение. Т. 1-112. М., 1889-1918.
- ЭСБЕ** – Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб.
- ЮТАКЭ** – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- ЯМ** – Язык и мышление. М.; Л.
- ЯНС** – Языки народов Сибири. Кемерово.
- ЯТОП** – Языки и топонимия. Томск.
-
- AAaT** – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.
- AArch** – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.
- AASF** – Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Suomalaisen Tiedeakatemia toimituksia. Helsinki.
- AASSF** – см. AASF
- AAW** – Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften. Wiesbaden.
- AAWB** – Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philologisch-historische Klasse.
- AB** – Analecta Bollandiana
- ABAW - B** – Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften. Berlin.
- ABAW – M** – Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. München.
- ACUT** – Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. Tertu.

- ADAW** – Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Berlin.
- AEMAe** – Archivum Eurasiae Medii Aevi. New York.
- AEthn** – Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- AF** – Altorientalische Forschungen, Berlin.
- AfslPh** – Archiv für slavische Philologie. Berlin-Leipzig.
- AV** – Archiv für Völkerkunde. Wien.
- AION** – Annali dell' Instituto Orientale di Napoli.
- AJAS** – American Journal of Arabic Studies. Leiden.
- AJPh** – American Journal of Philology. Baltimore.
- AJSL** – American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
- AKM** – Archiv für die Kunde Des Morgenlandes. Leipzig.
- AKM** – Abhandlungen für die Kunde Des Morgenlandes. Herausgegeben von der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.
- ALH** – Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- AM** – Asia Major. London.
- AM** – Asia Major. Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen, der Kunst und der Kulturen des Fernen Orients und Zentralasiens. London.
- AnnaI** – Annali di Istituto Superiore di Napoli. Centro di studia di turcologia. Napoli.
- AO** – Archiv orientální. Journal of the chechoslovak oriental institute. Praha.
- AOH** – Acta orientalia (Academiae Scientiarum Hungaricae). Budapest.
- AOr(Havn)** – Acta orientalia (Havniae). Copenhagen. Kopenhagen.
- APAW** – Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
- ASAL** – American Studies in Altaic Linguistics. Bloomington, 1962.
- AT** – Antik Tanulmányok.
- ATIM** – Alttürkischen Inschriften der Mongolei. St.-Pbg.

- AUL** – Latvijas Augstskolas Raksti (Acta Universitatus Latviensis). Rīgā.
- AÜb** – Africa und Übersee. Berlin.
- AÜDTCFd** – Ankara Üniversitesi Dilve Tarih-Coğrafya Fakültesi dergisi. Ankara.
- AUL** – Acta Universitatis Latviensis. Rīgā.
- AWLM** – Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz.
- Baltistica** – Baltistica. Vilnius.
- BASOR** – Bulletin of American School of Oriental Research. Jerusalem-Bagdad.
- BB** – Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Göttingen.
- BDA** – Bulletin of the Department of Anthropology, Indian Museum. Calcutta.
- BEFEO** – Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Paris.
- BEO** – Bulletin d'études orientales. Damas.
- BGA** – Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugduni Batavorum, 1870. T.1, ed. 2. 1939; 1873. T.2; 1892. T.7.
- BIFAO** – Bulletin de l'Institut Français d'archéologie orientale. Le Caire.
- B – IJBS** – Byzantion. International Journal of Byzantine Studies. New York.
- BLEc** – Bulletin de la littérature ecclésiastique. Toulouse.
- BOH** – Bibliotheca Orientalis Hungarica. Budapest.
- BS** – Byzantinoslavica. Praha.
- BSLP** – Bulletin de la Société de linguistique de Paris. Paris.
- BSOAS** – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
- BSOS** – Bulletin of the School of Oriental Studies. London.
- BSz** – Budapesti Szemle.
- Byzantion** – Revue internationale des études byzantines. Paris – Brussel.
- CAJ** – Central Asiatic Journal. The Hague – Wiesbaden (Leiden; Wien).
- CB** – Corpus scriptorum historiae byzantinae. Bonnae.

- CF** – Catalogus Fontium Historiae Hungaricae, 1000-1301 / Ed. F.A.Gombos. Budapest, 1937. T. 1,2; 1938. T. 3.
- CIFU** – Congressus Internationalis Fenno-Ugrisbarum: I. Budapest, 1963; II. Helsinki, 1968; III. Tallinn, 1973; IV. Budapest, 1978-1981 (T. 1-3); V. Turku, 1980-1981 (T. 1-8).
- CO** – Collectanea Orientalia. Wilno, 1932.
- CQIFU** – Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugritarum. Budapest, 1975.
- CTIFU** – Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugritarum. Tallin, 1970.
- DD** – Türkiye'de halk ağzındansöz derleme dergisi, I-VI. İstanbul-Ankara, 1939-1952.
- Dİ** – Der İslam. Strassburg-Berlin. Berlin.
- DS** – Türkkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü, I-III. Ankara, 1963-1968.
- DTCFD** – Dil, Tarin ve Coğrafya Fakultesi dergisi. Ankara.
- DWAW** – Denkschriften der kaiserlicher Akademie der Wissenschaften zu Wien.
- EB** – Études Balkaniques. Sofia.
- ECam** – Études camérounaises. Douala-Paris.
- EFU** – Études finnougriennes. Paris.
- Eİ** – Encyclopédie de l'islam. Leiden-Paris.
- Eİz** – The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden-Leipzig, 1913-1936. V. 1-15.
- EK** – Eesti Keel. Tartu.
- EKirj** – Eesti Kirjandus. Tartu.
- EPhK** – Egyetemes Philologiai Közlöny.
- ESA** – Emakeele Seltsi Aastaraamat. Tallinn.
- ETATÜ** – Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonneteadused. Tallinn.
- ETATÜS** – Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste Seeria. Tallinn.
- FFS** – Folklore Fellows communications. Helsinki.
- FHG** – Fragmenta historicorum graecorum.
- FO** – Folia orientalia
- FU** – Fenno-ugristica. Tartu (TRÜT).
- FUF** – Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki.

- FUFAnz.** – Anzeiger der Finnisch-Ugrischen Forschungen. Helsinki.
- GGA** – Göttingische Gelehrte Anzeigen. Göttingen.
- GGF** – Grundriss der germanischen Philologie. Strassburg.
- GHÄ** – Göteborg Högskolas Årsskrift. Göteborg.
- GLrPh** – Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg.
- GSAs** – Giornale della Società Asiatica Italiana. Roma.
- GMS** – Gibb Memorial Series.
- HbOr** – Handbuch der Orientalistik. Leiden-Köln.
- HGM** – Historici graeci minores. Lipsiae.
- HJAS** – Harvard Journal of Asiatic Studies. Harvard-Yenching Institute. Cambridge, Massachusetts.
- HR** – History of Religions, Chicago.
- IAnt** – Indian Antiquary. Bombay.
- İC** – İslamic Culture. Hyderabad.
- IF** – Indogermanische Forschungen. Berlin.
- IJJ** – Indo-Iranian Journal. s'-Gravenhage. Leiden.
- IJAL** – International Journal of American Linguistics. Baltimore.
- IJMES** – International Journal of Middle Eastern Studies. London; New York.
- IJSLP** – Internationak Journal of Slavic Linguistics and Poetics.
- IL** – Indian Linguistics. Calcutts.
- IUP** – Indiana University Publications. Bloomington-The Hague.
- JA** – Journal Asiatique . Paris.
- JAOS** – Journal of the American Oriental Society.
 • Baltimore. Maryland. New York-New Haven. Chicago.
- JAS** – Journal of the Asiatic Society. Calcutta.
- JASB** – Journal of the Asiatic Society of Bengal, Calcutta. Calcutta.
- JBBRAS** – Journal of Bambay Branch of the Royal Asiatic Society.
- JNES** – Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- JRAI** – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.

- JRAS** – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain. London
- JSFOu** – Journal de la Société Finno-Ougrienne. Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja. Helsinki.
- KBY** – Kültur Bakanlǵı yayınları. İstanbul.
- kcZa** – Kőrösi Csoma Archivum. Budapest.
- KCzKk** – Kőrösi Csoma Kiskönyvtár.
- KED** – Kaynak Eserler Dizini. İstanbul.
- KK** – Keel ja Kirjandus. Tallinn.
- KKIU** – Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused. Tallinn.
- KSVK** – Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo-Helsinki.
- KSz** – Keleti Szemle (Revue orientale). Budapest.
- KZ** – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A.Kuhn. Berlin, Göttingen.
- Lg** – Language. Baltimore.
- LP** – Lingua posnaniensis. Poznań.
- LSFU** – Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki.
- LSI** – Linguistic Survey of India, compiled and edited by Grierson. Calcutta, 1899-1928. Vol. 1-11.
- LSUI** – Language Sciences (University of Indiana).
- LU** – Linguistica Uralica. Tallinn.
- LUÅ** – Lund Universitets Årsskrift. Lund.
- MA** – Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Imperiale Des Sciences de St.-Petersburg.
- MIDEO** – Mélanges d'Institut Dominicain d'Etudes Orientales du Caire.
- MIOF** – Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Berlin.
- MKSz** – Magyar Könyvszemle
- MNL** – Magyar Néprajzi Lexikon.
- MNy** – Magyar Nyelvjárások. Budapest.
- MO** – Le Monde orientale. Uppsala.
- MSFOu** – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki.
- MSL** – Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Paris.

MSOS	–	Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen. Der Friedrich-Wilhelms Universität. Berlin.
MTAkKözl	–	A Magyar Tudományos Akadémia nyelv- és irodalomtudományi osztályának Közlemények. Budapest.
Mtud	–	Magyar Tudomány.
NAW	–	Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen.
NÉ	–	Néprajzi Értesítő
NF	–	Neue Folge.
NM	–	Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki.
NNy	–	Népünk és Nyelvünk. Szeged.
NO	–	Nový Orient. Praha.
NTS	–	Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo.
NyÉrt	–	Nyelvtudományi Értekezések. Budapest.
NyK	–	Nyelvtudományi Közlemények. Budapest.
NyT	–	Nyelvészeti Tanulmányok.
OLZ	–	Orientalistische Literatur-Zeitung. Leipzig.
OM	–	Oriente Moderno. Roma.
OR	–	Oriens. Leiden.
OS	–	Orientalia Suecana. Stokholm.
PAU PrOr	–	Polsks Akademia Umiejętności Prace Komisji Orientalistycznej
PBAc	–	[- Mémoires de la Commission Orientale]. Kraków.
PhTF	–	Proceedings of the British Academt. London.
PKO	–	Philologiae turciae fundamenta. T.T.Wiesbaden, 1959.
PO	–	Prace komisji orientalistycznej Polska Akademija umiejętności. Kraków.
PPhS	–	Przegląd orientalistyczny. Warszawa.
	–	Proceedings of the Philological Society. London.
QJMS	–	Quartely Journal of the Mythic Society. Bangalore.
RAFR.	–	Revue africaine. Alger.
RANL	–	Rendiconti della Reale Accademia Nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storische e filosofiche. Roma.
RÉS	–	Revue des Études Slaves. Paris.
RHR	–	Revue del'histoire des religions. Paris.

- RILmb** – Rendicondi del Reale Istituto Lombardo. Milano.
- RIL** – Rendiconti dell' Istituto Lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere e scienze morali e storiche. Milano.
- RLing** – Revue de linguistique et de philologie comparée. Paris.
- RO** – Rocznik orientalistyczny. Lwów; Kraków; Warszawa.
- ROC** – Revue de l'Orient chrétien. Paris.
- RSO** – Revista degli studi orientali. Roma.
- RStO** – Rivista degli Studi Orientali. Roma.
- SAW** – Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Helsinki.
- SBAW** – Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München.
- SBAW Berl.** – Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.
- SBAW Wien** – Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien.
- SBBA** – Sitzungsberichte der Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historischen Abt. München.
- SDD** – Türkiyede halk ağzından söz derleme dergisi. 1-6. İstanbul, Ankara, 1939-1952.
- SEC** – Studia Etymologica Cracovensia.
- SFAW** – Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften. Helsinki.
- SHAW** – Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Heidelberg. Heidelberg.
- SL** – Studia Iranica.
- SK** – Seminarium Kondakovianum. Praha.
- SKST** – Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Helsinki.
- Slavia** – Časopis pro slovanskou filologii. Praha.

SPAW	– Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
Spr Sällsk.	– Språkvetenskapliga sällskapetets i Uppsala förhandlingar (в изд. Uppsala Universitets Årsskrift). Uppsala.
SRH	– Scriptorum Rerum Hungaricorum. Budapest.
STH	– Studia Turco-Hungarica. Budapest.
StO(f)	– Studia Orientalia Fennica. Helsinki.
SUA	– Studia uralo-altaica. Szeged.
SvL	– Svenska landmål och svensk folkliv. Stockholm.
SWAW	– Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien.. Philosophisch-historische Klasse. Wien.
TD	– Türk Dili. Aylık dil ve edebiyat dergisi. Ankara. İstanbul.
TDAY-B	– Türk dili arařtırmaları yılığı (Belleten). Ankara.
TDEA	– Türk Dili ve Edebiyatı Arařtırmaları. İstanbul.
TDDED	– Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Ankara.
TDKY	– Türk dil kurumu yayınları. Ankara.
THITM	– Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası.
TL	– Tietolipas. Helsinki.
TM	– Türkiyat Mecmuası. İstanbul.
T' P	– T'oung Pao. Archives concernant l'histoire, les langues la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Leiden. Paris.
TPhs	– Transactions of the Philological Society. Oxford. London.
TRÜT	– Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Tartu.
TS	– XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle tarama sözlüğü. I-IV. Ankara, 1943-1957. 2-e изд. I-VI. Ankara, 1963-1972.
TSz	– Történelmi Szemle.
Túrán	– Túrán. Zeitschrift für osteuropäische, vorder- und innerasiatische Studien. Budapest, 1918.
TŽ	– Tauta ir žodis. Kaunas.
UAB	– Ural-Altäische Bibliothek.
UAJb	– Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden.

- UAS** – Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington – The Hague.
- UCeylR** – University of Ceylon Review. Colombo.
- UJb** – Ungarische Jahrbücher. Berlin-Leipzig.
- UUÅ** – Uppsala Universitets Årsakrift. Uppsala.
- Vir.** – Virittäjä. Helsinki.
- WuS** – Wörter und Sachen. Heidelberg.
- WZKM** – Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
- ZajZJPS** – Zayączkowski A. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.
- ZAS** – Zentralasiatische Studien. Wiesbaden.
- ZDMG** – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.
- ZE** – Zeitschrift für Ethnologie.
- ZES** – Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen. Berlin
- ZfSPh** – Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin, Heidelberg, Leipzig.
- ZfVps** – Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin.
- ZII** – Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Leipzig.
- ZONF** – Zeitschrift für Ortsnamenforschung. München. Berlin.
- ZPh** – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin.
- ZSem** – Zeitschrift für Semitistik. Leipzig.
- ZSLPh** – Zeitschrift für slavische Philologiae. Leipzig,
- ZSLPh** – Zeitschrift für Slavische Philologie. Leipzig-Heidelberg.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

- абадз. – абадзехский (диалект адыгейского языка)
абаз. – абазинский
абак. – абаканский (=хакасский)
абал. – абаларский (=абинский) см. шор.
абд. – абдолтили (арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии)
абдал. – арг абдалов Восточного Туркестана
абж. – абжуйский (диалект абхазского языка)
абх. – абхазский
авар. – аварский
авест. – авестийский
авр. – авромани
австрон. – австронезийский
австрот. – австротайский
агат. – говор эвенков Агаты и Большого Порога северного наречия
агин. – агинский (говор бурятского языка)
агул. – агульский
адб. гон. – адилабадский гонди
адб. кол. – адилабаский колами
аджар. – аджарский
адыг. – адыгейский
аз. – азербайджанский
аз. (агд.) – агдашский (говор азербайджанского языка)
аз. (айрум) – айрумский говор западного диалекта азербайджанского языка
аз. (бак.) – бакинский диалект азербайджанского языка
аз. (варт.) – варташинский (говор азербайджанского языка)
аз. (геокч.) – геокчайский (говор азербайджанского диалекта)
аз. (гяндж.) – гянджинский диалект азербайджанского языка
аз. (джебр.) – джебраилский (говор азербайджанского языка)
аз. (дман.) – дманисский (говор азербайджанского языка)
аз. (ерев.) – ереванский говор южного диалекта азербайджанского языка
аз. (закат.) – закатальский (говор азербайджанского языка)
аз. (занг.) – зангеланский (говор азербайджанского языка)
аз. (казах.) – казахский диалект азербайджанского языка
аз. (караб.) – карабахский (диалект азербайджанского языка)
аз. (караяг.) – караягинский (говор азербайджанского языка)
аз. (ках.) – кахский (говор азербайджанского языка)

- аз. (керук.) – керукский (говор азербайджанского языка)
 аз. (куб.) – кубинский (диалект азербайджанского языка)
 аз. (ленк.) – ленкоранский говор восточного диалекта азербайджанского языка
 аз. (муган.) – муганский говор восточного диалекта азербайджанского языка
 аз. (нахич.) – нахичеванский (диалект азербайджанского языка)
 аз. (нух.) – нух(ин)ский (диалект азербайджанского языка)
 аз. (ордуб.) – ордубадский (диалект азербайджанского языка)
 аз. (сальян) – сальянский (диалект азербайджанского языка)
 аз. (тавриз.) – тавризский диалект азербайджанского языка
 аз. (шемах.) – шемаханский (диалект азербайджанского языка)
 айн. – айнский
 аккад. – аккадский
 аккин. – аккинскяй (диалект чеченского языка)
 акнад. – акнадинский диалект тиндинского языка
 акног. – акногайский (диалект ногайского языка)
 аксуй. – аксуинский (говор уйгурского языка)
 акуш. – акушинский (диалект даргинского языка)
 алан. – аланский
 алар. – аларский (диалект бурятского языка)
 албан. – албанский
 алд. – алданский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
 алил. – алилинский (говор язырского диалекта туркменского языка)
 алл. – аллайховский (говор среднего наречия эвенского языка)
 алт. – алтайский
 алют. – алюторский
 амх. – амхарский
 анад. – анадырский (говор восточного наречия эвенского языка)
 анат. – анатолийский
 анауск. – анауский (говор туркменского языка)
 ангид. – ангидинский (диалект тиндинского языка)
 англ. – английский
 англос. – англосаксонский
 анд. – андийский
 ануд. – анудха
 анц. – анцухский (диалект аварского языка)
 анюй. – 1) анюйский (говор среднего наречия эвенского языка);
 2) анюйский говор удэйского языка

араб. – арабский
арабач. – арабачы (говор туркменского языка)
арабча – арго фергенских и ташкентских (на таджикской основе)
 говоров узбекского языка
араг. – арага
арак. – аракульский (диалект лакского языка)
арам. – арамейский
аргив. – аргивский
арий. – арийский
арин. – аринский (енисейский)
арин. – аринский (= западно-сибирский диалект татарского языка)
аргос. – аргосский
аркас. – аркасский (говор аварского языка)
арк.-кипр. – аркадо-кипрский
аркит. – аркистский (говор табасаранского языка)
арм. – армянский
арман. – арманский (диалект эвенского языка)
арм.-кыпч. – язык армяно-кыпчакских памятников
арм.-пол. – армяно-половецкий
аромун. – аромунский (македонско-румынский)
арсуг. – арсугский (говор агульского языка)
ару-хорч. – ару-хорчинский
архав. – архавский
арханг. – архангельский (говор русского языка)
арчин. – арчинский
арчоб. – арчобский (говор каратинского языка)
ассан. – ассанский
ассир. – ассирийский
астиджан. – астиджанский
астрах. – астраханский
атин. – атинский
аттич. – аттический
аукшт. – аукштайский
афг. – афганский (пашто)
афт. – афтари
афш. – афшарский
атт. – аттический
ахвах. – ахвахский
ахмим. – ахмимский

ахт. – ахтынский (диалект лезгинского языка)
ашк. – ашкун (один из кафирских языков)
ашт. – аштский (диалект таджикского языка)
ашх. – ашхарский (диалект абазинского языка)
а.-я. – адшага-яракский (говор табасаранского языка)
аян. – аянский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
бавар. – баварский
багв. – багвалинский (багвальский, багулальский, квандинский)
багуал. – багуальский
бадахш. – бадахшанский (говор таджикского языка)
бадж. – баджувский (диалект шугнанского языка)
баджал. – баджалани (диалект языка турани)
баджув. – баджувский (диалект шугнанского языка)
байкит. – байкитский (говор южного наречия эвенкийского языка)
бакс. – баксанский (диалект карачаево-балкарского языка)
бактр. – бактрийский
балак. – балаканский (диалект бурятского языка)
балк. – балкарский
балт. – балтийский
бальск. – бальский
банг. – бангару (диалект западного хинди)
баоань. – баоаньский
бар.-бур. – баргу-бурятский
бар. – баргузинский 1) говор бурятского языка; 2) говор южного наречия эвенкийского языка
бар. кан. – баркурский каннада
барт. – бартангский
бартх. – бартхинский (диалект лакского языка)
баск. – баскский
батлух. – батлухский (диалект аварского языка)
баунт. – баунтовский (говор южного наречия эвенкийского языка)
бахт. – бахтиярский (диалект персидского языка)
бацб. – бацбийский (-тушинский)
башк. – башкирский
башк. (айск.) – айский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (айск.-киг.) айско-кигинский (говор восточного диалекта башкирского языка)

- башк. (айск.-миас.) – айско-миасский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (арг.) – аргаяшский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (асин.) – асинский (говор башкирского языка)
- башк. (байк.) – байкибашевский (говор башкирского языка)
- башк. (бал.) – балактайский (говор диалекта башкирского языка)
- башк. (балыкч.) – балыкчинский (говор башкирского языка)
- башк. (бас.) – басувский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (белорец.) – белорецкий (говор башкирского языка)
- башк. (бурз.) – бурзянский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (в.-бел.) – верхнебельский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (вост.) – восточный диалект башкирского языка
- башк. (гайн.) – гайнинский (говор северо-западного диалекта башкирского языка)
- башк. (гаф.) – гафурийский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (дем.) – демский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (дем.-альш.) – демско-альшеевский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (дем.-давл.) – демско-давлеканский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (дем.-кар.) – демско-караидельский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (дем.-мияк.) – демско-миякинский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (дув.-меч.) – дуван-мечетлинский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (дюрт.) – дюртюлинско-илишевский (говор башкирского языка)
- башк. (ез.) – еземский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (зап.) – западный (говор башкирского языка)
- башк. (заур.) – зауральский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (зиг.) – зиготский (говор башкирского языка)
- башк. (зил.) – зилаирский (говор башкирского языка)

- башк. (зилим.) – зилимский (говор башкирского языка)
- башк. (ик.-сакм.) – ик-сакмарский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (инз.) – инзерский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (казм.) – казмашевский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (караг.) – карагай-кыжакский (говор башкирского языка)
- башк. (карид.) – каридельский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (карм.) – кармаскалинский (говор башкирского языка)
- башк. (к.-ид.) – караидельский (говор северо-западного диалекта башкирского языка)
- башк. (киз.) – кизильский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (кубал.) – кубалакский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (кумбр.-таб.) – кумрук-табынский (говор башкирского языка)
- башк. (куюрг.) – кююргазинский (говор башкирского языка)
- башк. (кыз.) – кызыльский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (кырм.) – кырмыскалинский (говор башкирского языка)
- башк. (лаг.) – лагырский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (лемез.) – лемезский (говор башкирского языка)
- башк. (менз.) – мензединский (говор башкирского языка)
- башк. (миас.) – миасский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (мияк.) – миякинский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (нугуш.) – нугушский (говор башкирского языка)
- башк. (нур.) – нурамановский (говор диалекта башкирского языка)
- башк. (петр.) – петрушкинский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (сакм.) – сакмарский (говор диалекта башкирского языка)
- башк. (сакм.-байм.) – сакмарско-баймакский (говор башкирского языка)
- башк. (сакй.-тавл.) – сакмарско-тавлыкавский (говор башкирского языка)

- башк. (сакм.-хайб.) – сакмарско-хайбуллинский (говор башкирского языка)
- башк. (сал.) – сальютский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (сев.-вост.) – северо-восточные (говоры башкирского языка)
- башк. (с.-з.) – северо-западный (говор башкирского языка)
- башк. (ср.) – средний (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (сур.) – сурымский (говор башкирского языка)
- башк. (суран) – суранский (говор башкирского языка)
- башк. (там.) – тамьянский (говор башкирского языка)
- башк. (танал.) – танальгинский (говор башкирского языка)
- башк. (танып.) – таныпский (говор башкирского языка)
- башк. (тил.) – тиляуский (говор восточного диалекта башкирского языка)
- башк. (туйм.) – туймазинский (говор башкирского языка)
- башк. (тюй.) – тюйский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (уй.) – уйский (говор башкирского языка)
- башк. (уран) – уранский (говор башкир, расселенных по р. Уран Оренбургской области)
- башк. (урш.) – уртакский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (учал.) – учалинский – говор башкирского языка (тептярское наречие)
- башк. (хурям.) – хурямский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (чишм.) – чишминский (говор башкирского языка)
- башк. (ю.в.) – юго-восточный (говор диалекта башкирского языка)
- башк. (южн.) – южный диалект башкирского языка
- башк. (юрм.) – юрматынский (говор южного диалекта башкирского языка)
- башк. (юрюз.) – юрюзанский (говор диалекта башкирского языка)
- башк. (ал.-кат.) – ялан-катайский (говор диалекта башкирского языка)
- бежет. – бежетинский
- бежт. – бежтинский
- бел. – беллари
- беломор. – беломорский
- белор. – белорусский
- белудж. – белуджский

бельт. – бельтирский (=хакасский)
бенг. – бенгали
беот. – беотийский
берб. – берберский
бес. – бесермянский (диалект удмуртского языка)
беслен. – бесленеевский (диалект кабардинского языка)
бег. гон. – бетульский гонди
бжед. – бжедгуйский (диалект адыгейского языка)
б.-зем. – большеземельский
бзыб. – бзыбский (диалект абхазского языка)
библ.-арам. – библейско-арамейский
бикип. – бикинский 1) (говор удэйского языка); 2) (говор нанайского языка)
бир. – бирский (говор марийского языка)
бирм. – бирманский
болг. – болгарский
борч. – борчинский (диалект рутульского языка)
босн. – боснийско-турецкий
ботл. – ботлихский
бох. – боханский (диалект бурятского языка)
бохейр. – бохейрский
бр. – брауи
брахм. – брахманский
брет. – бретонский
буд. – будухский
будд. – язык текстов буддийского письма
будух. – будухский
буйн. – буйнакский (диалект кумыкского языка)
булг. – болгарский
булгат. – булгатский (говор бурятского языка)
бунд. – бундели (диалект западного хинди)
бур. – бурятский
бург. – бургундский
бурких. – буркиханский (говор агульского языка)
буруш. – бурушаский
бутр. – бутринский (диалект даргинского языка)
бухар. – бухарский (диалект узбекского языка)
быстр. – быстринский (говор восточного наречия эвенского языка)
вавил. – вавилонский

вайг. – вайгали
в.-адж. – верхнеаджарский
ваз. – вазири (диалект пашто)
валаш. – валашский
валл. – валлийский
в.-амур. – верхнемарский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
ван. – ванечи (диалект афганского языка)
вавнав. – ванаварский (говор южного наречия эвенкийского языка)
ванд. – вандалский
вандж. – ванджский
варз. – варзобский (говор таджикского языка)
варт. – варташенский (диалект удинского языка)
вас. – васюганский
вах. – ваханский
в.-бельск. – верхнебельский
в.-вычег. – верхневычегорский (диалект коми-зырянского языка)
вед. – ведийский
вейнах. – вейнахский
великолук. – великолукский
вельот. – вельотский
венг. – венгерский
венет. – венетский
вепс. – вепский
верх. – верховой (диалект чувашского языка)
верш. – вершиковский (диалект языка бурушаски)
вестгот. – вестготский
виллой – вилюйский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
витим. – витимский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
виц. – вицкий
вице-архав. – вице-архавский
вицх. – вицхинский (диалект лакского языка)
вишер. – вишерский (диалект коми-зырянского языка)
влад. – владимирский
в.-лен. – верхоленский (говор южного наречия эвенкийского языка)
в.-луж. – верхнелужицкий
вог. – вогульский (=мансийский)
вод. – водский
волж. – волжский (говор лугового наречия марийского языка)

волж.-перм. – волжско-пермский
волж.-фин. – волжско-финский
волог. – вологодский
вольск. – вольский
вост. – восточный
вост.-вычег. – восточно-вычегожский (диалект коми-зырянского языка)
вост.-иран. – восточно-иранский, -ие языки
вост.-кав. – восточно-кавказский
вост.-кушит. – восточно-кушитский
вост.-монг. – восточно-монгольский
вост.-саам. – восточносаамский
вост.-слав. – восточнославянский
вост.-тюрк. – восточнотюркский
вост.-фриз. – восточнофризский
вост.-ф.-уг. – восточнофинноугорский, -ие
вост.-хант. – восточнохантыйский
вост.-чад. – восточночадский
вот. – вотякский (=удмуртский)
вотап. – вотапури (дардский диалект центральной группы)
в.-сыс. – верхнесысольский (диалект коми-зырянского языка)
вулк. – вулканештский (говор гагаузского языка)
вым. – вымский (диалект коми-зырянского языка)
вычег. – вычегодский (диалект коми-зырянского языка)
вят. – вятский областной говор русского языка
г. – галицкий (диалект западно-караимского языка)
гав.-бат. – гавар-баты
гаг. – гагаузский
гаг. (центр.) – центральный (чадырлунгско-комратский диалект гагаузского языка)
гаг. (южн.) – южный (вулканештский диалект гагаузского языка)
гад. – гадаба
гадыр. – гадыринский (говор чамалинского языка)
гакв. – гакваринский диалект цахурского языка
гал. – галльский
галат. – агалтский
галинд. – галиндский
галло-ром. – галло-романский
г.-алт. – горноалтайский

гат. – гатский, авестийский язык Гат.
гд. кан. – гауда каннада
геклен. – гекленский (диалект туркменского языка)
гел. – гелхенский (говор лезгинского языка)
гельм. – гельмецкий (диалект цахурского языка)
геоглен. – геокленский (диалект туркменского языка)
герм. – германский
гигат. – гигатльский (диалект чамалинского языка)
гид. – гидский (диалект аварского языка)
гидж. – гиджуванский (говор таджикского языка)
гил. – гилианский
гилияр. – гилиярский (говор лезгинского языка)
гинух. – гинухский
гисс. – гиссарский (говор таджикского языка)
г.-мар. – горномарийский
годоб. – годоберинский
гойд. – гойдельский
голл. – голландский
гольд. – гольдский (=канайский)
гомер. – гомеровский
гон. – гонди
гонч. – гончинский (говор таджикского языка)
гом. гон. – гомму гонди
горлос. – горлосский
горн. – горный
горон. – горонский (говор таджикского языка)
гот. – готский
гр. – греческий
груз. – грузинский
груз.-зан. – грузинско-занский
губд. – губденский (диалект даргинского языка)
гудж. – гуджарати
гул. кан. – гульбаргский каннада
гумин. – гуминский (говор табасаранского языка)
гунз. – гунзибский
гунн. – гуннский
гуран. – гуранский
гурий. – гурийский
гуцул. – гуцульский

эль. – гэльский (=кельтский)
югр. – гюграхский (говор табасаранского языка)
юн. – гюнайский (диалект лезгинского языка)
ав. – давани (диалект Фарса)
аг. – дагестанские
агур. – 1) дагурский; 2) говор осолоновишикх дагуров
ак. – дакийский
ако-фрак. – дако-фракийский
алм. – далматинский
ам. – дамели
арв. – дарвазский (говор таджикского языка)
арг. – даргинский
ард. – дардский
арси – фарси-кабули, персидский язык Афганнотана
ат. – датский
емот. – демотический
ерб. – дербетский (говор таджикского языка)
ербет – дербетский
жав. – джавахурский
жайп. – джайпури (диалект раджастанского языка)
жаст. – джастуйский
жихт. – джихтинский (говор табасаранского языка)
ж.-крб. кан. – джену-куруба каннада
жуг.-джуги – (таджикский говор гиссарских джуги)
жхал. бр. – джахалаванский браук
зук. – дзукский
игор. – дигорский (диалект осетинского языка)
ид. – дидойский (=цезский)
об. – добу
огреч. – догреческий
окуз. – докузпаринский (диалект лезгинского языка)
олан. – язык долан, говорящих на аксуйском говоре центрального
диалекта уйгурского языка (между Файзбадом – к востоку от
Кашгара – и Аксу)
олг. – долганский
омар. – домарийский
он. – донской
оперм. – допермский
ор. – дорический

дослав. – дославянский
дотюрк. – дотюркский
драв. – дравидийский
др.-алб. – древнеалбанский
др.-англ. – древнеанглийский
др.-араб. – древнеарабский
др.-арам. – древнеарамейский
др.-арм. – древнеармянский
др.-ассир. – древнеассирийский
др.-бав. – древнебаварский
др.-болг. – древнеболгарский
др.-брет. – древнебретонский
др.-булг. – древнебулгарский
др.-вавил. – древневавилонский
др.-валл. – древневаллийский
др.-венг. – древневенгерский
др.-в.-нем. – древневерхненемецкий
др.-герм. – древнегерманский
др.-груз. – древнегрузинский
др.-евр. – древнееврейский
др.-егип. – древнеегипетский
др.-инд. – древнеиндийский
др.-ирланд. – древнеирландский
др.-исланд. – древнеисландский
др.-канн. – древний каннада
др.-кимр. – древнекимрский
др.-кор. – древнекорейский
др.-корн. – древнекорнский
др.-лат. – древнелатинский
др.-лив. – древнеливийский
др.-макед. – древнемакедонский
др.-мал. – древнемалаялан
др.-мар. – древнемарийский
др.-монг. – древнемонгольский
др.-н.-нем. – древненижненемецкий
др.-перм. – древнепермский
др.-перс. – древнеперсидский
др.-прус. – древнепруский
др.-рус. – древнерусский

др.-сакс. древнесаксонский
др.-сев. – древнесеверный
др.-серб. – древнесербский
др.-сканд. – древнескандинавский
др.-там. – древнетамильский
др.-тат. – древнетатарский
др.-телугу – древний телугу
др.-тиб. – древнетибетский
др.-тюрк. – древнетюркский
др.-уйг. – древнеуйгурский
др.-фриз. – древнефризский
др.-ханаан. – древнеханаанейский
др.-хет. – древнехеттский
др.-чув. – древнечувашский (=булгарский – разных диахронических уровней)
др.-швед. – древнешведский
др.-юж.-араб. – древнеюжноарабский
др.-яп. – древнеяпонский
дудин. – дудинский (говор северного наречия эвенкийского языка)
дулд. – дулдугский (говор агульского языка)
дун.-болг. – дунайско-болгарский (=славянский язык праболгар)
дун.-булг. – дунайско-булгарский
дунсян. – дунсянский
дурбут. – дурбутский
дэрбэт – дэрбэтский
дюб. – дюбекский (говор табасаринского языка)
евр. – еврейский
егип. – египетский
егип.-арам. – египетско-арамейский
енис. – енисейский
енис.-орх. – енисейско-орхонский
енис.-самод. – енисейско-самоедский (=энецкий)
ерб. – ербогоченский (говор северного наречия эвенкийского языка)
ёмуд. – емудский (диалект туркменского языка)
жемайт. – жемайтский
забол. – заболотный говор тоболо-иртышского диалекта языка западносибирских татар
заз. – заза
заз. (бидж.) – заза (говор с. Биджан)

заз. (кор.) – заза (говор с. Кор)
заз. (сив.) – заза (говор с. Сиверск)
закат. – закательский (диалект аварского языка)
зан. – занский
зап.-герм. – западногерманский
зап.-груз. – западногрузинский
зап.-европ. – западноевропейский
зап.-кавк. – западнокавказский
зап.-кушит. – западнокушитский
зап.-монг. – западномонгольский
зап.-осет. – западноосетинский
зап.-сем. – западносемитский
зап.-сиб. – западносибирский
зап.-слав. – западнославянский
зап.-тюрк. – западнотюркский
зап.-урал. – западноуральский
зап.-фин. – западнофинский
зап.-чад. – западночадский
зап.-эвенк. – западноэвенкийский
зеб. – зебаки
зей. – зейский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
зенд. – зендский
зеф. – зефрей
зильд. – зильдинский (говор табасаранского языка)
зугд. – зугдидский
з.-ч. – зильдийско-чаракский (говор табасаранского языка)
зюзд. – зюздинский говор (переходный от коми-пермяцкого к коми-зырянскому диалекту)
ивр. – иврит
идг. – идга
идин. – идинский (говор бурятского языка)
и.-е. – индоевропейский
ижем. – ижемский (диалект коми-зырянского языка)
ижор. – ижорский
икан. – иканский (говор узбекского языка)
илий. – илийский
илимп. – илимпийский (говор северного наречия эвенкийского языка)
иллир. – иллирский

имб. – имбатский
имер. – имеретинский
инг. – ингушский
ингерм. – ингерманландский
ингил. – ингилойский
ингуш. – игушский
инд. – индийский
индо-ар. – индоарийский
индо-иран. – индоиранский
инхел. – инхеловский (говор каратинского языка)
инхоквар. – инхокваринский (диалект хваршинского языка)
иньв. – иньвенский (диалект коми-пермяцкого языка)
ион. – ионийский
иран. – иранский
ирон. – иронский (диалект осетинского языка)
исланд. – исландский
исп. – испанский
исфар. – исфаринский (говор таджикского языка)
ит. – итальянский
итал. – италийский
итумк. – итумкалинский (диалект чеченского языка)
ихр. – ихрекский (диалект рутульского языка)
ицар. – ицаринский (диалект даргинского языка)
ишим. – ишимский (говор языка западносибирских татар)
ишк. – ишкашимский
йидг. – йидга
й.-ол. – йошкар-олинский говор марийского языка
к. – (кар. к.) крымский (диалект караимского языка)
каб. – кабардинский
кабан. – кабанский (подговор бурятского языка)
кабил. – кабийский
кабул. – кабули
кавол – говор группы «кавол» (на таджикской основе)
каз. – казахский
кайк. – кайкавский
кайт. – кайтакский (диалект кумышского языка)
кайтаг. – кайтагский (диалект даргинского языка)
калабр. – калабрийский
калм. – калмыцкий

калмак. – калмакский (говор томского диалекта языка западно-сибирских татар)

калтас. – калтасинский (говор восточного наречия марийского языка)

калуж. – калужский

камас. – камасинский

кан. – каннада

кангурт. – кангуртский (говор таджикского языка)

кандаг. – кандагарский

канд. – кандыкский (говор табасаранского языка)

каниб. – канибадамский (говор таджикского языка)

каниг. – канигурамский (диалект языка ормури)

каппад. – каппадокийский

капс. – капсальский (говор бурятского языка)

капуч. – капучинский

кар. – караимский

кар. г. – галицкий (диалект караимского языка)

кар. к. – крымский (диалект караимского языка)

кар. л. – лужицкий (диалект караимского языка)

кар. т. – тракайский (диалект караимского языка)

караг. – карагасский (=тофаларский)

карадаг. – карадагский

карад. – карадышлы (говор язырского диалекта туркменского языка)

караног. – караногайский диалект ногойского языка

карат. – говор мордвы-каратаев

каратег. – каратегинский (говор таджикского языка)

каратин. – каратинский

карах. – карахский (диалект аварского языка)

карач. – карачаевский

караш. – карашарский (говор уйгурского языка)

карел. – карельский

карл. – карлукский

картв. – картвельский

картл. – картлийский

касим. – касимовский (говор западного диалекта татарского языка)

кассан. – кассансайский (говор таджикского языка)

кассит. – касситский

каталан. – каталанский

кафир. – кафирский

кахет. – кахетинский
кач. – качинский (диалект хакасского языка)
качуг. – качугский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
кашаг. – кашагачский
кашгар. – кашгарский
кашк. – кашкайский
кашм. – кашмири (диалект дардского языка)
кашуб. – кашубский
к.-балк. – карачаево-балкарский
квадр. – язык монгольской «квадратной» письменности
кванд. – квандинский (квандинский, багулальский)
кванх. – кванхинский (говор чамалинского языка)
кегер. – кегерский (говор аварского языка)
келаб. – келабит
келеб. – келебский (говор аварского языка)
кельт. – кельтский
кельто-итал. – кельто-италийский
кер. – керийский (говор хотанского диалекта уйгурского языка)
керган. – кергандрудский (говор талышского языка)
керчем. – керчемский (диалект коми-зырянского языка)
кет. – кетский
кеур. – кеуропи (диалект Центрального Ирана)
кидан. – киданьский
кизик. – кизикский
кимр. – кимрский
кинеш. – кинешемский
кипр. – кипрский
кирг. – киргизский
кист. – кистинский (диалект чеченского языка)
кит. – китайский
китаб. – китабский (говор таджикского языка)
к.-калп. – каракалпакский
к.-кирг. – каракиргизский (=киргизский)
клин.-лувий. – клинописный лувийский
ккм. там. – коллималей тамильский
кл. перс. – классический персидский
кмб. кан. – коимбатурский каннада
кмб. там. – коямбуттурский тамильский
кобад. – кобадианский (говор таджикского языка)

кобр. – кобринский (говор верхнесысольского диалекта коми-зырянского языка)

код. – кодагу

козм. – козьмодемьянский (говор горномарийского языка)

койб. – койбальский (диалект хакасского языка)

колым. – колымский

колым.-ом. – колымско-омолонский (говор восточного наречия эвенского языка)

кольск. – кольский

коми-зыр. – коми-зырянский

коми-зыр. (в. выч.) – верхневьчегодский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (в.-сыс.) – верхнесысольский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (вым.) – вымский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (ижем.) – ижемский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (кол.) – кольский говор ихимского диалекта коми-зырянского языка

коми-зыр. (лет.) – летский говор коми-зырянского языка

коми-зыр. (луз.) – лузский (говор коми-зырянского языка)

коми-зыр. (луз.-лет.) – лузско-летский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (н.-выч.) – нижневьчегодский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (печ.) – печорский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (присыкт.) – присыктивкарский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (с.-сыс.) – среднесысольский (диалект коми-зырянского языка)

коми-зыр. (удар.) – удорский (диалект коми-зырянского языка)

коми (куд.-иньв.) – кудымкарско-иньвенский диалект коми языка

коми-перм. – коми-пермяцкий

коми-перм. (азов.) – азовский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)

коми-перм. (акс.) – аксеновский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)

коми-перм. (бел.) – белоевский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)

- коми-перм. (б.-коч.) – большекочинский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (ваг.) – вагановский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (в.-ин.) – верх-иньвенский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (в.-кам.) – верхнекамское (наречие коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (в.-луп.) – верхнелупьинский (говор коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (в.- юсьв.) – верх-юсьвинский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (гаин.) – гаинский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (дем.) – деминский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (доег.) – доеговский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (егор.) – егоровский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (иньв.) – иньвенский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (окс.-кам.) – косинско-камский (говор коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (косог.) – косогорский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (коч.) – кочевский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (куд.) – кудымкарский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (куд.-ин.) – кудымарско-иньвенский (говор коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (лев.) – левичанский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (лоп.) – лопанский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (мел.) – мелехинский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)

- коми-перм. (мех.) – мелюхинский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (мыс.) – мысовский (говор коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (недв.) – недвинский (говор коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (н.-иньв.) – ниже-иньвенский (говор коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (оньк.) – оньковский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (от.) – отевский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (ош.) – ошибский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (пел.) – пельмский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (пукс.) – пуксибский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (самк.) – самковский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (сев.) – северное наречие коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (ср.-тньв.) – среднеиньвенский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (тим.) – тиминский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (тук.) – тукачевский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (фед.) – федоровский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
- коми-перм. (хайд.) – хайдукский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (чаз.) – чазевский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (чур.) – чураковский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
- коми-перм. (южн.) – южное наречие коми-пермяцкого языка
- коми-удор. – коми-удорский
- коми-удор. (в.-ваш.) – верхневашский (говор удорского диалекта коми-зырянского языка)
- коми-язьв. – коми-язьвинское (наречие коми-пермяцкого языка)
- комул. – комульский (говор уйгурского языка)

кон. – конда
конад. – конадинский (говор багулальского языка)
конд. – кондомский (диалект шорского языка)
кондак. – кондаковский (говор)
копт. – коптский
кор. – корейский
кор. (кан.) – канвондо
кор. (кен.) – кенсандо
кор. (пх.-нам.) – Пхеньян-намдо
кор. (пхень.) – Пхеньян
кор. (сеул.) – Сеул
кор. (хам.) – Хамгендо
кор. (чедж.) – Чеджудо
кор. (чон.) – Чонсандо
кораг. – корага
корл. – корлинский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
корн. – корнский
коряк. – корякский
кос.-кам. – косинско-камский (диалект коми-пермяцкого языка)
косогол. – косогольский (диалект халха-монгольского языка)
костр. – костромской
котт. – коттский
коч. – кочевский (диалект коми-пермяцкого языка)
кошан. – кошанский (диалект агульского языка)
крб. – куруба
крит. – критский
крх. – курух
крыз. – крызский
крым. – крымчакский
крым.-гот. – крымско-готский
ксан. – ксанский (диалект осетинского языка)
кт. – кота
кт. кан. – кота каннада
к.-тат. – крымско-татарский
кубач. – кубачинский (диалект даргинского языка)
кубин. – кубинский (диалект лезгинского языка)
кудар. – кударинский (говор бурятского языка)
кудин. – кудинский говор бурятского языка
куйб. – куйбышевский (=самарский)

куляб. – кулябский (говор таджикского языка)
куман. – куманский
кумз. – кумзари
кумин. – куминский (говор табасаранского языка)
кумык. – кумыкский
кумык. (казан.) – казанищенский (говор кумыкского языка)
кунгр. – кунгратский (диалект узбекского языка)
кур. – курейский (говор кетского языка)
курах. – курахский (диалект лезгинского языка)
курд. – курдский
курдак. – курдакско-тюркский
курм. – курманджи
курон. – куронский
курск. – курский
кур.-урм. – кур-урмийский (говор нанайского языка)
курш. – куршский
кусур. – кусурский (говор аварского языка)
кутл. – кутлабский (говор аварского языка)
кучан. – кучанский (один из языков тохарской группы)
кучар. – кучарский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
кушан. – кушанский
кушит. – кушитский
кушт. – куштинский (диалект табасаранского языка)
куяд. – куядинский говор южного наречия аварского языка
кхов. – кховар (один из дардских языков)
кыз. – кызыльский (диалект хакасского языка)
кырач. – кырачский (говор туркменского языка)
кырк. – кырский (диалект узбекского языка)
кюрдак. – диалект кюрданских татар Сибири
кюзер. – кюзерикский (диалект языка чулымских татар)
лаз. – лазский (=чанский)
лак. – лакский
лакон. – лаконийский
лам. – ламутский (=эвенский)
лангоб. – лангобардский
лапп. – лаппский, лапландский (саамский)
лап. – ларский (ларистани, луристани)
ласг. – ласгерди (диалект Центрального Ирана)
лат. – латинский

латыш. – латышский
лах. – лаху
лахн. – лахнда (западный панджаби)
лашх. – лашхский
леб. – лебединский (диалект горноалтайского языка)
лебаб. – лебабский (диалект туркменского языка)
лезг. – лезгинский
лен. – ленинабадский (говор таджикского языка)
лентех. – лентехский (диалект сванского языка)
лесб. – лесбосский
лесн. – лесной
лет. – летский (диалект коми-зырянского языка)
лечх. – лечхумский
лив. – ливский
ливвик. – ливвиковский (диалект карельского языка)
лигур. – лигурийский
лид. – лидийский
лик. – ликийский
литов. – литовский
лиф. – лифу
лkd. мал. – лаккодивийский малоялам
л.-мар. – луговомарийский
лобн. – лобнорский
логар. – логарский (диалект языка ормури)
логуд. – логудорский
лоп. – лопарский
лув. – лувийский
лувв. – луввиновский
луг. – луговой
луз. – лузский (диалект коми-зырянского языка)
луз.-лет. – лузско-летский (диалект коми-зырянского языка)
лур. – лурский
льеж. – льежский
людик. – людиковский (диалект карельского языка)
люли – аргo ферганских люли
люли (самарк.) – язык самаркандских люли (на таджикской основе)
мадагл. – мадалгашти (диалект таджикского языка)
мадьяр. – мадьярский (=венгерский)
мазанд. – мазандеранский

май. – майский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
макед. – македонский
мал. – малаялам
мал. кан. – малурский каннада
макед. – македонский
малай. – малайский
малк. – малкарский (диалект карачаево-балкарского языка)
мамл. – мамлюкско-кыпчакский
ман. – манда
манд. – мандаринский (=китайский)
мандей. – мандейский
маних. – манихейский согдийский
манк. – манкентский (говор узбекского языка)
манс. – мансийский (=вогульский)
манс. (в.-конд.) – верхнекондинский (диалект мансийского языка)
манс. (в.-лозв.) – верхнелозвинский (диалект мансийского языка)
манс. (конд.) – кондийский (диалект мансийского языка)
манс. (н.-конд.) – нижнекондинский (диалект мансийского языка)
манс. (н.-лозв.) – нижнелозвинский (диалект мансийского языка)
манс. (пелым.) – пелымский (диалект мансийского языка)
манс. (сев.) – северный диалект мансийского языка
манс. (сев.-ваг.) – севернокондинский (диалект мансийского языка)
манс. (сосв.) – сосвинский (диалект мансийского языка)
манс. (ср.-лозв.) – ссреднелозвинский (диалект мансийского языка)
манс. (юж.-ваг.) – южновагильский (диалект мансийского языка)
манс. (юконд.) – юкондинский (диалект мансийского языка)
маньш. – маньшский (говор туркменского языка)
маньчж. – маньчжурский
мап. мал. – мапила малаялам
мар. – марийский
мар. (балт.) – балтачевский (говор восточного наречия марийско
языка)
сар. (башк.) – говоры восточного диалекта марийского языка на
территории Башкортостана
мар. (белеб.) – белебеевский (говор восточного наречия марийского
языка)
мар. (бир.) – бирский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (ветл.) – ветлужский (северо-восточный) говор марийского
языка

- мар. (волж.) – волжский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (вост.) – восточное наречие марийского языка
- мар. (вят.) – вятский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. г. – горное наречие марийского языка
- мар. (дюрт.) – дюртюминский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (елаб.) – елабужский говор восточного наречия марийского языка
- мар. (звен.) – звениговский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (й.-ол.) – йошкар-олинский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (калтас.) – калтасинский говор восточного наречия марийского языка
- мар. (кильм.) – кильмезский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (козьм.) – козьмодемьянский (говор горного наречия марийского языка)
- мар. (кр.-уф.) – красноуфимский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (кунг.) – кунгурский (свердловско-кунгурский говор восточного наречия марийского языка)
- мар. луг. – луговое наречие марийского языка
- мар. (малм.) – малмыжский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (менз.) – мензелинский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (мишк.) – мишкинский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (морк.) – моркинский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (морк.-серн.) – моркинско-сернурский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (муст.) – мустаевский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (пект.) – пектубаевский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (перм.) – пермский (говор восточного наречия марийского языка)

- мар. (пиж.) – межанский (говор северо-западного наречия марийского языка)
- мар. (прибел.) – прибельский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (сард.-арб.) – сардаяльско-арбарский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (свердл.) – свердловский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (серн.) – сернурский говор лугового наречия марийского языка
- мар. (с.-з.) – северо-западное наречие марийского языка
- мар. (тонш.) – тоншаевский (говор северо-западного наречия марийского языка)
- мар. (туж.) – тужинский (говор северо-западного наречия марийского языка)
- мар. (урж.) – уржумский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (уфим.) – уфимский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (шаран.) – шаранский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар.-шаранг. – шарангский (говор северо-западного наречия марийского языка)
- мар. (шиньш.) – шиньшинский (говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (шор.-унч.) – шор-унчинский (шоруньжинский говор лугового наречия марийского языка)
- мар. (шурм.) – шурминский (говор восточного наречия марийского языка)
- мар. (яран.) – яранский (говор северо-западного наречия марийского языка)
- маратх. – маратхи
- марв. – марвари (диалект раджастан)
- мас. – масарми (диалект Фарса)
- мат. – маторский
- матч. – матчинский (говор таджикского языка)
- мд. кор. – муду корага
- мегеб. – мегебский (диалект даргинского языка)
- мегр. – мегрельский (диалект зацкого языка)
- мегр.-лаз. – мегрело-лазский
- межг. – межгюльский (говор табасаранского языка)

мекр. – мекранский (диалект белужского языка)
мелх. – мелхинский (диалект чеченского языка)
мер. тел. – меролу телугу
мессап. – мессапский
мехр. – мехри
мигр. – мигрельский
мид. – мидийский
микик. – микикский (говор лахурского языка)
митан. – митаннийский арийский
миш. – мишарский (=западный диалект татарского языка)
миш. (байк.) – байкибашевский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Республика Башкортостан)
миш. (горьк.) – горьковский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка
миш. (дрожж.) – дрожжановский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка
миш. (карат.) – говор мордвы-каратаев (относится к западному диалекту татарского языка)
миш. кряш. (куйб.) – куйбышевский говор крещеных татар-мишарей (западный диалект)
миш. (кузн.) – кузнецкий говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Пензенская обл.)
миш. (кург.) – курганский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка
миш. (лямб.) – лямбирский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Пензенская обл.)
миш. (мелек.) – мелекесский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Ульяновская обл.)
миш. (оренб.) – оренбургский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка
миш. (серг.) – сергачский говор западного мишарского диалекта татарского языка (Горьковская обл.)
миш. (темн.) – темниковский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Морд. ССР)
миш. (хвал.) – хвалынский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Ульяновская обл.)
миш. (чист.) – чистопольский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (ТатССР)
мл.-авест. – младоавестийский

млг. – малото
маобит. – маобитский
могол. – могольский
молд. – молдавский
мом. – момский (говор среднего наречия эвенкского языка)
монг. – монгольский
монгор. – монгорский
морав. – моравский
морд. – мордовский
морд. (зап.) – западный диалект эрзя-мордовского языка
морд. (мокш.) – мокша-мордовский
морд. (присур.) – присурский диалект эрзя-мордовского языка
морд. (с.-з.) – северо-западный диалект эрзя-мордовского языка
морд. (центр.) – центральный диалект эрзя-мордовского языка
морд. (эрз.) – эрзя-мордовский
морд. (ю.-в.) – юго-восточный диалект эрзя-мордовского языка
мотор. – моторский
мохев. – мохевский
мрд. гон. – мария гонди
мрд. – маратхи
мугин. – мугинский (диалект даргинского языка)
муир. – муиринский (диалект даргинского языка)
мукр. – мукри (диалект курдского языка)
мундж. – мунджанский
мунин. – мунинский (диалект андийского языка)
мурег. – мурегинский (диалект даргинского языка)
мух.-шиб. – мухор-сибирский (говор бурятского языка)
мюхед. – мюхедский (диалект рутульского языка)
набат. – набатейский
нав. – навахо
нагайб. – нагайбакский (говор татар-кряшен Челябинской области)
найх. – найхинский (говор канайского языка)
нак. – наканновский (говор северного наречия эвенкийского языка)
н.-аккад. – новоаккадский
н.-амг. – нижне-амгуньский (говор негидальского языка)
нан. – нанайский
нандж. кан. – канджангуд каннада
нан.-ульч. – нанайско-ульчский
нар. лат. – народнолатинский

наскафт. – наскафтымский (говор мордовского языка)
н.-ассир. – новоассирийский
натан. – натанзи (диалект Центрального Ирана)
нат.-пумп. – натско-пумпукольский
нах. – нахский, -ие
н.-бал. – нижебальский
н.-вавил. – нововалинской
н.-вычег. – нижевычегодский (диалект коми-зырянского языка)
нган. – нганасанский
н.-гр. – новогреческий
нег. – негидальский
н.-егип. – новоегипетский
нем. – немецкий
ненец. – ненецкий
неп. – непский (говор южного наречия эвенкийского языка)
нерч. – нерчинский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
нивх. – нивхский
нидерл. – нидерландский
нидж. – ниджинский (диалект удинского языка)
ниж. – нижний
ниж.-баль. – нижебальский
ниж.-дон. – нижедонской
нижегор. – нижегородский
ниж.-имб. – нижеимбатский
ниж.-имер. – нижеимертинский
низ. – низовой (диалект чувашского языка)
н.-инвь. – нижеиньвинский (диалект коми-пермяцкого языка)
нйк. – найки
нкр. – найкри
н.-луз. – нижелузский (диалект коми-зырянского языка)
н.-луж. – нижелужицкий
н.-нем. – ниженемецкий
новг. – новгородский
ног. – ногайский
норв. – норвежский
нориль. – норильский
нохур. – нохурский (говор туркменского языка)
н. перс. – новоперсидский
н.-п.-монг. – новомонгольский письменный

нуб. – нубийский
н.-удин. – нижеудинский (диалект бурятского языка)
н.-уйг. – новоуйгурский
н.-чул. – ниже-чулымский (диалект
обох. – обохский (говор аварского языка)
об.-угор. – обско-угорский
общеиран. – общеиранский
общемар. – общемарийский
общемонг. – общемонгольский
общеперм. – общепермский
общеслав. – общеславянский
общетюрк. – общетюркский
общефин. – общефинский
огуз. – огузский
огур. – огурский (протобулгарский)
ойрат. – ойратский
ойрот. – ойротский (=алтайский)
окин. – окинский (говор бурятского языка)
ол. – ольский (говор восточного наречия эвенского языка)
олекм. – олекминский (говор восточного наречия эвенкийского
языка)
олет. – олетский
олл. – оллари гадаба
олон. – олонецкий (один из прибалтийско-финских языков или
наречий)
ом. – говор сибирских татар Омской области
омол. – омонский
он.-кораг. – онти корага
оньк. – оньковский (диалект коми-пермяцкого языка)
ор. – орский (говор томского диалекта языка западносибирских
татар)
орд. – ордовский
ория – язык ория
орл. – орловский
орм. – ормури
орок. – орокский
орош. – орошорский (=рошорвский)
сив. – сивенди
орх. – орхонский

орх.-енис. – орхоно-енисейский
осет. – осетинский
оск. – оскский
оск.-умбр. – оскско-умбрский
осм. – османский (=турецкий, старо-турецкий)
осташк. – осташковский
охот. – охотский (говор восточного наречия эвенского языка)
ош. – ошский (говор узбекского языка)
ПА – праалтайский
паз. – пазенд
пал. – пали
падай. – палайский
пальм. – пальмирский
памир. – памирский
памфил. – памфилийский
ПАН – праавстронезийский
пандж. – панджаби
панджшир.- панджширский (диалект таджикского языка)
пар. – парджи
парач. – парачи
парф. – парфянский
парья (гисс.) – язык гиссарских парья
ПАТ – праавстротайский
пах. – пахари
паш. – пашаи
пашт. – пашто
п.-вавил. – позднеавилонский
п. год. – поья гадаба
п.-егип. – позднеегипетский
пеласг. – пеласгский
пелигн. – пелигнский
пелым. – пелымский
пен. – пенго
пенж. – пенжинский (говор восточного наречия эвенского языка)
пенз. – пензенский
перм. – пермский
перс. – персидский
пехл. – пехлевийский («среднеперсидский»)
печ. – печорский (диалект коми-зырянского языка)

ПИЕ – праиндоевропейский
ПМ – прамонгольский
п.-монг. – письменно-монгольский
ПМЯ – пра-мяо-яо
подк.-тунг. – подкаменнотунгусский (говор южного наречия
эвенкийского языка)
поздн. – поздний
п.-ойрат. – ойратский письменный
полаб. – полабский
полес. – полесский
полов. – половецкий
польск. – польский
ПР. – пра-Рюкю
праалт. – праалтайский
правенг. – правенгерский
прагерм. – прагерманский
праиран. – праиранский
пракр. – пракрит
прамонг. – прамонгольский
праморд. – прамордовский
праперм. – прапермский
праслав. – праславянский
прасаам. – прасаамский
пратюрк. – пратюркский
прауг. – прауторский
праурал. – прауральский
праяп. – праяпонский
приб.-фин. – прибалтийско-финский
пров. – провансальский
протодрав. – протодравидийский
прототюрк. – прототюркский
прус. – прусский
пск. – псковский
ПТМ – пратунгусоманьчжурский
пунич. – пунический
пумп. – пумпокольский
пшав. – пшавский
раб. кан. – рабакави каннада
равн. – равнинный

радж. – раджастхани
рачаб. – рачабалдинский (говор каратинского языка)
рачин. – рачинский (диалект грузинского языка)
риқв. – рикванский (говор андийского языка)
ришт. – риштанский (говор таджикского языка)
рог. – рогский (говор таджикского языка)
родоп. – родопский
роман. – романский
ругудж. – ругуджинский (говор аварского языка)
рум. – румынский
рун. – рунический
рус. – русский
рутул. – рутульский
руш. – рушанский
ряз. – рязанский
саам. – саамский
саам. (коль.) – кольско-саамский
саам. (лул.) – лула-саамский
саам. (норв.) – норвежско-саамский
саам. (швед.) – шведско-саамский
сабей. – сабейский
сабин. – сабинский
сабунч. – сабунчинский (диалект цахурского языка)
савол. – саволакский
саг. – сагайский (диалект хакасского языка)
сагад. – сагадинский (диалект цезского языка)
саид. – саидский
сак. – сакский
сакк. – саккырский (говор западного наречия эвенского языка)
сал. – саларский
салыр. – салырский (диалект туркменского языка)
сальб. – сальбинский
самарг. – самаргинский (говор удэйского языка)
самод. – саможийский
сангис. – сангисари (диалект Центрального Ирана)
сангл. – санглечи
санж. – санжинский (диалект даргинского языка)
санскр. – санскрит
сан. там. – санкети тамильский

сарат. – саратовский
сармат. – сарматский
сарт. – сартский (=узбекский)
сартул. – сартульский (диалект халха-монгольского языка)
сарык. – сарыкский (диалект туркменского языка)
сарыкол. – сарыкольский
сахал. – сахалинский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
саян. – саянский (=сойонский, =тувинский)
сван. – сванский
свердл. – сверловский (=екатеринбургский)
свердл.-кунг. – свердловско-кунгурский говор марийского языка
с.-в.-рус. – северновеликорусский
сев. – северный
сев.-байк. – северо-байкальский (говор южного наречия эвенкийского языка)
сев.-вост. – северовосточный
сев.-драв. – северодравидийский
сев.-имб. – североимбатский
сев.-ит. – североитальянский
сев.-кет. – северокетский
сев.-кор. – севернокорейский
сев.-самод. – северосамодийский
сев.-слав. – севернославянский
сев.-тунг. – севернотунгусский
сев.-эвен. – северо-эвенский (говор восточного наречия эвенского языка)
сед. – седе(х)и(говор с. Седе близ г. Исфахана)
секей. – секейский
селенг. – селенгинский (диалект бурятского языка)
сельдж. – сельджукский
сельк. – селькупский
сельк.-самод. – селькупско-самодийский
семир. – семиреченский (говор уйгурского языка)
семит. – семитский
семн. – семнани (семнанский)
сенак. – сенакский
серб. – сербский
сеут. – сеути (говор западного пахари)
сиб. – сибирский

сибин. – сиби́нский (диалект маньчжурского языка)
сиб.-тат. – сиби́рско-та́тарские диалекты
сив. – сивенди
сикуль. – сикульский
симб. – симби́рский (диалекты татарского, чувашского, русского языков)
синд. – синдхи
синокор. – синокоре́йский
синомонг. – синомонго́льский
сир. – сири́йский
сирак. – сираку́зский
сирт. – сирты́чский (говор табасаранского языка)
сирх. – сирхи́нский (диалект даргинского языка)
сист. – систуни (систа́нский – диалект персидского языка)
скиф. – скифский
скуом. – скуомиш
слав. – славя́нский
слов. – слова́цкий
словац. – слова́цкий
словен. – словенский
словин. – слови́нский
смол. – смоле́нский
совр. – совреме́нный
согд. – согди́йский
сойон. – сойо́нский (-сая́нский, -туви́нский)
сойот. – сойо́тский (-туви́нский)
сокотр. – сокотри́йский
солон. – солонский
сомг. – сомгу́ни (диалект Фа́рса)
сор. – сорани (диалект курдского языка)
сох. – сохский (говор таджи́кского языка)
ср.-ассир. – среднеа́ссирийский
ср.-булг. – среднебу́лгарский
ср.-вавил. – средневавилонский
ср.-валл. – средневалли́йский
ср.-в.-нем. – средневе́рхненемецкий
ср.-гр. – среднегрече́ский
ср.-груз. – среднегру́зинский
ср.-ирланд. – среднеи́рландский

ср.-кит. – среднекитайский
ср.-колым. – среднеколымский
ср.-кор. – среднекорейский
ср.-лат. – среднелатинский
ср.-лозъв. – среднелозъвинский
ср.-монг. – среднемонгольский
ср.-н.-нем. – средненижненемецкий
ср.-перс. – среднеперсидский
ср.-рус. – среднерусский
ср.-сыс. – среднесыольский (диалект коми-зырянского языка)
ср.-тюрк. – среднетюркский
ср.-чул. – среднеяпонский
ст.-аккад. – староаккадский
ст.-венг. – старовенгерский
ст.-исл. – староисландский
ст.-каз. – староказахский
ст.-кыпч. – старокыпчакский
ст.-лат. – старолатинский
ст.-монг. – старомонгольский
ст.-огуз. – староогузский
ст.-осм. – староосманский
ст.-п.-монг. – старописьменно монгольский
ст.-поль. – старопольский
ст.-сак. – старосаксонский
ст.-слав. – старославянский
ст.-тат. – старотатарский
ст.-тур. – старотурецкий
ст.-узб. – староузбекский
ст.-фин. – старофинский
ст.-чеш. – старочешский
ст.-чув. – старочувашский
сувак. – сувакский (диалект табасаранского языка)
с.-уйг. – сары-уйгурский
сул. – сулеймани (диалект курдского языка)
сурх. – сурхы (говор туркменского языка)
с.-х. – семитохамитский
с.-хорв. – сербохорватский
сыкт. – присыктывкарский (диалект коми-зырянского языка)
сым. – сымский (говор южного наречия эвенкийского языка)

сыс. – сысольский (диалект коми-зырянского языка)
с.-юг. – сарыг-югурский
т. – тракайский (диалект западнокараимского языка)
табас. – табасаранский
тавги-самод. – тавги-самодийский (=нганасанский)
тавд. – тавдинский
тадж. – таджикский
тайг. – тайгйский
тал. – талышский
талм. – талмудический
там. – тамильский
тамб. – тамбовский
тамш.-сак. – тамшукско-сакский
тапант. – тапантский (диалект абазинского языка)
тап. кораг. – таппу корага
тар. – таранчинский (кульджинский говор уйгурского языка)
тарск. – тарский (говор тоболо-иртышского диалекта языка
западносибирских татар)
тат. – татарский
тат. (абд.) – абдулинский (говор татарского языка)
тат. (атн.) – отнинский (говор татарского языка)
тат. (байк.) – байкибашевский (говор татарского языка)
тат. (балт.) – балтасинский (говор среднего диалекта татарского
языка)
тат. (бард.) – бардинский (говор среднего диалекта татарского языка)
тат. (баст.) – бастанский (говор татарского языка)
тат. (баш.) – башкирский (говор татарского языка)
тат. (белеб.) – белебеевский (говор татарского языка)
тат. (бир.) – бирский (говор среднего диалекта татарского языка)
тат. (бузул.) – бузульский (говор татарского языка)
тат. (глаз.) – глазовский (говор среднего диалекта татарского языка,
Удмуртия)
тат. (дуб.) – дубязский говор татарского языка
тат. (дрож.) – дрожжановский (говор татарского языка)
тат. (дюрт.) – дюртюлинский (говор среднего диалекта татарского
языка)
тат. (елаб. – кряш.) – говор елабужских крещеных татар
тат. (заин.-кряш.) – говор (заинских крещеных татар)

- тат. (заказ.) – заказанские (говоры среднего диалекта татарского языка)
- тат. (заказ.-ат.) – заказанско-аттинский (говор среднего диалекта татарского языка)
- тат. (заказ.-балт.) – заказанско-балтасинский (говор среднего диалекта татарского языка)
- тат. (заказ.-дуб.) – заказанско-дубьязский (говор среднего диалекта татарского языка)
- тат. (заказ.-лаиш.) – заказанско-лаишевский (говор среднего диалекта татарского языка)
- тат. (заказ.-мамад.) – заказанско-мамадышский (говор среднего диалекта татарского языка)
- тат. (злат.) – златоустский (говор татарского языка)
- тат. (ичк.) – ичкинский (говор среднего диалекта татарского языка, Курганская обл.)
- тат. (калд.) – говор села Калда
- тат. (кам.-уст.) – камско-уствинский (говор среднего диалекта татарского языка (нагорная сторона РТ))
- тат. (камышл.) – камышлинский (говор среднего диалекта татарского языка, Самарская обл.)
- тат. (карин.) – говор татар-каринцев
- тат. (карг.) – каргалинский (говор татарского языка)
- тат. (карс.) – карсунский (говор татарского языка)
- тат. (касим.) – касимовский (говор среднего диалекта татарского языка)
- тат. (кр.-уф.) – красноуфимский (говор среднего диалекта татарского языка)
- тат. кряш. – наречие крещеных татар
- тат. кряш. (елаб.) – елабужский (говор наречия татар-кряшен)
- тат. кряш. (заин.) – заинский (говор наречия татар-кряшен)
- тат. кряш. (заказ.) – заказанский (говор наречия татар-кряшен)
- тат. кряш. (закам.) – закамские (говоры наречия татар-кряшен)
- тат. кряш. (нагайб.) – нагайбакский (говор татар-кряшен, Челябинская обл.)
- тат. кряш. (нагорн.) – говор татар-кряшен Нагорной стороны правобережья р. Волги, РТ)
- тат. кряш. (подбер.) – подберезинский (говор татар-кряшен Нагорной стороны РТ)

- тат. **кряш.** (чист.) – чистопольский (говор наречия татар-кряшен, Закамье РТ)
- тат. (кузн.) – кузнецкий (говор татарского языка, Пензенская обл.)
- тат. (куйб.) – говор татар-кряшен Куйбышевской (Самарской) обл.
- тат. (курш.) – говор татар села Куршэ
- тат. (лаиш.) – лаишевский (говор татарского языка)
- тат. (лямб.) – лямбирский (говор татарского языка)
- тат. (мам.) – мамадышский (говор татарского языка)
- тат. (мелек.) – мелекесский (говор татарского языка, Ульяновская обл.)
- тат. (менз.) – мензенлинский говор среднего диалекта татарского языка
- тат. (н.-кам.) – нижекамский (говор татарского языка)
- тат. (н.-мус.) – новомусинский (говор татарского языка)
- тат. (нукр.) – нукратовский (говор среднего диалекта татарского языка, Кировская обл.)
- тат. (нурл.) – нурлатский (говор среднего диалекта татарского языка, Нагорная сторона РТ)
- тат. (оренб.) – оренбургский (говор татарского языка)
- тат. (параньг.) – параньгинский (говор среднего диалекта татарского языка, РМЭ)
- тат. (перм.) – говор (уральских татар Пермской области)
- тат. (серг.) – сергачский (говор татарского языка, Нижегородская обл.)
- тат. (спас.) – спасский (говор татарского языка)
- тат. ср. – средний (казанский) диалект татарского языка
- тат. (стрел.) – стерлитамакский (говор татарского языка)
- тат. (тарх.) – тарханский говор среднего диалекта татарского языка, Нагорная сторона РТ)
- тат. (темн.) – темниковский говор татарского языка (Мордовия)
- тат. (теп.) – тепенеевский (говор татарского языка)
- тат. (туйм.) – туймазинский (говор среднего диалекта татарского языка)
- тат. (турб.) – турбаслинский (говор татарского языка)
- тат. (тюм.) – тюменский (говор восточного диалекта татарского языка)
- тат. (урал.-сакм.) – урало-сакмарский (говор татарского языка)
- тат. (хвал.) – хвалынский (говор татарского языка) (Ульяновская обл.)

тат. (чист.) – чистопольский (говор татарского языка)
тат. (шарл.) – шарлыкский (говор татарского языка)
тат. (юкам.) – юкаменский (подговор татарского языка)
татил. – татилсский (говор табасаранского языка)
татск. – татский
твер. – тверской
тд. – тогда
теврвиз. – теврвизский (говор тоболо-иртышского диалекта языка
западносибирских татар)
тек. – текинский (диалект туркменского языка)
тел. – телеутский (диалект алтайского языка)
теленг. – теленгистский (=алтайский)
телеут. – телеутский
телуг. – телугу
темирг. – темиргоевский (диалект адыгейского языка)
тепт. – язык тептярей
тесхем. – тесхемский
тидиб. – тидибский (говор аварского языка)
тимпт. – тимптонский (говор восточного наречия эвенкийского
языка)
тинд. – тиндинский
тинит. – тинитский (говор табасаранского языка)
тип. кан. – типтурский каннада
тироль. – тирольский
тир. там. – тирунелвельский тамильский
тл. – тулу
тлис. – тлиссский (говор басвалинского языка)
тлонд. – тлондодинский (говор багулальского языка)
тляд. – тлядальский 1) диалект бежитского языка; 2) говор
гунзибского языка
т.-маньчжур. – тунгусо-маньжурский
тоб. – тобольский (диалект языка западно-сибирских татар)
тоб.-ирт. – тоболо-иртышский (диалект языка западно-сибирских
татар)
тодж. – тоджинский (диалект тувинского языка)
токк. – токкинский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
токит. – токитинский (диалект каратинского языка)
токм. – токминский (говор южного наречия эвенкийского языка)
том. – томский (диалект языка западносибирских татар)

томм. – томмотский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
томп. – томпонский (говор среднего наречия эвенского языка)
торг. – торгутский
тоск. – тоскский
тотт. – тоттинский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
тоф. – тофаларский (см.: карагасский)
тох. – тохарский
тпиг. – тпигский (говор агульского языка)
трухмен. – трухменский
туарег. – туарегский
туб. – тубинский
тубал. – тубаларский (=алтайский)
тув. – тувинский
тув.-караг. – тувино-карагасский
тул. – тульский
тумн. – тумнинский (говор ороцкого языка)
тумут. – тумутский
тумут.-кобд. – кобдо-тумутский
тунг. – тунгусский
тунгир. – тунгирский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
тунк. – тункинский (говор бурятского языка)
тур. – турецкий
тураг. – турагский (говор табасаранского языка)
турал. – туралинский
туркм. – туркменский
турф. – турфанский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
тушин. – тушинский (=бацбийский)
тюг. – тюгесирский (говор западного наречия эвенского языка)
тюмен. – тюменский (говор тобольско-иртышского диалекта языка западносибирских татар)
тюринг. – тюрингский
тюрк. – тюркский
убых. – убыхский
уг. – угорский
угарит. – угаритский
уд. – удэ́йский
удж. – уджумчинский
удин. – удинский

- удм. – удмуртский
- удм. (алн.) – алнашский (говор удмуртского языка)
- удм. (бавл.) – бавлинский (говор удмуртского языка)
- удм. (буй.-тан.) – буйско-таныпский (закамский говор удмуртского языка)
- удм. (виш.) – вишурский (говор удмуртского языка)
- удм. (глаз.) – глазовский (диалект удмуртского языка)
- удм. (грах.) – граховский (говор удмуртского языка)
- удм. (гур.) – гуринский (говор удмуртского языка)
- удм. (елаб.) – елабужский (диалект удмуртского языка)
- удм. (завят.) – завятский (говор удмуртского языка)
- удм. (закам.) – закамский (говор удмуртского языка)
- удм. (казан.) – казанский (диалект удмуртского языка)
- удм. (канл.) – канлинский (говор удмуртского языка)
- удм. (кизн.) – кизненский (диалект удмуртского языка)
- удм. (копк.) – копкинские (говор удмуртского языка)
- удм. (кос.) – косинский (диалект удмуртского языка)
- удм. (кр.-уф.) – красноуфимский (говор удмуртского языка)
- удм. (кукм.) – кукморский (говор удмуртского языка)
- удм. (кырыкм.) – кырыкмасский (диалект удмуртского языка)
- удм. (малм.) – малмыжский (диалект удмуртского языка)
- удм. (малм.-урж.) – малмыжско-уржумский (диалект удмуртского языка)
- удм. (пер.-южн.) – периферийно-южный (диалект удмуртского языка)
- удм. (порез.) – порезский диалект удмуртского языка (говор шошминского языка)
- удм. (сарап.) – сарапульский (диалект удмуртского языка)
- удм. (сев.) – северный (диалект удмуртского языка)
- удм. (селт.) – селтинский (говор удмуртского языка)
- удм. (слоб.) – слободской (диалект удмуртского языка)
- удм. (ср.) – средний (диалект удмуртского языка)
- удм. (ср.-вост.) – средневосточный (диалект удмуртского языка)
- удм. (ср.-южн.) – среднеюжный (диалект удмуртского языка)
- удм. (татышл.) – татышлинские (диалект удмуртского языка)
- удм. (ташк.) – ташкишинский (говор удмуртского языка)
- удм. (тылов.) – тыловайский (диалект удмуртского языка)
- удм. (урс.) – урсыгуртский (диалект удмуртского языка)
- удм. (уфим.) – уфимский (диалект удмуртского языка)

удм. (шаг.) – шагиртский (говор удмуртского языка)
удм. (шарк.) – шарканский (говор удмуртского языка)
удм. (шошм.) – шошминский (диалект удмуртского языка)
удм. (юж.) – южный (юго-западный диалект удмуртского языка)
удм. (ю.-з.) – юго-западный (диалект удмуртского языка)
удм. (якш.-бод.) – якшур-бадьинский (говор удмуртского языка)
удм. (яр.) – ярский (говор удмуртского языка)
удор. – удорский (диалект коми-зырянского языка)
узб. – узбекский
узб. (кыпч.) – кыпчакские (диалекты узбекского языка)
узб. (огуз.) – огузские (диалекты узбекского языка)
уйг. – уйгурский
укр. – украинский
ульч. – ульчский
умбр. – умбрский
унгин. – унгинский (говор бурятского языка)
унтиб. – унтибский (диалект аварского языка)
урал. – уральский
урал.-алт. – уралоалтайский
урарт. – урартский
ура-тюб. – ура-тюбинский (говор таджикского языка)
урах. – урахинский (диалект даргинского языка)
уржум. – уржумский (говор марийского языка)
уркар. – уркаражский (диалект даргинского языка)
урм. – урмийский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
урс. – урсюгский (говор табасаранского языка)
урумч. – урумчинский (говор уйгурского языка)
усуг. – усугский (говор саульского языка)
жюрюк. – жюрюкский (говор табасаранского языка)
уряых. – уряханский (=тувинский)
учам. – учамский (говор южного наречия эвенкийского языка)
учур. – учурский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
учур.-зей. – учурско-зейский
фалиск. – фалисский
фаюм. – фаюмский
ферг. – ферганский (говор уйгурского языка)
ферейд. – ферейданский
фесс. – фессалонский
фидж. – фиджийский

фин. – финский
финик. – финикийский
фит. – фитинский говор тульского языка
фрак. – фракийский
франк. – франкский
франц. – французский
фриг. – фригийский
фриз. – фризский
фриул. – фриульский
ф.-г. – финно-угорский
хаз. – захара (таджикские говоры хазара, Афганистан)
хазар. – хазарский
хад. – хадинский (говор ороцкого языка)
хайд. – хайдакский (диалект даргинского языка)
хак. – хакасский
хакк. крб. – хакки куруба
хакк. крб. там. – хакки куруба тамильский
хакуч. – хакучинский (говор адыгейского языка)
халадж. – халаджский
хал. кан. – халакки каннада
хам. – хамийский (диалект уйгурского языка)
ханаан. – хайаанейский
ханаг. – ханагский (говор табасаринского языка)
хант. – хантыйский
хант. (аган.) – аганский (говор сургутского диалекта хантыйского языка)
хант. (варт.) – говор с. Вартовское на Оби
хант. (вас.) – васьюганский (диалект хантыйского языка)
хант. (вах.) – хантыйские (говоры окрестностей Ваха; ваховасюганский диалект)
хант. (в.-демян.) – верхне-демянский (диалект хантыйского языка)
хант. (иртыш.) – иртышский (диалект хантыйского языка)
хант. (казым.) – казымский диалект хантыйского языка
хант. (конд.) – кондинский (диалект хантыйского языка)
хант. (низям.) – низямский диалект хантыйского языка
хант. (обд.) – обдарский (диалект хантыйского языка)
хант. (салым.) – салымский диалект хантыйского языка
хант. (сев.) – северный (диалект хантыйского языка)
хант. (сург.) – сургутский (диалект хантыйского языка)

хант. (трем.) – тремьюганский (диалект хантыйского языка)
хант. (шерк.) – шеркальский диалект хантыйского языка
хант. (юган.) – юганский (диалект хантыйского языка)
хап. – хапильский (говор табасаранского языка)
харач. – харачинский говор южно-монгольского наречия
хард. – хардури (диалект таджикского языка)
харз. – харзани (говор на Северо-Западе Ирана)
харч. – харчинский
хас. – хасар (говор туркменского языка)
хасавюрт. – хасавюртовский (диалект кумыкского языка)
хат. – хатяп (говор туркменского языка)
хатт. – хаттский
хварш. – хваршинский
хевс. – хевсурский
хетт. – хеттский
хетт.-иерогл. – хеттский иероглифический
хив. – хивинский (диалект узбекского языка)
хивск. – хивский (говор табасаринского языка)
хинал. – хинагульский
хинган – хинганский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
хинд. – хинди
хиос. – хиосский
х.-монг. – халха-монгольский
хол.-быз. – холамо-бызынгиевский (диалект карачаево-балкарского языка)
холмог. – холмогорский
хоп. – хопский
хор. – хорский (говор удэйского языка)
хорас. – харасанско-тюркский
хорв. – хорватский
хоредж. – хореджский (говор табасаранского языка)
хорезм. – хорезмийский (диалект узбекского языка)
хорин. – хоринский (диалект бурятского языка)
хотан. – хотанский (диалект уйгурского языка)
хот.-сак. – хотаносакский
хунс. – хунсари (диалект Центрального Ирана)
х.-ург. – халха-ургинский
хотог. – хотогойтский (диалект халха-монгольского языка)
хуриг. – хуригский (говор табасаранского языка)

хурр. – хурритский
хуф. – хуфский
цах. – цахурский
цах.-суваг. – цахурско-сувагильский (диалект иахурского языка)
ц.-драв. – центральнo-дравидийский
цез. – цезский (=дидойский)
цирх. – цирхинский (говор агульского языка)
ц.-кушит. – центрально-кушитский
цонг. – цонгольский (говор бурятского языка)
ц.-слав. – церковнославянский
ц. там. – цейлонский тамильский (Шри-Ланка)
цуд. – цудахарский (диалект даргинского языка)
цыг. – цыганский
чаг. – чагатайский
чад. – чадский
чадак. – чадакологский (говор анцукского диалекта южного наречия аварского языка)
чак. – чаковский
чамал. – чамальский
чан. – чанский (=лазский) – (диалект занского языка)
чандыр. – чандырский (диалект туркменского языка)
чар. – чарасский (говор табасаранского языка)
чахар. – чахарский
чег. – чегес (говор туркменского языка)
чегем. – чегемский (диалект карачаево-балкарского языка)
чер. – черемисский (=марийский)
черк. – черкесский
черногор. – черногорский
чеч. – чеченский
чжурчж. – чжурчженьский
чист. – чистони (говор таджикского языка)
чнд. гон. – чанда гонди
чох. – чохский (говор аварского языка)
чув. – чувашский
чув. (верх.) – верховой (диалект чувашского языка)
чув. (закам.) – закамские (говоры низового диалекта чувашского языка)
чув. (низ.) – низовой (диалект чувашского языка)

- чув. (приволж.) – приволжские говоры низового диалекта чувашского языка
- чув. (присв.) – присвияжские говоры низового диалекта чувашского языка)
- чув. (приурал.) – приуральские говоры низового диалекта чувашского языка
- чув. (сарат.) – саратовский (говор низового диалекта чувашского языка)
- чув. (с.-з.)** – северо-западный (малокарачкинский) говор верхового диалекта чувашского языка
- чув. (ср.) – средний (молъень – диалект чувашского языка)
- чувек. – чувекский (говор табасаранского языка)
- чукот.** – чукотский
- чулым. – язык чулымских тюрков
- чульм. – чульманский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
- чумик. – чумиканский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
- чуст. – чустский (говор таджикского языка)
- шаарт. – шаартузский (говор таджикского языка)
- шагуд. – шагуданский (говор аварского языка)
- шайд. – шайданский (говор таджикского языка)
- шапс. – шапсугский (диалект адыгейского языка)
- шат. – шатойский (говор чеченского языка)
- шахр. – шахристанский (говор таджикского языка)
- шваб. – швабский
- швед. – шведский
- швейц. – швейцарский
- шем. – шемепзади
- шин. – шина
- шиназ. – шиназский (диалект рутульского языка)
- шол. кан. – голига каннада
- шор. – шорский
- шрк. тел. – шрикакуламский телугу
- шугн. – шугнанский
- шум. – шумашти (один из центрально-дардских языков)
- шулан. – шуланинский (говор аварского языка)
- шусв. – шусвоп
- шум. – шумерский

ш.-юг. – шираюгурский
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
элам. – эламский
эльз. – эльзасский
энец. – энецкий
зол. – золийский
эрз. – эрзя-мордовский
эрз. (алов.) – аловский (говор северо-западного диалекта эрзя-мордовского языка)
эрз. (б.-игн.) – большеигнатовский (диалект эрзя-мордовского языка)
эрз. (драк.) – дракинский (диалект эрзя-мордовского языка)
эрз. (иванц.) – ивацевский (говор эрзя-мордовского языка) (Нижегородская обл.)
эрз. (чивалк.) – ичалкинский (говор эрзя-мордовского языка)
эрз. (кенд.) – кендяевский (говор эрзя-мордовского языка)
эрз. (козл.-атяш.) – козловско-атяшевский (говор центрального диалекта эрзя-мордовского языка)
эрз. (н.-пьян.) – нижнепьяннский (диалект эрзя-мордовского языка)
эрз. (прилат.) – прилатырский (диалект эрзя-мордовского языка)
эрз. (саб.) – сабаевский (говор юго-восточного или присурского диалекта эрзя-мордовского языка)
эрз. (сев.-зап.) – северо-западный (говор эрзя-мордовского языка)
эрз. (ст.-турд.) – старотурдовский (диалект эрзя-мордовского языка)
эрз. (федор.) – федоровский (диалект эрзя-мордовского языка) (БССР)
эрз. (шокш.) – шокшинский (куст говоров эрзя-мордовского языка)
эрз. (шугур.) – шугуровский (диалект эрзя-мордовского языка)
эрс. – эрсари (диалект туркменского языка)
эск. – эски (говор туркменского языка)
эст. – эстонский
этр. – этрусский
эушт. – эуштинский (говор томского диалекта языка западносибирских татар)
эушт.-чат. – эуштинско-чатский (говор томского диалекта языка западносибирских татар)
эфиоп. – эфиопский
эхир. – эхиритский (диалект бурятского языка)
эхир.-булгат. – эхирит-булгатский (говор бурятского языка)

эчед. – эчединский (говор тиндинского языка)
ю.-в. – юго-восточный
юг. – югский
ю.-з. – югозападный
юж. – южный
юж.-араб. – южноарабский
юж.-в.-рус. – южновеликорусский
юж.-драв. – южнодравидийский
юж.-зан. – южнозанский
юж.-имб. – южноимбатский (диалект кетского языка)
юж. кан. там. – тамильский диалект округа Южная Канада
юж.-кет. – южнокетский
юж.-кушит. – южнокушитский
юж.-монг. – южномонгольский
юж.-осет. – южноосетинский
юж.-самод. – южносамодийский
юж.-слав. – южнославянский
юж.-тунг. – южнотунгусский
юж.-тюрк. – южнотюркский
юж.-каз. – южноказахский
юж.-эвенк. – южноэвенкийский
юй. – юйгу (язык желтых уйгуров)
юкаг. – юкагирский 2) говор западного наречия эвенкского языка
юрак-самод. – юрако-самоедский (-ненецкий)
ягн. – ягнобский
язг. – язгулямский
языр. – язырский (диалект туркменского языка)
як. – якутский
ялутор. – ялуторовский (подговор тюменского говора языка западносибирских татар)
ялц. – ялцутский (говор лезгинского языка)
яп. – японский
яп. (йон.) – йонакунни
яп. (каг.) – Кагосима
яп. (кам.) – Камэяма
яп. (кет.) – Кето
яп. (нас.) – Насэ
яп. (сюр.) – Сюри
яп. (ток.) – Токио

яп. (хат.) – Хатрума

яран. – яранский (говор марийского языка)

ярк. – яркинский (диалект лезгинского языка)

яркент. – яркентский (говор уйгурского языка)

яроsl. – ярославский

яс. – ясский

ятв. – ятвяжский

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- абесс. – абессив, лишительный падеж
абл. – аблатив, отложительный падеж
абстр. – абстрактный
авт. – автономный
ад. – адъектив
адв. – адverb
адесс. – адессив
аккуз. – аккумулятив, винительный падеж
акт. п. – активный падеж
алл. – аллатив
анат. – анатомия
антич. – античный
аор. – аорист
аппрокс. – аппроксиматив
арг. – арготическое
арх. – архаизм, архаический
астр. – астроним
атем. – атематический
аттр. – атрибутивная форма
афф. – аффикс
безл. – безличный
библ. – библейский
бот. – ботаника
бран. – бранное слово, выражение
буд. вр. – будущее время
букв. – буквально
б. ч. – большей частью
бывш. – бывший
в. – век
вар. – вариант
вв. – века
вводн. – вводное слово
вежл. – вежливое
вет. – ветеринария
взаимн. – взаимный залог
вин. п. – винительный падеж
вкл. ф. – включительная форма
вм. – вместо

воен. – военное дело, военный термин
возвр. – возвратный
возвр.-страд. – возвратно-страдательный залог
вок. п. – вокативный падеж
вопр. – вопросительный
вр. – время, временной
в разн. знач. – в разных значениях
в сочет. – в сочетании
вспом. – вспомогательный глагол
втор. – вторичный
в т.ч. – в том числе
гг. – годы
ген. – генетив, родительный падеж
гл. – глагол
гл. обр. – главным образом
гов. – говор
грам. – грамматика
груб. – грубое слово, выражение
груб.-прост. – грубо-просторечное
д. – деревня
дат. п. – дательный падеж
дат.-вин. п. – дательно-винительный падеж
дв. ч. – двойственное число
деепр. – деепричастие
дезидер. – дезидеративный
деном. – деноминативный
дет. – детское слово (употребляемое в детской речи или при разговоре с детьми)
диал. – диалектный
дистр. – дистрибутив, распределительный
долженств. – долженствовательный
досл. – дословно
др. – другой, другие
ед. ч. – единственное число
желат. – форма желательности
жен. – женское слово; форма, употребляемая в речи женщин
ж. р. – женский род
заимств. – заимствованный
зал. – залог

зват. – звательная форма
звукоподр. – звукоподражание
знач. – значение
зоол. – зоология
и. д. – имя действия
и др. – и другие
изобр. – изобразительное (звукоподражательное или образное слово)
илл. – иллатив
имен. – именной
имт. – имитатив
им. п. – именительный падеж
импер. – императив
имперф. – имперфект
инд. – индикатив
инесс. – инессив
инкл. – инклюзив
иноск. – иносказательный
инстр. п. – инструментальный падеж
инф. – инфинитив
инх. – инхотативный
иронич. – в ироническом смысле
и. с. – имя собственное
искл. ф. – исключительная форма
ист. – исторический
исх. п. – исходный падеж
и т. д. – и так далее
итер. – итеративный
и т. п. – и тому подобное
календ. – календарь, календарный
карт. – термин карточной игры
кауз. – каузатив, причинный падеж
кл. – класс
книж. – книжная форма
кол-во – количество
колич. – количественное (числительное)
комит. – комитатив, совместный падеж
комп. – компаратив, сравнительный падеж
кон. – конец
конзек. – конзекутив

конкр. – конкретный
косв. – косвенный
кр. ф. – краткая форма
кулин. – кулинария
л. – лицо
ласк. – ласкательная форма
лат. – латив
лингв. – лингвистика
лит. – литературная форма
лит-ра – литература
личн. – личный
лишит. – лишительный падеж
лок. – докатив
малоупотр. – малоупотребительное
мед. – медицина
межд. – междометие
мест. – местоимение
местн. п. – местный падеж
миф. – мифология
многокр. – многократный вид глагола
мн. ч. – множественное число
мод. – модальный
м.р. – мужской род
мусульм. – мусульманский
муз. – музыкальный
назв. – название
накл. – склонение
напр. – например
направ. п. – направительный падеж
нар. – народный
нареч. – наречие
нар.-поэт. – народно-поэтическое
наст.-буд. вр. – настоящее-будущее время
наст. вр. – настоящее время
наст. опр. вр. – настоящее определенное время
науч. – научный
нац. – национальный
нач. – начало
неизм. – неизменяемое

неол. – неологизм
неперех. – непереходный
неправ. – неправильно
нескл. – несклоняемый
ном. – номинатив, именительный падеж
н.э. – нашей эры, новой эры
образи. – образное слово, выражение
обращ. – обращение
обст. – обстоятельство
однокр. – однократный
опт. – оптатив
орф. – орфографически
осн. – основа, основной
отвл. – отвлеченное
отглаго. – отглагольный
относит. – относительное
отрицат. – отрицательный
отымен. – отыменный
офиц. – ординальный
охот. – охотничий
п. – падеж
парн. – парное
пасс. – пассив
пер. – перевод
первонач. – первоначально
перен. – в переносном значении
перех. – переходный
перф. – перфект
письм. – письменный
пл. – плюралис
побуд. – побудительный
повел. – повелительный
повт. – повтор основы
погов. – поговорка
позд. – поздний
показ. – показатель
полн. ф. – полная форма
понуд. – понудительный залог
порядк. – порядковое (числительное)

посесс. – посессивный
посл. – пословица
почтит. – почтительное
поэт. – поэтическое слово
превосх. ст. – превосходная степень
предл. п. – предложный падеж
през. – презент
презр. – презрительно
преимущ. – преимущественно
пренебр. – пренебрежительно
прет. – претерит
прил. – прилагательное
прим. – пример
прим. – примечание
принадл. – принадлежность
прич. – причастие
прост. – просторечное
противит. – противительный союз
противоп. – противоположное (значение)
прош. вр. – прошедшее время
прям. – в прямом значении
пчел. – пчеловодство
р. – река
разг. – разговорное слово, выражение
разделит. – разделительный
разл. – различный
ран. – ранний
рел. – религиозный (термин)
р-н – район
род. п. – родительный падеж
рр. – реки
с. – село
сб. – сборник
сел. – селение
сер. – середина
симул. – форма симулятивности
сказ. – сказочное
сл. – слово
след. – следующий

служ. – служебный
см. – смотри
собир. – собирательный
собр. – собрание
собст. – собственный
сов. – советский
соверш. – совершенный вид
совм. – совместный
совр. – современный
соед. – соединительный
сокр. – сокращенно
соотв. – соответствует, соответствующий
спец. – специальный термин
ср. – сравни; средний
сравн. ст. – сравнительная степень
ср. р. – средний род
средн. – форма среднего залога
ст. – статья
стих. – стихотворение
страд. – страдательный
субст. – субстантив
суфф. – суффикс
сущ. – существительное
с.-х. – сельскохозяйственный
т. – том
табл. – таблица
твор. п. – творительный падеж
т.е. – то есть
терм. – терминатив
техн. – технический
т. к. – так как
т. н. – так называемый
т. о. – таким образом
терр. – территория
тж. – то же (значение)
трад.-поэт. – традиционно-поэтическое
транз. – транзитив
транс. – транслатив
тт. – тома

тыс. – тысячелетие
уваж. – уважительный
увел. – увеличительный
указ. – указательный
уменьш. – уменьшительный
уменьш.-ласк. – уменьшительно-ласкательное
уничиж. – уничижительное
уподоб. – уподобительный
употр. – употребляется
усеч. – усеченный
усил. – усилительный
уст. – устаревшее слово, выражение
уступ. – уступительный союз
учащ. – учащательный
ф. – форма
филос. – философия
финал. – финалис
финитн. – финитный
фолькл. – фольклор
христ. – христианский
худож. – художественный
церк. – церковное
ч. – число
част. – частица
четв. – четверть
числ. – числительное
шутл. – шутливое слово, выражение
эвф. – эвфемизм
элл. – эллатив
энкл. – энклитика
эсс. – эссив
этим. – этимологически
этно. – этнография
юр. – юридический термин
яз. – язык
С – consonans (согласный)
id. – idem (то же)
V – vocalis (гласный)

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

	встречается параллельно; соответствует форме
=	равняется; так же, как ...
/	разграничение сингармонических вариантов аффиксов
<	образовался из ..., развился из ...
>	перешло в ..., развилось в...
→	заимствовано в ...
←	заимствовано из ...
~	чередуется, соответствует форме
*	восстановленная или предполагаемая форма
√	корень слова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Период накопления и предварительного научного осмысления эмпирического материала	10
Период манифестации (урало-)алтайской гипотезы	26
Кризис урало-алтайской теории	48
Становление и развитие ортодоксальной алтаистики	56
Кризис ортодоксальной алтайской теории и становление неоалтаистики	89
Литература	141
Журналы, периодические издания, сборники	194
Сокращения названий языков и диалектов	211
Условные знаки	270

ТУЙМЕБАЕВ Ж.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ И АЛТАИСТИКИ**

монография

Технический редактор Ахметова Ж.
Художественный редактор Шанкибаева А.
Корректор Утегенова М.

Отпечатано в типографии “Туран”
при университете МКТУ им. Х.А.Ясави

Формат 57х82. Офсетная бумага. Офсетная печать.
Усл. печ.л. 12.7. Тираж 500